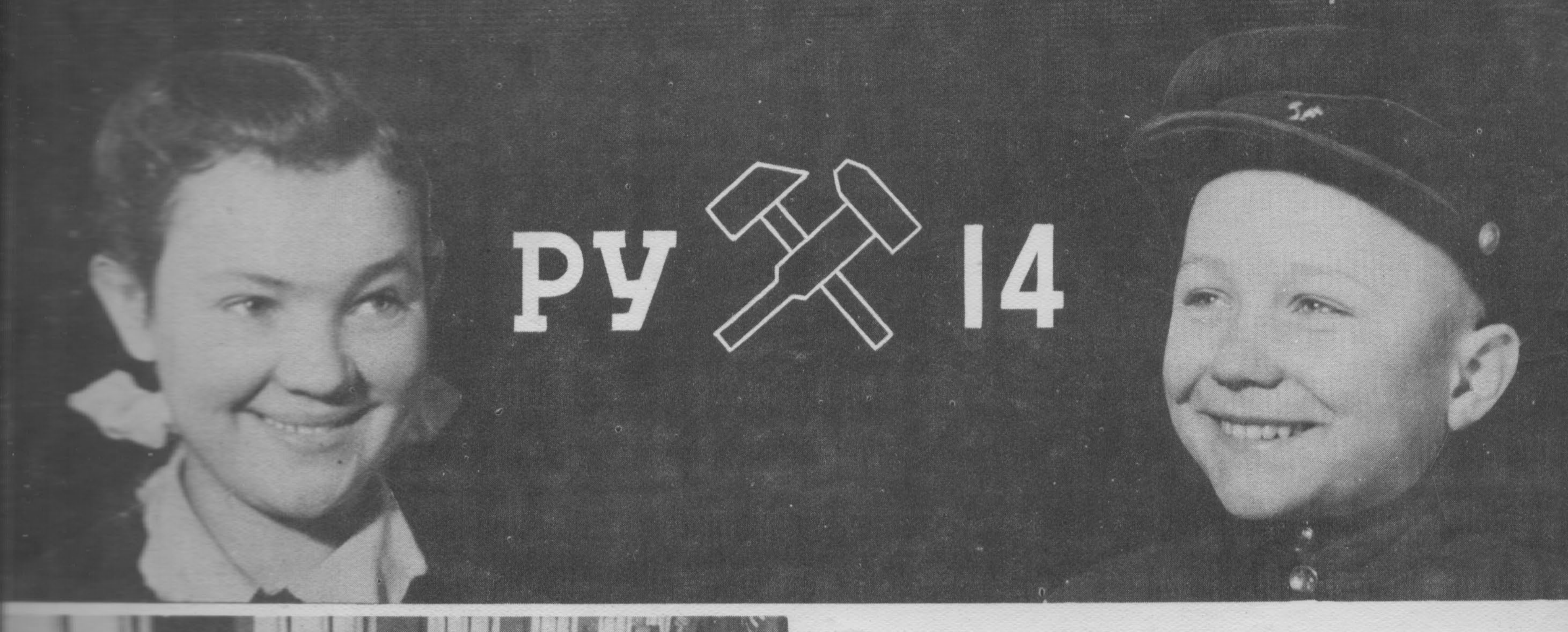

Лида Варакина — отличница московского ремесленного училища № 14 — на лыжной прогулке (см. фотоочерк на 2-й странице обложки).

Фото Э. Гуттарца

Фотоочерк Э. Гутгарца

В ремесленном училище № 14 при заводе «Калибр» учатся 750 ребят. Это будущие токари, фрезеровщики, лекальщики, слесари. Помимо теоретических и практических знаний учащиеся получают и общее образование. В свободное от занятий время ремесленники посещают конструкторский, литературный, драматический, спортивный, автомобильный и художественный кружки. Нередко в гости к учащимся приезжают выдающиеся конструкторы, писатели, артисты.

На снимках вверху: отличники учебы Маша Иванова и Володя Хлынин.

На снимках слева (сверху вниз): 1. Группа мастера В. В. Короткова на занятиях в токарном цехе. Эта группа завоевала переходящее Красное знамя кадровых рабочих завода «Калибр» за отличные показатели в учебе. На переднем плане: мастер Коротков проверяет работу Юрия Исаева. 2. Юные конструкторы — члены конструкторского кружка — Валя Богомолова и Женя Ерофеев работают над чертежами детали станка. 3. Большинство ребят занимается лыжным спортом. Руководит лыжной секцией первый чемпион России по лыжам 1910—1911 годов П. А. Бычков. Во время избирательной кампании лыжная команда училища провела агитпоход до Волоколамска.

На снимке внизу (справа): занятия литературного кружка. Руководит кружком преподаватель русского языка и литературы В. Д. Стефанов. Читает свои стихи Толя Синюгин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 6 (1079) 8 ФЕВРАЛЯ 1948

26-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НА ГРАНИЦЕ

Невдалеке от живописного берега реки Прут, на границе с Румынией, стоит огороженная деревянным забором полуразрушенная стена.

На стене, пробитой пулями и осколками, рядом с изображением Золотой звезды и ордена Ленина, прикреплена мемориальная доска с надписью:

«ЗДЕСЬ ЗАСТАВА ЛЕЙТЕНАНТА ВЕТЧИНКИНА СТОЯЛА НАСМЕРТЬ, ЗАЩИЩАЯ РОДНУЮ ЗЕМЛЮ 22 ИЮНЯ 1941 г.»

В 1934 году уроженец села Покровского, Курской области, колхозник Кузьма Федорович Ветчинкин был призван на военную службу в пограничные войска. Бдительно охраняя советские рубежи, он задержал трех вражеских лазутчиков. Командование направило сержанта Ветчинкина на курсы младших лейтенантов. Через год он стал начальником пограничной заставы.

21 июня 1941 года на заставе лейтенанта Ветчинкина шла обычная жизнь.

В 4 часа утра 22 июня с румынской стороны загремели артиллерийские залпы, затрещали пулеметы. Ливень стали и свинца обрушился на заставу. Лейтенант Ветчинкин объявил тревогу. Бойцы-пограничники заняли оборонительные точки. Первыми же снарядами были подожжены и разрушены помещения заставы, а затем и блокгауз. Тридцать три героя-пограничника вели неравный бой. Они нанесли противнику большие потери, а к вечеру 22 июня с подоспевшей на помощь группой пограничников сами пошли в атаку.

К 4 часам дня участок заставы был полностью очищен от противника. На поле боя осталось более четырехсот вражеских трупов. Получив хороший урок, фашисты в этот день больше не пытались переправляться на наш берег.

В первый день боев на заставе смертью храбрых пали старшина Наумов, сержанты Кириллов, Кисленков, Зубов, Третьяков, рядовые Симаков, Спирин и Дукеев. Пограничники похоронили товарищей около заставы.

За проявленную отвагу и мужество в первый день Великой Отечественной войны лейтенанту Ветчинкину было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Прошло семь лет. На месте героической заставы Ветчинкина отстроены новые здания, и молодые пограничники зорко охраняют мирный труд родной страны.

Недавно заставу посетил депутат Верховного Совета СССР Герой Советского Союза майор К. Ф. Ветчинкин. Начальник заставы гвардии старший лейтенант Матвеев, встречая знатного гостя, сказал: «Подвиг ваших пограничников всегда будет служить нам примером отваги и мужества, примером беззаветной любви к своей Родине, к партии, к нашему родному Сталину». Эти слова выражали мысли и чувства всех бойцов-пограничников.

Текст и фото М. Посельского.

Молодые бойцы возлагают венок на могилу героев-пограничников, погибших 22 июня 1941 года. Они клянутся зорко оберегать родные рубежи.

Герой Созетского Союза майор К. Ф. Ветчинкин рассказывает молодым пограничникам о первых боях на заставе.

Новый начальник заставы гвардии старший лейтенант С. А. Матвеев (слева) и майор К. Ф. Ветчинкин, бывший начальником заставы в 1941 году.

Товарищи М. С. Гречуха, В. М. Молотов, Н. С. Хрущев, Д. С. Коротченко и И. А. Власов приветствуют демонстрацию трудящихся Киева в честь 30-летия Советской Украины.

Праздничное шествие в честь 30-летия Советской Украины открыли части войск Киевского гарнизона. Над Крещатиком непрерывно раскатывалось громкое, могучее «ура».

С огромным подъемом прошла в Киеве юбилейная сессия Верховного Совета УССР, посвященная 30-летию советской власти на Украине. Н а с н и м к е в н и з у: в зале заседаний сессии.

Три с половиной часа продолжалась в Киеве демонстрация в честь 30-летия Советской Украины. В ней участвовало более

Вечером ярко была иллюминована столица Украины. Ракеты взвивались ввысь, и небо озарялось огнями фейерверков. 30-ю артил-

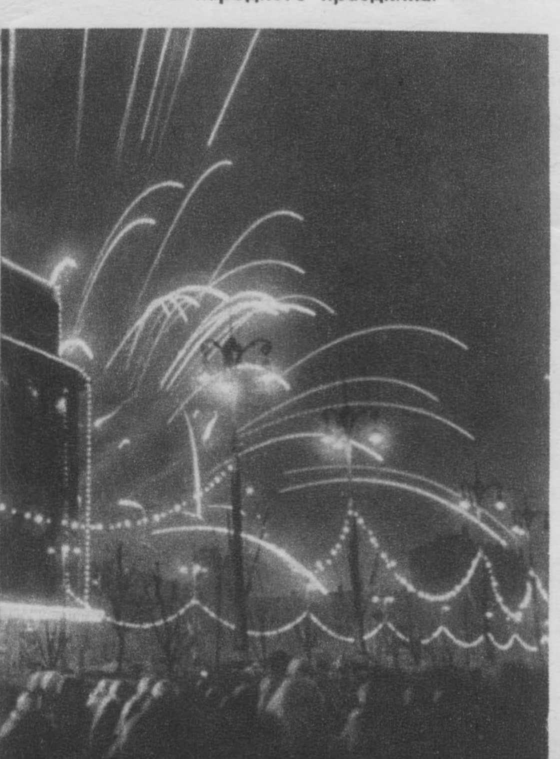

По старинному обычаю работницы Киевского судостроительного завода имени Сталина тт. Пономаренко, Роднева и Левина от имени трудящихся Подольского района Киева преподнесли тов. В. М. Молотову на вышитых украинских рушниках каравай хлеба.

300 тысяч трудящихся. Демонстрация ярко показала сплоченность украинского народа вокруг партии Ленина—Сталина.

лерийскими залпами салютовал Киев в честь народного праздника.

Праздник Советской Украины

С любовью и гордостью народы Советского Союза отметили 30-летие Украинской Советской Социалистической Республики. В древнюю столицу Киев съехались почетные гости — делегации союзных республик: Российской Федерации, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Литвы, Молдавии, Латвии, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Эстонии и Карело-Финской ССР, делегации трудящихся Москвы и Ленинграда и знатные люди со всех концов Советской Украины.

В великом празднике украинского народа принял участие выдающийся деятель большевистской партии и советского государства, верный друг и соратник великого Сталина — Вячеслав Михайлович Молотов, передавший привет украинскому народу и его передовому отряду — большевикам Украины — от имени советского правительства, Центрального Комитета большевистской партии и лично товарища Сталина.

То внимание, какое народы Советского Союза оказали юбилею Советской Украины, — свидетельство великой силы ленинско-сталинской дружбы народов. Образцом того, каких замечательных результатов добиваются народы, когда они идут и действуют вместе, могут являться достижения Украинской ССР. За тридцать лет советской власти бывшая полуколония российского и австро-венгерского империализма превратилась в могучее государство. Украинский народ под солнцем Сталинской Конституции воссоединен в едином государстве.

С огромным патриотическим подъемом прошли на Украине юбилейные торжества. Отпраздновав славное тридцатилетие, украинский народ снова взялся за работу. Впереди благородная цель: выполнить пятилетку в четыре года. Каждый украинский патриот готов отдать все силы для дальнейшего укрепления могущества и славы нашей Родины, для полной победы коммунизма.

Фото Н. Колли и Я. Рюмкина

В торжественной обстановке был открыт памятник генералу армии Н. Ф. Ватутину, который командовал войсками Первого Украинского фронта, освободившими Киев от немецко-фашистских захватчиков.

Внизу на снимке (слева направо): Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР И. А. Власов, мать, сын и вдова генерала Ватутина, тов. Н. С. Хрущев, скульптор Е. В. Вучетич — автор памятника генералу Ватутину.

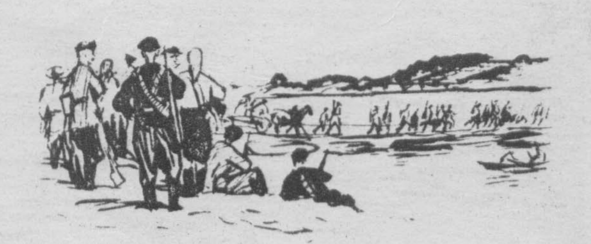

Минувшие дни...

(Из блокнота журналиста)

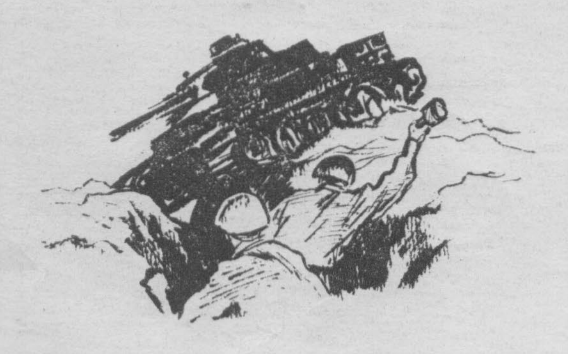
Л. ОГНЕВ

Рис. О. Верейского.

Иссеченный осколками сосновый лес на берегу Северного Донца. Жаркий, палящий день. За рекой гулко ухает немецкая артиллерия, снаряды свистят над головой и разрываются где-то далеко позади. 907-й стрелковый полк только что отбил яростную танковую атаку противника, и все вокруг еще полны волнением боя.

Мы лежали на траве возле полуразрушенного блиндажа, и политрук Алексей Щеглов рассказывал нам подробности схватки. Вместе с несколькими бойцами он находился в окопе, расположенном за позициями второго батальона. Немцы прорвались через боевые порядки пехоты. Головной танк налез на левое колено окопа, грузно сел и опустился носом вниз. Танк раздавил старшего сержанта Воронова и сержанта Пащенко; остальные успели отскочить в сторону. Водитель пытался дать задний ход, но Щеглов метнул гранату — и танк запылал. Из машины через десантный люк выскочили немецкий офицер и солдат. Короткая очередь бойца Филипенко сразила немцев.

Обернувшись, политрук увидел еще один подходивший танк. Высунувшись из окопа, Щеглов бросил связку гранат. Взрыв! Машина загорелась. В этот момент к окопу приблизился третий танк. Снова граната — взрывом сорвало гусеницу, и машина встала...

— Кем вы были до войны? — спросил я Щеглова.

— Учителем. На Алтае. Преподавал историю в средней школе.

* * *

Транспортная дивизия Гражданского воздушного флота получила специальное задание Государственного комитета обороны: ежедневно доставлять в осажденный Ленинград сто тонн продовольствия. Самолеты летали через Ладожское озеро вдоль фронта. Из Ленинграда они вывозили женщин и детей.

Вот запись рассказа летчика Семена Фроловского:

«Летели обратно. На борту 37 детей. Идем над озером. Вдруг пулеметная очередь. Немцы! Глухой взрыв сотрясает кабину: прямое попадание в фюзеляж. Осколки второго снаряда перебивают тросы управления и нарушают питание левого мотора. Самолет начинает отставать от отряда. Немцы навалились, пикируют. Ранен бортстрелок Спирин, в его башне вспыхнул пожар. Обливаясь кровью, он курткой погасил пламя и вместе с радистом Герасимовым вел огонь по врагу.

Иду на одном моторе. Наконец, берег! Садимся. Бросаемся к кабине. Она вся изрешечена пулями. Восемь детей ранены, двое убиты. На лавочке сидит пожилой рабочий с окаменевшим от горя лицом. На руках труп белокурой девочки. На полу валяется окровавленная голубая шапочка».

...В этот день самолеты гражданской авиации доставили в Ленинград 211 тонн продовольствия.

* * *

В пересыльном пункте для военнопленных немецких солдат и офицеров была проведена анонимная анкета с вопросом: «Как германская армия подготовлена к зиме 1943—1944 года?» Всего получено 213 ответов.

128 пленных категорически заявили, что германская армия к зиме совершенно не подготовлена. 45 ответов утверждали, что армия частично подготовлена к зимней кампании.

Дальше шли такие ответы: 16 — «полностью подготовлены к зиме», 6 — «материально да, но не подготовлены морально», 3 — «подготовлены вполне... для отступления», 2 — «подготовка является совершенно излишней, так как германская армия к этому времени потерпит полную катастрофу».

Небезынтересны отдельные записки: «Все равно как погибать — подготовленными или неподготовленными», «Все готово, только подметок нехватает для того, чтобы обеспечить дальнейшее отступление».

* * *

За столом начальника штаба сидел прославленный командир партизанского отряда, действовавшего в глубинных районах правобережной Украины. Внезапным ударом, нанесенным с западного берега, он захватил важную переправу через Днепр и удержал ее до подхода наших регулярных войск.

— И тут с нами получилась прелюбопытнейшая волокита,— рассказывал партизан. — Забрали мы переправу, перешли основными силами на левый берег, навстречу регулярным частям фронта. Подходит наша стрелковая дивизия. Разыскал я командира, объяснил обстановку. Тот поблагодарил и начал с ходу переправляться на ту сторону. Проходят роты, батальоны, полки. Мы ждем. Подошла вторая дивизия, командир поблагодарил меня и тоже начал форсирование Днепра. А мы опять в стороне. Я сижу как на иголках: там, на правом берегу, драка идет, мне самое время немцу в хвост бить... Пошел к командиру корпуса, объяснил — так, мол, и так. Он внимательно выслушал, тоже поблагодарил и сказал, что дня через два постарается переправить и меня. Подошла третья дивизия... Прямо, хоть плачь! Спасибо вот товарищу генералу: вмешался и переправил вне очереди.

Официальные материалы свидетельствуют, что в те дни партизанские отряды захватили 10 переправ через Днепр, 14 переправ через Десну и Припять и с боями удерживали их до подхода частей Советской Армии.

* * *

— Ну, как? — спросил генерал.

— Ничего не видно,— ответил летчик.

— Прекрасно,— облегченно вздохнул генерал и приказал ближайшей ночью перебросить на правый берег еще несколько десятков орудий. Если свой летчик с бреющего полета в названных заранее местах не заметил замаскированных пушек, то их не обнаружит и авиация противника.

В предначертанный час ураган огня снес немецкие позиции. Наша пехота и танки продвинулись вперед и заняли важные опорные пункты противника. Много дней артиллеристы готовили этот массированный удар. Глубина нашего Букринского плацдарма не превышала 5—6 километров. На этот пятачок надо было перевезти с левого берега многие сотни орудий. И пушки пошли через широкую реку. Их перевозили днем и ночью, под бомбежкой и обстрелом, на самодельных паромах и помостах. Ко дню наступления на каждый километр фронта прорыва приходилось около трехсот стволов.

— Я бы пропагандировал эту цифру, где только можно,— сказал командующий артиллерией фронта.— Если на третьем году войны мы можем сосредоточить на маленьком участке такую громаду пушек, то какова же наша военная мощь в целом!

Спустя три года, уже в послевоенные мирные дни, главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов другим красноречивым примером обрисовал мощь советской оборонной промышленности.

«Если выложить в один ряд снаряды и мины, выпущенные нашей артиллерией за годы войны,—сказал маршал,—то этой лентой можно семь раз опоясать земной шар по экватору».

* * *

Трудно без волнения писать об этом неслыханном поединке. Пытаясь нарушить наши арктические коммуникации, в Карское море пролез немецкий рейдер — «карманный» крейсер. На пути к острову Диксон он встретил возвращающийся из очередного рейса ледокольный пароход. Этот старый заслуженный корабль всю свою долгую жизнь проплавал во льдах Арктики, а в 1932 году впервые в истории прошел в одну навигацию весь северный морской путь с запада на восток.

В полярных водах разыгралось драматическое сражение. Рейдер перерезал путь ледоколу, навел на него орудия главного калибра и предложил спустить флаг и сдаться в плен. В ответ капитан ледокола Анатолий Качарава приказал открыть огонь по врагу из легких пушек, установленных для отражения артиллерийских атак подводных лодок. Немцы опешили от неслыханной дерзости полярников, а затем ответили огнем со всего борта. Неравный бой закончился в течение двух — трех минут. Ледокол был буквально изрешечен и пошел ко дну. В последний момент радист ледокола дал радиограмму, кратко повествующую о том, что команда корабля с честью выполнила свой воинский долг.

Корабль пал в бою, но не спустил флага перед врагом.

— Надо написать об этом!

— Рано,— ответил адмирал.— Зачем подтверждать противнику гибель корабля. Мы напишем о подвиге ледокола после войны.

* * *

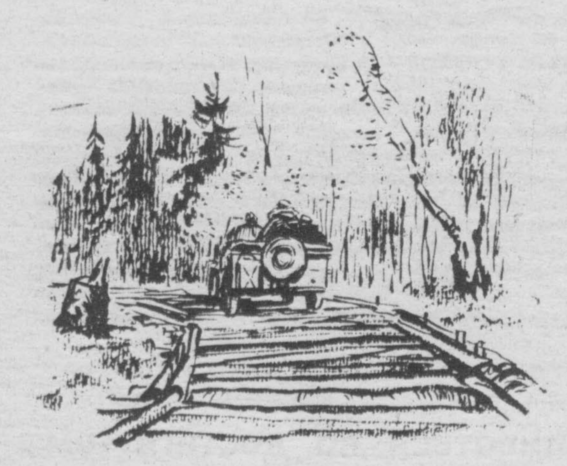
Большой Мох, Качай Болото, Волчья Лужа, Порослище, Глубоковичи, Лешня, Колода, Корытище, Бабий Остров, Заречье, Замошье, Забродье, Залужье, Заостровье, Завалены—одни эти названия сел и деревень красноречивее всяких описаний рассказывают о топографии и характере обширного белорусского Полесья.

— Покажите условия боев в этой местности,— говорит командующий фронтом маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.— На сотни километров тянутся здесь заболоченные леса и болота. Каждый шаг нужно отвоевывать не только у противника, но и у природы. Напишите о саперах. Без них на любом участке трудно воевать, а здесь просто невозможно.

Саперы переделали этот край, точнее говоря, приспособили его для войны и наступления. Подобно следопытам, они шли впереди наступающих батальонов, разведывали проходимость болот, провешивали трассы будущих дорог, гатили топи, строили жердевые и бревенчатые шоссе и проселки, сооружали мосты, огневые позиции для легких и тяжелых пушек.

Мне пришлось проехать из деревни Золотуха в поселок Многоверша. Машина рывками

двигалась по деревянной дороге, коробка скоростей скрежетала на каждом бревне. И когда же кончится этот окаянный настил?! Километр, два, три, четыре... Ведь все расстояние между двумя населенными пунктами не превышает тринадцати километров! Позже командир инженерной части сказал мне, что на этой дороге саперы уложили на торфяную жижу пять

тысяч пятьсот шестьдесят семь метров деревянной мостовой, и только тогда она стала проезжей.

А на подступах к следующей деревне, Карпиловке, пришлось построить 26 крупных мостов.

Мелкие мосты были не в счет!

* * *

Вошел адъютант и доложил о приезде командира партизанского соединения. Член Военного совета 1-го Украинского фронта Никита Сергеевич Хрущев, оживившись, начал рассказывать об огромной роли, которую сыграли партизаны в борьбе с немецкими захватчиками. И весь украинский народ оказал стойкое, упорное сопротивление оккупантам, беспощадно боролся с гитлеровцами и не склонил перед ними своей гордой головы.

— Я должен подчеркнуть,— продолжал тов. Н. С. Хрущев,— что наши победы на Украине являются результатом тесного единения украинского и русского народов, их братской дружбы. Без этого успешная борьба с оккупантами была бы невозможна. На всех важнейших этапах своей истории украинский народ выступал рука об руку с великим русским народом. Впрочем, это относится и ко всем другим народам советской Родины.

Прощаясь, я дипломатично спросил:

— Когда мы увидимся в Киеве?

— Я там буду в первый день освобождения от немцев,— рассмеялся Никита Сергеевич.— Вы, очевидно, тоже. Следовательно, в этот день и увидимся.

Так и было.

* * *

Безвестное село Александровка почти у самой государственной границы СССР. В ночь на 22 июня 1941 года здесь началась война. Немцы дотла спалили село. Ныне на месте пожарища протянулись ровные улицы новых рубленых домов.

На центральной площади стоит обгорелый немецкий танк, развороченный тяжелым снарядом.

Дети прячутся в танке, играя в прятки.

Сергей ОСТРОВОЙ

Стихи о Сибири

В ПОЕЗДЕ

Здесь все спешит посторониться...
Бегут поля в густых хлебах,
И лишь фарфоровые птицы
Беззвучно дремлют на столбах.

Полощет ветер занавески,
Они, как парус на реке.
И перелески... Перелески...
Бегут и тают вдалеке

Проходит полночь по вагону.
Слегка подрагивает пол.
Но кто-то тихо песню тронул
И на Иртыш ее повел.

Еще ступая неумело,
Зовя на помощь Ермака,
Она забилась, зазвенела,
Как бы камыш, издалека.

Низовый ветер вывел втору,
И песня крикнула: «Лечу-у-у!»
Ей был простор сибирский впору,
Любые дали по плечу.

Она была такой могучей,
Такой пред ней раскрылся мир,
Что даже самый непевучий
Запел на полке пассажир.

Качался сумрак перегона,
Дорога дальняя вилась...
Но из соседнего вагона
Вдруг неожиданно, в полтона,
Другая песня донеслась.

В ней не камыш стонал угрюмый,
Не с бурей спорила душа,
И не Ермак, объятый думой,
Сидел на бреге Иртыша.

В ней пелось, как под Сталинградом
На синеватом волжском льду
Стоял солдат с бессмертьем рядом
У всей планеты на виду.

Он бился с недругом сурово,
Был верен Родине в бою,
В железной армии Чуйкова
Сложил он голову свою.

А кем он послан был! Народом!
А отступил ли! Ни на шаг!
А где он вырос! Чей он родом!
Да, говорят, что сибиряк.

Он, значит, братцы, из Сибири!
С Тобола! С Лены! С Иртыша!
И песня шла, раздвинув шири,
Людским бессмертием дыша.

Ее во всех вагонах пели,
За ней бежали города,
С ней расставаться не хотели,
Отдав ей душу навсегда.

И где-то там, на повороте,
Над Иртышом, пронзая высь,
Две песни встретились в полете
И, словно сестры, обнялись.

Под ними степь внизу дымилась,
Вставало солнце над водой...
И старшая посторонилась,
Отдав дорогу молодой.

И та рванулась полновластно,
Звуча, как радостная весть.
И я подумал: «Жизнь прекрасна,
Когда такие
песни
есть!»

БАЛЛАДА О КАПИТАНЕ

Ты далью морскою меня не томи,
Речной пароходик идет по Томи.

Речной пароходик, упрямый сверчок,
Куда он, куда он бежит, старичок!!

Направо туман... И налево туман...
По мостику ходит седой капитан.

По мостику ходит седой капитан
И мнится ему, что река — океан!

И мнится ему: он опять молодой,
Колдует луна над зеленой водой,

Колдует луна, а под ней глубина,
И всю ее видно до самого дна.

А может быть, мнится ему, старику,
Что столько им пройдено верст на веку,

Что если б вода не смывала следы—
До самой бы дальней достал он звезды.

Он вырос на этой сибирской реке.
Он с ней говорит на своем языке.

В любую погоду, в любой ураган,
Речной пароходик ведет капитан.

На север, на север он держит свой путь.
Он ветер норд-ост принимает на грудь,

И в дальних затонах, заслышав гудки,
Встречать капитана спешат рыбаки.

Он выйдет на берег по шатким мосткам.
Он новые снасти привез рыбакам.

Охотникам ружья. Строителям тес.
Он даже коней для колхоза привез.

А Марье Ивановне, другу-врачу,
Он дарит невиданный фрукт — алычу.

Он каждого знает. Со всеми знаком.
«Зашли бы вы к нам на уху вечерком!»

И он навестит. Он любитель ухи.
А утром, когда протрубят петухи

И ясная встанет над миром заря,
Он крикнет команду: «Поднять якоря!»

И вновь над водой застрекочет сверчок,
Речной пароходик, чудной старичок.

В любую погоду, в любой ураган,
Речной пароходик ведет капитан.

Их время сроднило. Им поровну лет.
Но думать о старости времени нет.

Чувство ритма

Анна КУВШИНОВА,

токарь Подшипникового завода имени Л. М. Кагановича

Зарисовка И. Гринштейна.

Хочу сказать об одной особенности нашей стахановской работы — о чувстве ритма в труде. И не только в труде, но и во всей жизни.

Ритм свойственен не только стихам и музыке. Пожалуй, года два назад я бы посмеялась над человеком, который взялся бы утверждать, что производственный процесс тоже подчиняется законам ритма. А теперь скажу так: неритмичная работа — это и нестахановская работа.

Я многостаночница. Работала на 6 токарных полуавтоматах «Берд». Теперь работаю на 4, так как производительность каждого станка и скорости резания увеличились почти вдвое: ведь раньше мы с шести станков снимали за смену 2 тысячи колец подшипника, теперь с четырех снимаем 3 тысячи.

Еще полгода назад на обработку внутреннего диаметра кольца уходило 45 секунд. Теперь, при новых скоростях резания, операция занимает всего 25 секунд. За эти 25 секунд я должна успеть вставить в патрон поковку, проверить резцы, отбросить от них стружки, замерить сделанную деталь и обойти еще три станка. Это требует большого напряжения и внимания. Надо научиться сочетать свой ритм с ритмом станков, свое время — с машинным временем.

Все движения должны быть строго рассчитаны, целесообразны и точны. Здесь одинаково вредны и медлительность и суетливость. Надо работать быстро, но спокойно.

Однако успех зависел не только от сноровки: надо было самостоятельно продумать и рассчитать весь технологический цикл. Я поняла, что нельзя сразу, «залпом», запускать все 4 станка. Надо найти какую-то умную последовательность в работе. Сделать так, чтобы одно не мешало другому, чтобы всему был свой черед.

Теперь я работаю так: сначала запускаю первый станок, вкладываю кольцо в патрон; не раньше чем через 5 секунд подхожу ко второму станку; выждав еще 5 секунд, иду к третьему, потом — к четвертому. Закончив заправку четвертого полуавтомата, я возвращаюсь к первому, где к этому времени заканчивается обработка кольца. Начинается новый цикл.

Такой порядок дал мне возможность создать ритм в работе всех станков.

Но определенный ритм станков требует и от меня определенной ритмичности движений. Если я замешкаюсь у одного из станков, весь порядок будет нарушен.

Ритмичная работа немыслима без высокого уровня культуры производства.

Я очень строго принимаю от сменщицы машины. Делаю это до начала смены. Прихожу минут за 20—30 до гудка. Придирчиво осматриваю свои полуавтоматы, поковки. Если вижу, что станки плохо отрегулированы, — зову наладчика.

Рабочее место должно быть в идеальном состоянии. Надо проверить, как действуют насосы, подающие эмульсию, достаточно ли туго натянуты ремни, хватает ли гаечных ключей, крючков для очистки резцов от стружки. Кажется, это мелочь — крючки. А одно время из-за них я теряла десятки минут: на все 4 станка был 1 крючок. И что получалось? Подходишь к третьему станку, видишь: у шпинделя куча стружек. Нужно очистить, а крючок на первом станке, — ведь не будешь таскать его с собой: руки должны быть свободны. Вот и бегаешь взад-вперед. Теперь у меня на 4 станка — 4 крючка.

Труд у нас, многостаночников, напряженный, требующий сосредоточенности, большого внимания. Я не позволяю себе никаких разговоров во время работы. И никто ко мне в рабочие часы не имеет права подходить. После смены — пожалуйста.

Несколько слов о быте. Я заметила, что ритмичность полезна не только в работе, но и в отдыхе. Завела себе такую привычку: приду после смены домой, поем и сразу ложусь отдыхать. Отдыхаю я всегда определенное количество времени — не больше и не меньше. Это как-то дисциплинирует и укрепляет организм. Все свободные часы стараюсь рационально распланировать. Надо успеть и домашние дела сделать, и в райпартшколу на занятия, и газету почитать.

Наконец, последнее. Стахановцы — люди мысли. Стахановская работа только тогда начинается, когда человек, который до этого механически исполнял свои обязанности, перестает слепо смотреть на производственный процесс, пытается его осмыслить, улучшить, рационализировать. А для этого надо неизменно углублять свои познания.

Чем больше ты подготовлен теоретически, чем шире твой кругозор, тем лучше работает твоя мысль и на заводе, у станка.

Я надеюсь, что в 1948 году совместно с инженерами мы, многостаночники-стахановцы, найдем новые возможности поднять производительность труда.

Я даю обязательство — план третьего года пятилетки выполнить к тридцать первой годовщине Великого Октября.

Строители

СОВЕЩАНИЕ ЗНАМЕНИТЫХ СТАХАНОВЦЕВ

КАК ОНИ ДОСТИГЛИ ВЫСОКИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ УСПЕХОВ

В настоящем номере «Огонька» мы заканчиваем печатание высказываний знаменитых стахановцев Москвы на совещании, созванном редакцией нашего журнала, которые мы начали печатать в прошлом номере.

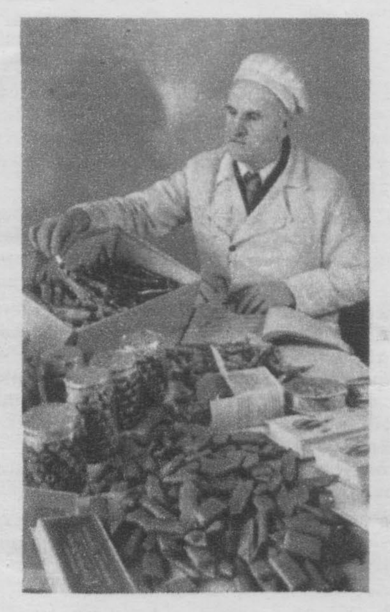
Лучшие люди московской промышленности, которая в годы первых сталинских пятилеток, в годы Великой Отечественной войны и ныне, в борьбе за осуществление послевоенной сталинской пятилетки была в авангарде всей промышленности Советского Союза, рассказали о том, как они добились высоких производственных успехов.

Имена Николая Российского, Андрея Якушина, Анны Кузнецовой,

Не останавливаться на достигнутом

Дмитрий МОНАХОВ,

старший мастер карамельного цеха фабрики «Красный Октябрь»

В кондитерской промышленности я работаю сорок шесть лет. Свой трудовой путь начал мальчиком и в полной мере испил ту чашу горестей, обид и несправедливостей, о которых так правильно написал Алексей Максимович Горький в своей повести «В людях».

В 1923 году я пришел на фабрику «Красный Октябрь», и вот уже двадцать пять лет вся моя жизнь неразрывно связана с ней. Десять лет я работаю старшим мастером карамельного цеха.

Сегодня мне хочется сказать о том, что̀ я считаю самым главным в работе каждого человека. Это — стремление вперед, к тому, чтобы труд, которому ты посвящаешь жизнь, был плодотворным, чтобы ты никогда не останавливался на достигнутом, всегда искал, всегда добивался бо́льшего. Вот это стремление к лучшему, к новым успехам я стараюсь прививать молодому поколению рабочих и бываю искренно рад, когда вижу, как растут мои питомцы.

Свой опыт старого кондитера я передал не одному десятку молодых рабочих. Мои ученики Рапов, Дорожкина, Баринова, Санаев и многие другие стали мастерами, бригадирами, лучшими стахановцами фабрики.

Не так давно к нам на «Красный Октябрь» приезжали учиться молодые кондитеры из Алма-Аты. Особенно запомнилась мне одна девушка-казашка. Она плохо знала русский язык, и объясняться с ней было довольно трудно, но ее пытливость, ее рвение, ее настойчивость, с которыми она во что бы то ни стало хотела всему научиться, оказались ее лучшими помощниками. Я с уверенностью могу сказать, что молодые казахские кондитеры отлично овладели процессом производства и у себя в Алма-Ате будут выпускать карамельные изделия, не уступающие по качеству нашим.

Все десять лет работы старшим мастером я старался трудиться так, чтобы каждый день делать хоть шаг вперед. При моем участии выпущены сотни новых сортов карамели. Только в 1947 году мой цех дал 114 сортов. Советские потребители полюбили новую карамель «Крабы», «Нежинская рябина», «Тачанка», «Цитрусовая», «Юбилейная», «Особая» и многие другие.

В 1948 году я задался целью улучшить и упростить процесс производства. Вместо накатки сахарной пудры я предложил заливать карамель в котлах сахарным сиропом. Этот способ дал возможность повысить производительность труда в два раза. Теперь вместо двух карамель обрабатывается в одном котле; вместо 2,5 тонны рабочий дает за смену 5 тонн карамели.

В связи с отменой карточной системы мы, кондитеры, должны добиваться еще более высокого качества продукции. Я приложу все старания, чтобы наша карамель была наилучшей и по вкусу и по внешнему виду.

Включившись в соревнование за выполнение пятилетки в четыре года, я взял на себя обязательство — в течение 1948 года выпустить десять сортов карамели. В первом квартале 1948 года четыре новых сорта уже поступят в торговую сеть. Это будет карамель «Любимая», «Октябрьская», «Московская» и «Советская».

Но, заботясь о качестве и ассортименте, мы не забываем и о темпах работы.

коммунизма

МОСКВЫ В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

и многих других, стали сейчас синонимом самого передового, самого нового, что родилось в годы борьбы за послевоенную пятилетку. «Огонек» на своих страницах напечатал высказывания лучших людей московской промышленности для того, чтобы их опыт стал достоянием широких масс рабочего класса Советского Союза.

Люди, которые на страницах «Огонька» рассказали об опыте своей работы, показали на деле, что социалистическое соревнование на нынешнем этапе своего развития обязательно связано с внедрением новой техники, с ломкой старых технических норм и по существу подготовляют условия для перехода от социализма к коммунизму.

Эти люди и есть настоящие строители коммунизма. В их постоянном и непрерывном стремлении идти вперед заложен успех всего нашего дела и того огромного движения, которое охватило всю нашу страну в борьбе за пятилетку в четыре года.

Вот что могут дать две секунды

Нина КУЗЬМИНОВА,

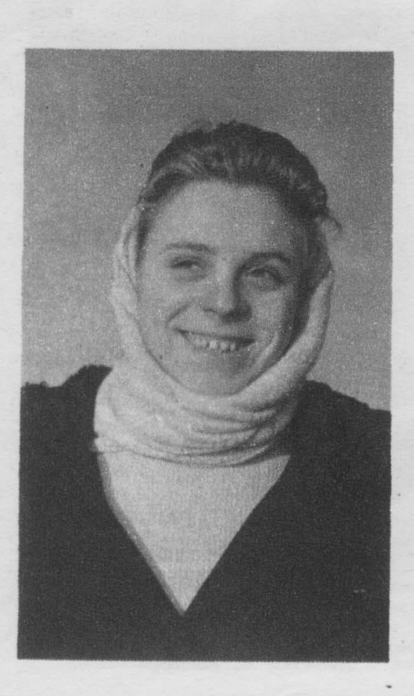
стахановка-многостаночница Измайловской прядильно-ткацкой фабрики

Вся моя жизнь связана с Измайловской прядильно-ткацкой фабрикой. Я выросла на ней. С детских лет таила мечту стать стахановкой и никогда не забуду того момента, когда, после окончания школы фабзавуча, в сопровождении матери я пришла поступать на работу. Директор поглядел на нас и сказал: «Ну, раз мать ватерщица, и дочь пусть будет ватерщицей».

Я начала работать в ватерном цехе. Первое время была подсобной рабочей-съемщицей, но вскоре встала к машинам на обслуживание 6 сторонок. Многие тогда, я знаю, тревожились за меня, и даже мать мне сказала: «Смотри, много ты сразу на себя взяла, справишься ли?»

Но я хотела поскорее осуществить свою мечту — стать стахановкой, верила в то, что добьюсь этого, и не боялась трудностей.

В 1947 году, когда я в первый раз участвовала в выборах депутатов Верховного Совета РСФСР, я дала торжественное обещание стать стахановкой.

Как же должна была я работать, чтобы выполнить это ответственное обещание?

Прежде всего нужно было овладеть передовыми методами труда и правильно организовать свою работу. Быстрота, точность, совершенствование в выполнении операций — вот что заключалось для меня в словах «передовые методы труда». Я начала бороться за минуты и секунды.

В моей работе есть такая операция — поставить в рамку катушку с ровницей. Я добилась того, что вместо полагающихся по норме 11 секунд стала ставить катушку за 9 секунд. Таких катушек у меня 1472. Из двух секунд выросла большая экономия времени.

Кроме того я стараюсь не только быстро поставить катушку, но и следить за тем, чтобы все катушки с машины сходили поочередно. Это тоже повышает производительность труда.

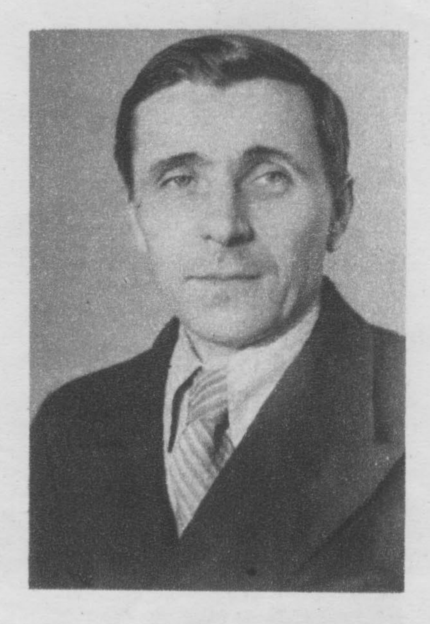
С тех пор как я перешла работать на 8 сторонок, у нас началось соревнование с матерью, которая тоже обслуживает 8 сторонок. Долго мне не удавалось ее обогнать. Мы шли с ней почти вровень. Но все же победа оказалась за мной. 21 октября я закончила годовую норму. Мать, Пелагея Антоновна, отстала от меня на 3 дня и закончила годовую программу 24 октября.

Для того чтобы фабрика досрочно выполняла свои обязательства, надо непрестанно пополнять стахановские ряды. У нас много замечательных молодых ватерщиц-многостаночниц: Лиза Герасимова, Зоя Стекольщикова, Фиса Барцева, Зоя Иванова. Надо, чтобы они тянули за собой остальную молодежь. Быть лучшими стахановцами не только своей фабрики, но и всей страны — вот чего искренно желаю не только себе, но и всем моим товарищам по работе.

Рейд в «глубокий тыл»

Алексей САЛИН,

технолог завода имени Буденного

Может быть, я потому так люблю машины, что еще подростком пришел на завод и вот уже 2 десятка лет живу в мире своих стальных друзей. Когда я хожу по цеху и слышу ритмичный шум моторов, станков, мне кажется, что я чувствую их душу, читаю их мысли.

Я не хочу усложнять свое выступление техническими выкладками, но кое о чем надо вспомнить, чтобы дать представление о характере работы и о месте технолога на производстве.

Несколько лет назад — это было еще до войны — мы обрабатывали шестерни на зуборезных станках. Продукция плохая получалась: не было той чистоты обработки, которая требовалась для этих деталей. Нужны были зубодолбежные станки. Наконец привезли нам эти станки. Но тут новое осложнение. Станки могли нарезать шестерни с максимальным диаметром начальной окружности в 175 миллиметров. А нам надо было выпускать шестерни в 190 и 220 миллиметров. Вновь прибывшие станки были обречены на бездействие.

Я решил во что бы то ни стало заставить их строгать зубья шестерни бóльшего размера. Но война помешала довести до конца мои искания.

Когда после победы над Японией я вернулся домой, на родной завод, то прежде всего занялся осуществлением своей, если можно так выразиться, довоенной мечты.

Бригадир Михаил Иванович Расторопов и одна из моих лучших учениц, наладчица зуборезных станков Клавдия Ивановна Шубенкова, часа три обсуждали мое предложение. Все пришли к выводу, что с помощью одного приспособления можно обрабатывать шестерни с диаметром начальной окружности в 190 миллиметров. И это действительно оказалось возможным. Причем старый станок стал сразу давать больше деталей, чем новый, специально привезенный для этой цели зубодолбежный станок.

Когда эксперимент удался, возникла другая мысль: почему бы не удлинить ход станка, не попытать счастья обрабатывать на нем и 220-миллиметровые детали? И эта идея вполне себя оправдала.

В результате 3 зубофрезерных станка были высвобождены. Бездействовавшие станки обрели почетное место на производстве, и за 2 смены цех дает в полтора раза больше шестерен, чем прежде за 3 смены.

Примерно год назад нам поручили изготовлять конические шестерни для тракторов, так называемую деталь № 99. Токарные работы мы быстро освоили, но нарезать зубья было нечем: не было такого оборудования. Два зубострогальных станка были заняты обработкой другого типа шестерней — детали № 61. Дозарезу нужен был хотя бы один дополнительный станок, но достать его было негде. Выход один: надо срочно «выкроить» время у двух имеющихся зубострогальных станков.

И вот я совершаю рейд в «глубокий тыл»: начинаю анализировать положение дел с первой операцией детали № 61. И что же нахожу? Если уменьшить припуски на предыдущих операциях, можно вдвое повысить производительность зубострогальных станков и один из них перевести на обработку детали № 99. Для этого понадобилось спроектировать и изготовить новые фрезы для предыдущих операций. Как и во всех случаях жизни, мне помог конструктор Николай Иванович Подвязкин, с которым я очень крепко дружу. Установили новые фрезы, припуски уменьшились, и все вышло так, как было задумано.

Но проблема еще не была решена целиком. Станок давал в два с лишним раза меньше детали № 99, чем требовалось для выполнения плана. Как выйти из этого положения? Станок обрабатывает деталь за 2 прохода. Нельзя ли устранить один проход? Ведь тогда вдвое увеличится производительность. Снова возвращаюсь к предыдущим операциям. Изменение инструмента на этих операциях позволило при окончательной обработке зуба ликвидировать один проход. Таким образом, производительность станка увеличилась в 2 раза. Больше того: одновременно увеличился и режим резания.

Как-то в разговоре с трактористами я поинтересовался, что изнашивается скорее: зуб или валик шестерни? «Конечно, зуб, — ответили трактористы. — Валик мог бы еще служить года полтора—два, но вместе с зубом приходится выбрасывать всю шестеренку».

И сейчас меня волнует новая идея: а что если расчленить шестерню на 2 детали — отдельно валик и отдельно зуб? Какая экономия металла, транспортных средств, оборудования! Я уже изготовил опытный образец. Что-то покажет первое испытание?..

Судьба Николая Хлебникова

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

Герой Советского Союза генерал-полковник Н. М. Хлебников.

В 1907 году в город Иваново-Вознесенк на заработки пришел крестьянин Михайло Хлебников. С ним был двенадцатилетний сын Николка.

Что привело их в город? Нужда. Михайло с сыном сняли угол в деревянном домишке на Ямах, и оба поступили на фабрику. Сыну хотелось учиться. Он стал посещать вечерние курсы.

Семнадцатилетним юношей рабочий Николай Хлебников сдал экзамен за полный курс реального училища. На экзамене он встретился со своим земляком Дмитрием Фурмановым. Они подружились, а потом вместе поехали учиться в Москву.

Хлебников поступил в Институт инженеров путей сообщения. Однако закончить его Николаю не удалось. Началась война, и он пошел на фронт. Воевать ему пришлось на Юго-Западном, в армии генерала Брусилова.

После Октябрьской революции 1917 года молодой прапорщик Хлебников вернулся в Иваново-Вознесенск. Друг его, Фурманов, был уже там.

Революционными рабочими Иваново-Вознесенска в то бурное время руководил Михаил Васильевич Фрунзе. Осенью 1918 года он создал рабочий отряд, который был послан на Восточный фронт против Колчака и влился в Чапаевскую дивизию. Фурманов и Хлебников были в этом отряде. Первый стал комиссаром дивизии, а второго Чапаев назначил начальником артиллерии 220-го полка, именовавшегося Ивановским.

Чапаевцы сражались в уральской степи.

Под хутором Янайским «был такой отчаянный бой, какого не запомнят даже испытанные командиры чапаевской дивизии. Ночью, во тьме, казаки подползли на восемь шагов к нашим частям, спавшим мертвым сном после бессонных и трудных ночей. Когда от ураганного неприятельского огня наши части уже в панике готовы были отступить, командир артиллерийского дивизиона товарищ Хлебников Н. М. с исключительным мужеством и находчивостью так сумел повести артиллерийский обстрел, что быстро изменил картину боя. Наши ободрились, казаки дрогнули и стали отступать».

Дмитрий Фурманов описал это в очерке «Лбищенская драма». В романе «Чапаев» он вывел Хлебникова под именем Николая Хребтова.

Что мы знаем еще об этом артиллеристе? Сохранилась его фотографическая карточка. На ней изображен бородатый человек в длиннополой бекеше и черной солдатской папахе. Сохранилась также выписка из приказа № 6 по Туркестанскому фронту о награждении Николая Хлебникова орденом Красного знамени. В ней говорится: «Несмотря на ужасный пулеметный огонь, под которым находились батареи, товарищ Хлебников лично выдвинул два орудия на открытую позицию, навстречу броневикам, открыл огонь и принудил отступить их, сбив самый сильный из них. В этом бою товарищ Хлебников был ранен, но остался в строю. Своими решительными действиями он восстановил положение дрогнувших частей».

Вот и все, что мы знали об этом чапаевском артиллеристе...

Шел 1945 год. Наши войска штурмовали Кенигсберг.

Двадцать четыре земляных форта, противотанковый ров, сплошные траншеи, здания, приспособленные для обороны, защищали гнездо немецкой военщины.

И вот, прежде чем пехота пошла на штурм крепости, по Кенигсбергу открыла огонь советская артиллерия. Тысячи орудий ударили одновременно. На десятки километров вокруг загудела земля. Рушились каменные стены. Тяжелые стальные балки взлетали вверх, как соломинки. Горело железо.

Это была настоящая симфония бога войны. Пожилой генерал-полковник, командующий артиллерией фронта, как опытный дирижер, управлял своим огневым оркестром...

Генерал управлял огнем уверенно и спокойно. Это был старый солдат. Имя его не раз упоминалось в приказах Верховного Главнокомандующего.

Он стоял на наблюдательном пункте и смотрел на пылающий город. Сдвинутая на затылок фуражка открывала умный, высокий лоб. Строгое лицо, как всегда, было тщательно выбрито.

Но тот, кто видал фотографию бородатого артиллериста-чапаевца и взглянул бы теперь в лицо генерала, мог подметить какое-то, может быть, едва уловимое сходство.

Оно и не удивительно: артиллерист-чапаевец и генерал-полковник, командующий артиллерией фронта,— одно и то же лицо — Николай Михайлович Хлебников.

Фурманов расстался с Хлебниковым в уральских степях в тысяча девятьсот девятнадцатом году. После гражданской войны Хлебников остался служить в Советской Армии. Он уже командовал полком, обучал молодежь артиллерийскому делу.

Иногда к нему в полк приезжали старые боевые друзья — чапаевцы и рабочие ивановских фабрик. Начинались рассказы, воспоминания...

Обучая молодых артиллеристов, полковник Хлебников и сам не переставал совершенствовать свои знания. Его назначили начальником артиллерии дивизии, потом заместителем начальника артиллерии военного округа. Великая Отечественная война застала Хлебникова в Прибалтике. Он был командующим артиллерией армии.

С первых дней войны генерал Хлебников участвовал в сражениях. Он всегда был впереди, появлялся в самых опасных местах и личным примером воодушевлял командиров орудий. За бесстрашие и солдатскую простоту его прозвали боевым генералом.

Орудия Хлебникова громили врага на Калининском фронте, под Великими Луками, под Витебском, под Шауляем. В этих боях проявился богатый опыт сталинского артиллериста. По его инициативе на фронте были созданы специальные части, способные вести точный огонь по закрытым, невидимым целям. Они предназначались для борьбы с артиллерией противника.

Под Витебском эти части уничтожили более 70 немецких батарей. Блестяще отличились они под Кенигсбергом.

Памятью о жестоких боях на груди генерала сверкают награды. К ордену Красного знамени, полученному им в 1919 году из рук Михаила Васильевича Фрунзе, теперь прибавилось еще двенадцать орденов и медалей. За успешный штурм Кенигсберга генерал-полковник артиллерии Николай Михайлович Хлебников удостоен высшей награды — звания Героя Советского Союза.

В 1945 году в Кремле, на приеме участников парада Победы, Вячеслав Михайлович Молотов предложил тост за здоровье советских артиллеристов. Среди имен прославленных полководцев он назвал имя генерал-полковника Хлебникова.

Сейчас генералу Хлебникову 52 года. Он командует артиллерией в одном из военных округов.

* * *

...Вот как сложилась судьба деревенского мальчика, сорок лет назад пр[и]шедшего со своим отцом в Иваново-Вознесенск на заработки.

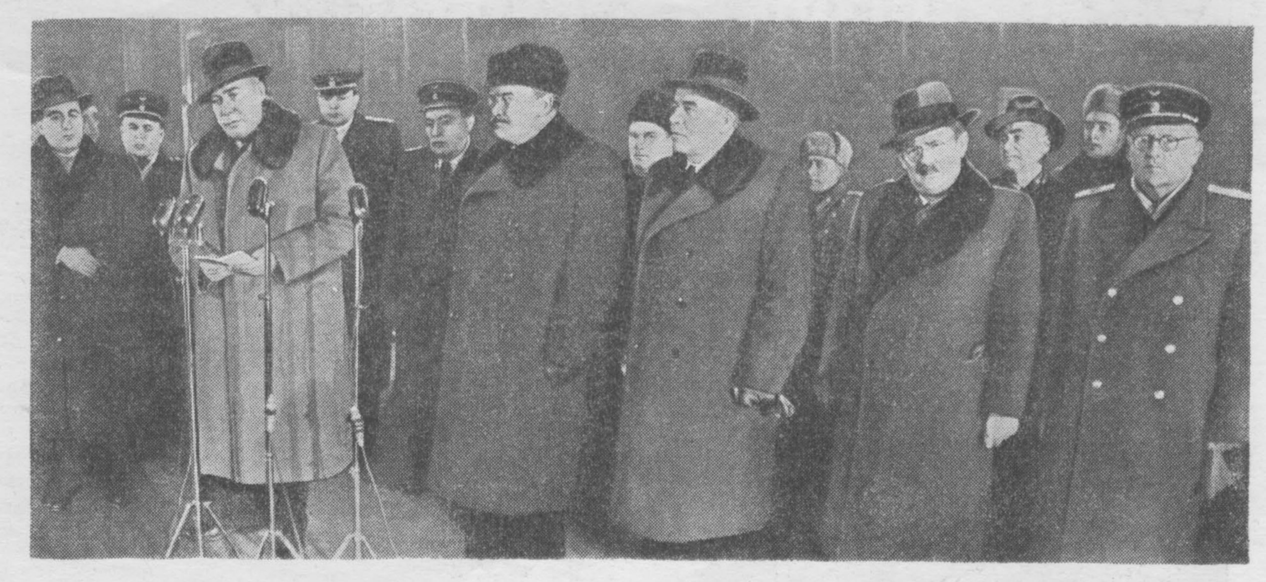

1918 год. Командующий артиллерией 220-го полка Чапаевской дивизии Н. М. Хлебников.

Александр Алексеевич Вознесенский, назначенный Указом Президиума Верховного Совета РСФСР министром просвещения РСФСР.

ОТЪЕЗД ИЗ МОСКВЫ ПОЛЬСКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

27 января из Москвы выехала Польская Правительственная Делегация. На снимке: Посол Польши в СССР г-н М. Нашковский, Премьер-Министр Польской Республики г-н Ю. Циранкевич, В. М. Молотов, заместитель Премьер-Министра г-н В. Гомулка, Министр промышленности и торговли г-н Г. Минц, А. Я. Вышинский и сопровождающие их лица на Белорусском вокзале.

29 января Председатель Совета Министров Польской Республики Ю. Циранкевич, покидая территорию Советского Союза, обратился из города Бреста к Председателю Совета Министров СССР Генералиссимусу И. В. Сталину со следующим посланием:

«Покидая Советский Союз, спешу выразить Вам от имени Польской Правительственной Делегации и от себя лично сердечную благодарность за радушный прием, оказанный нам в Москве.

Соглашения, заключенные нами в Москве, увеличивают политическую и экономическую мощь Польши и являются ярким примером настоящего дружественного сотрудничества между государствами.

Эти соглашения еще больше укрепят нерушимый советско-польский союз».

В тот же день Польская Правительственная Делегация прибыла в Варшаву, где она была встречена официальными лицами и большим количеством варшавских граждан.

Выступивший на вокзале перед микрофоном Премьер-Министр Циранкевич отметил историческое значение заключенных в Москве соглашений, которые помогут Польше быстрее залечить нанесенные войной раны. Премьер-Министр отметил при этом, что, укрепляя силу польского народа, эти соглашения ни в малейшей степени не посягают на независимость страны и могут служить образцом для других таких же соглашений между странами.

Фото М. Калашниковой

ПЕРВЫЙ ТИРАЖ ЗАЙМА

30 января в Москве состоялся первый тираж Государственного 3-процентного внутреннего выигрышного займа.

На тираже, который происходил во Дворце культуры Метростроя, присутствовало огромное количество трудящихся столицы.

Выпуск займа совпал с проведением денежной реформы. С первых дней он имел большой успех. Трудящиеся начали приобретать облигации нового займа: только в Москве к 30 января он был распространен на сумму свыше 150 миллионов рублей.

* * *

Вертятся тиражные колеса. Четко выполняют свои обязанности представители общественности — члены тиражной комиссии: заслуженная учительница А. Д. Усачева, контрольный мастер завода «Манометр» Л. П. Дрожжин, токарь М. Г. Ершов, Герои Советского Союза гвардии полковник И. С. Юфа и майор А. С. Калмыков, лауреат Сталинской премии конструктор М. Н. Штединг.

Громкоговорители разносят по залу сообщение председательствующего о номерах облигаций и серий, на которые выпали выигрыши. Два выигрыша по 50 тысяч рублей, 5 выигрышей по 25 тысяч, 25 выигрышей по 10 тысяч. Владельцы 80 облигаций выиграли по 5 тысяч рублей, на 700 облигаций пали выигрыши по 1 тысяче рублей, 7688 владельцев облигаций получат 400-рублевые выигрыши.

В этом году состоятся еще 5 основных и один дополнительный тиражи.

Розыгрыш тиража Государственного 3-процентного внутреннего займа во Дворце культуры Метростроя.

Фото Л. Великжанина (ТАСС)

Съезд Общества по распространению политических и научных знаний

В конце января в Москве в Доме ученых происходил первый съезд Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Созданное в июле прошлого года по инициативе передовых научных, общественно-политических военных деятелей, деятелей литературы и искусства Общество стало широкой организацией, пропагандирующей великое учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина и распространяющей среди трудящихся великие культурные достижения Советской страны.

Общество насчитывает в своих рядах 379 членов-коллективов, 5841 индивидуального члена и 477 членов-соревнователей.

За полгода своего существования Общество организовало около 6 тысяч лекций, которые прослушали более одного миллиона человек. Издано 66 брошюр-стенограмм публичных лекций.

В 1948 году большое место будет уделено лекциям, посвященным столетию «Манифеста Коммунистической партии», пятидесятилетию первого съезда РСДРП, произведениям классиков марксизма-ленинизма, великим русским ученым, писателям, художникам. Важное место отведено международным вопросам.

Обществу переданы крупнейший в стране Политехнический музей в Москве и научно-популярный журнал «Наука и жизнь».

Обсудив итоги деятельности Всесоюзного общества за 1947 год и план работы на 1948 год, съезд предложил правлению обеспечить дальнейший подъем лекционной, пропагандистской и издательской деятельности Всесоюзного общества.

В обстановке исключительного подъема прошли на съезде выборы почетных членов Всесоюзного общества. Согласно уставу, почетные члены Общества могут избираться из числа лиц, оказавших особо ценные услуги распространению политических и научных знаний в Советском Союзе.

Долго не смолкавшими овациями было встречено предложение академика С. И. Вавилова об избрании первым почетным членом Общества товарища И. В. Сталина. Бурными, продолжительными аплодисментами съезд выражает свое единодушное решение.

С большим воодушевлением съезд встретил предложение академика А. Н. Несмеянова об избрании почетным членом Общества товарища В. М. Молотова.

По предложению академика Б. Д. Грекова съезд под бурные аплодисменты принимает предложение избрать почетным членом Всесоюзного общества товарища А. А. Жданова.

Съезд с огромным подъемом принял приветствие товарищу Сталину и приветствия тт. Молотову и Жданову.

Съезд тепло приветствовал избрание почетными членами Общества старейших русских ученых: академика Н. Д. Зелинского, имеющего особо ценные заслуги в деле распространения химических знаний, академика В. А. Обручева, имеющего особо ценные заслуги в деле распространения геологических знаний, и академика Д. Н. Прянишникова — за особо ценные заслуги в деле распространения биологических знаний среди трудящихся СССР.

Академик С. И. Вавилов вносит предложение об избрании первым почетным членом Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний товарища И. В. Сталина.

Фото Л. Великжанина (ТАСС)

ЗАСЕДАНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР 31 ЯНВАРЯ 1948 ГОДА. На снимке — за столом президиума (слева направо): заместители Председателя Совета Национальностей П. А. Левицкий и Ч. А. Асланова, Председатель Совета Национальностей В. В. Кузнецов, Председатель Совета Союза И. А. Парфенов, заместители Председателя Совета Союза Н. Д. Ундасынов и Т. Д. Лысенко. В ложах — товарищи М. Ф. Шкирятов, Г. М. Попов, А. А. Кузнецов, М. А. Суслов, А. А. Жданов, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, И. В. Сталин, Н. М. Шверник, Н. А. Вознесенский, А. Ф. Горкин, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Л. П. Берия, Г. М. Маленков и Н. А. Булганин. На трибуне — министр финансов СССР А. Г. Зверев.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Избранники советского народа—депутаты Верховного Совета СССР, собравшиеся в древнем Кремле, в величественном зале Большого Кремлевского дворца, — обсуждают бюджет третьего года послевоенной сталинской пятилетки.

С огромным вниманием был прослушан доклад министра финансов СССР А. Г. Зверева о бюджете, который, если кратко сформулировать его задачи, должен способствовать выполнению огромной программы созидательных работ 1948 года во имя нового подъема народного хозяйства, расцвета культуры и улучшения материального благосостояния трудящихся.

Сталинская внешняя политика, направленная к борьбе за подлинный мир, находит свое красноречивое подтверждение в нашем бюджете. Советский народ, объединенный вокруг партии большевиков, вокруг нашего великого вождя Сталина, все свои помыслы и всю свою энергию вкладывает в восстановление пострадавшего от гитлеровского нашествия народного хозяйства и его дальнейшее развитие. Наш бюджет — это бюджет мира, подъема народного хозяйства и благосостояния трудящихся. Без ошибки можно сказать, что бюджеты тех стран, где расходы на вооружение растут с каждым годом и где на изготовление пушек, снарядов и прочих средств устрашения и истребления человечества затрачивается до трети бюджета, являются не бюджетами мира, а бюджетами развязывания кровавых агрессий.

Фото М. Калашниковой и Ф. Кислова

Двенадцатая часть позади

Прошел первый месяц 1948 года — третьего решающего года послевоенной пятилетки. В наше время в нашей стране, где и арифметика подчиняется воле стахановцев, каждый прожитый месяц равняется двум—трем месяцам обыкновенной, спокойной жизни. Месяц — это двенадцатая часть годового хозяйственного плана, а план этого года, по всенародному решению, должен на себя принять часть нагрузки 1950 года. Следовательно, каждый процент плана 1948 года содержит в себе значительную долю добавочной продукции, получить которую намечалось лишь в последующие годы.

В течение последней недели января со всех концов СССР, с заводов и фабрик, шахт и рудников, со строительных площадок приходили вести о досрочном выполнении месячного плана. Досрочно — это значит, что страна получила на десятки тысяч тонн больше угля, на тысячи тонн больше металла, на сотни тысяч метров больше ткани, на десятки тысяч пар больше обуви, чем за последний месяц прошлого года. Перевыполнили план января угольные тресты «Москвоуголь», «Карагандауголь», «Сталинуголь», «Ростовуголь», «Несветайантрацит» и многие другие. На тракторных заводах — Сталинградском, Харьковском, Владимирском — выпуск тракторов увеличился от 30 до 75 процентов. Замечателен успех Сталинградского тракторного завода. Не так много времени прошло с того момента, как из его цехов вывезли последние из 30 тысяч вагонов кирпичного и бетонного мусора, а возрожденный завод уже достиг довоенного уровня выпуска машин. Харьковский тракторный завод готовится в ближайшие дни выпустить десятитысячную машину после восстановления.

Перевыполняют план металлургические заводы Урала и восстанавливаемые заводы Юга — Днепропетровский, Днепродзержинский, Макеевский. Бакинские бурильщики проникли далеко в глубь дна Каспийского моря, под горы Апшерона и выполнили план бурения к 26 января на 122 процента.

К 1900 новым предприятиям, вступившим в строй за первые два года пятилетки, прибавилось несколько десятков новых. Возникают не только новые заводы и фабрики, но и целые города. Новый город родился в январе в Грузии. Указом Президиума Верховного Совета Грузинской ССР рабочий поселок Рустави преобразован в город. В нем уже несколько кварталов многоэтажных домов с десятками тысяч жителей. Лучшие архитекторы Грузии заняты проектированием архитектурного ансамбля нового города.

Рождаются и новые стахановцы третьего года пятилетки. Кузнецы Выборгского района города Ленина вызвали на соревнование всех кузнецов Ленинграда за выполнение пятилетки кузнечных цехов в 3—3½ года. Вызов принят. Забойщик горловской шахты имени Калинина Александр Тюренков за семь часов работы отбойным молотком вырубил 211 тонн угля — почти 17 сменных норм.

Таковы шаги нового года за первый месяц. Гигантские шаги! Читая летопись наших дней, невольно вспоминаешь вдохновенные строки Владимира Маяковского:

«Я
  планов наших
    люблю громадье,
размаха
  шаги саженьи.
Я радуюсь
  маршу,
    которым идем
в работу
  и в сраженья».

Сумма доходов составит по проекту, представленному на утверждение Верховного Совета, 428 миллиардов рублей. Это более чем на 100 миллиардов превышает доходы 1946 года. Расходы же, по проекту Совета Министров, должны составить 387,9 миллиарда рублей, то есть доходы превысят расходы на 40,1 миллиарда рублей. Советский народ с большим удовлетворением встретил заявление тов. Зверева о том, что такое превышение доходов над расходами, в то время как население в результате денежной реформы и отмены карточек получило выгоду, а государство, приняв на себя бо́льшую часть жертв, понесло потери, связанные со снижением цен, в размере 57 миллиардов рублей, свидетельствует о мощи нашей страны, прочности советской финансовой системы и крепости рубля.

Мы знакомимся с цифрами расходов на народное хозяйство и представляем себе, что 149 миллиардов рублей, предусмотренных на финансирование народного хозяйства, означают строительство новых заводов, шахт, промыслов, выпуск новых автомобилей, тракторов, комбайнов, машин. Это новые эшелоны угля, руды, нефти и стали. Это новые дома для рабочих и колхозников, это железнодорожные составы с маслом, мясом, крупами и зерном— это все то, что составляет благосостояние нашей Родины и нашего народа.

Или 116,3 миллиарда рублей, ассигнуемых на социально-культурные мероприятия! Они означают, что в 1948 году будут учиться 33 200 тысяч учащихся в школах всеобщего обучения, 722 тысячи студентов в высших учебных заведениях, 2183 тысячи учащихся в ремесленных и железнодорожных училищах и школах ФЗО. Это означает, что в 1948 году расширится сеть лечебных учреждений, родильных домов, детских садов и яслей.

В. И. Суриков. Этюд к картине «Степан Разин» (выставка произведений В. И. Сурикова из частных собраний).

СУРИКОВСКИЕ ДНИ

Москва широко отмечала столетие со дня рождения гениального русского живописца Василия Ивановича Сурикова.

В Государственном академическом Большом театре состоялось торжественное заседание, на котором с докладом о великом наследии В. И. Сурикова выступил президент Академии художеств СССР А. М. Герасимов.

В залах оргкомитета Союза советских художников СССР открылась выставка малоизвестных произведений В. И. Сурикова, хранящихся в частных собраниях. На ней экспонировано около двухсот живописных и графических работ, представляющих значительный интерес. Некоторые этюды и законченный портрет жены Сурикова выставляются впервые.

Значительно расширена суриковская экспозиция в Государственной Третьяковской галлерее.

На юбилейную научную конференцию, созванную Академией художеств СССР, со всех концов Советского Союза съехались в Москву художники и искусствоведы. На конференции были заслушаны доклады о мировом значении творчества Сурикова, о Сурикове-портретисте, о Сурикове и передвижниках и другие. С блестящим анализом творчества великого художника выступил член-корреспондент Академии художеств СССР В. С. Кеменов.

Многочисленные вечера, посвященные гениальному русскому живописцу, состоялись в институтах, школах, клубах.

Сессия Академии медицинских наук СССР в Ленинграде

На заседании IV сессии Академии медицинских наук СССР в Таврическом дворце.

Фото М. Трахмана.

В зале заседаний Таврического дворца состоялась IV выездная сессия Академии медицинских наук СССР. В работе сессии приняли участие 1750 деятелей медицины, съехавшиеся из 40 городов страны. Сессия заслушала и обсудила 23 доклада по гипертонии и раку.

В работе сессии приняли участие виднейшие ученые страны. С докладами выступили действительные члены Академии медицинских наук Н. Н. Аничков, А. Д. Сперанский, Б. И. Збарский, Г. Ф. Ланг и ряд других выдающихся ученых. На сессии выступил министр здравоохранения СССР Е. И. Смирнов.

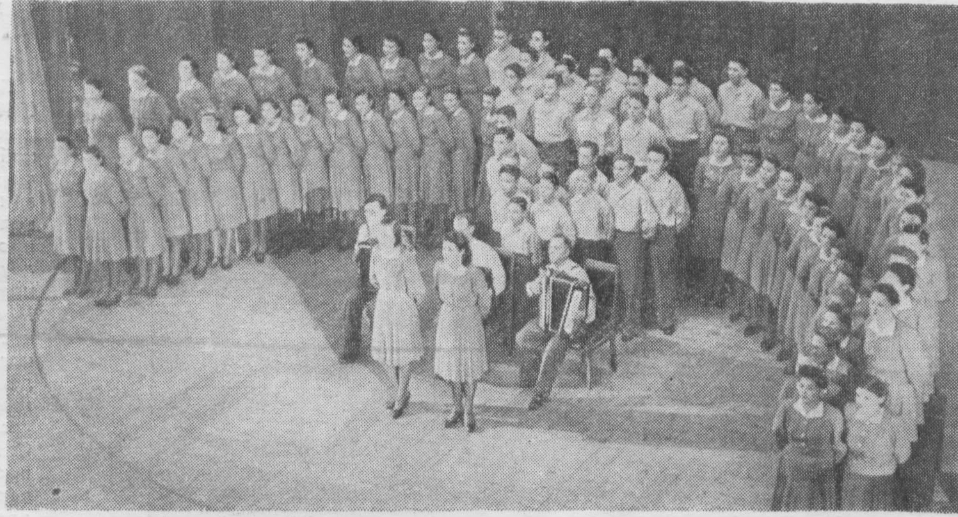
Сессия избрала новых действительных членов: С. А. Саркизова, А. Н. Крюкова и А. Л. Мельникова. Академиком-секретарем избран С. А. Саркизов.

За три года своего существования Академия медицинских наук объединила свыше 2800 научных работников, в числе которых 600 действительных членов и членов-корреспондентов. Составлено 1715 научных работ, в том числе 100 монографий.

В настоящее время первейшей задачей Академии является вооружение нашей медицины необходимыми данными для борьбы с еще не достаточно изученными болезнями. Академия должна воспитывать научные кадры в духе марксизма-ленинизма, бороться с враждебными тенденциями в науке, всемерно развивать критику и самокритику.

С огромным воодушевлением сессия приняла приветственное обращение к лучшему другу советской науки товарищу Сталину и его ближайшему соратнику товарищу Молотову.

Труды сессии будут изданы отдельной книгой.

На заключительном концерте Четвертого всесоюзного смотра художественной самодеятельности трудовых резервов в ГАБТ СССР. Выступает хоровой коллектив города Куйбышева.

Фото С. Шингарева

ИСКУССТВО МОЛОДЫХ

Юные токари и ткачи, слесари и печатники, фрезеровщики и энергетики, железнодорожники и связисты — учащиеся ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения—твердо знают, что скоро наступит время.

«Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые,
Руками золотыми назовет».

Училища и школы Министерства трудовых резервов СССР, готовя квалифицированных рабочих, в то же время развивают в своих воспитанниках природные дарования, приобщают их к искусству и культуре.

Заключительный вечер Четвертого всесоюзного смотра художественной самодеятельности трудовых резервов в Москве показал, как внимательно и заботливо выращивают и воспитывают у нас прекрасную молодежь — подлинных строителей коммунистического общества.

Из 250 тысяч юношей и девушек художественной самодеятельности трудовых резервов в заключительном вечере участвовало около 2 тысяч.

Выступали певцы, танцоры, музыканты, гимнасты, акробаты. Воодушевленно, стройно и мягко звучали хоры и ансамбли. Огромное богатство разнообразнейших национальных танцев было показано юными исполнителями с подлинным артистическим мастерством.

Заключительный концерт Четвертого всесоюзного смотра художественной самодеятельности трудовых резервов заканчивается жизнерадостным «праздником молодости». В красочных национальных костюмах собрались все участники концерта — посланцы союзных республик. Звучит приветственная песня, ликует молодежь, и в лучах прожекторов возникает портрет великого друга советской молодежи товарища Сталина.

Л. ЯНТАРЕВ

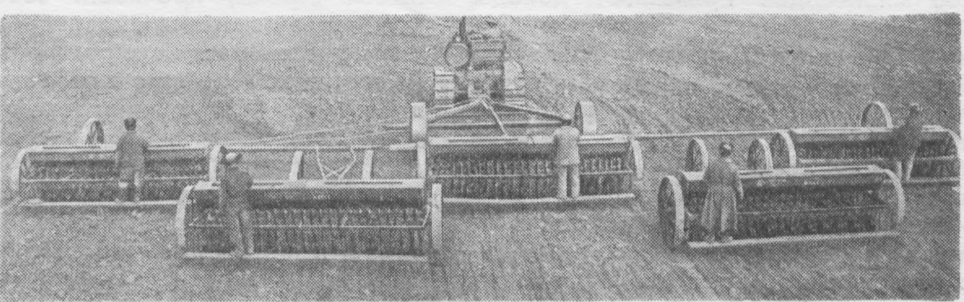
Финал украинской пляски.

СЕВ ЯРОВЫХ НА ЮГЕ

В конце января на юге Узбекистана уже происходил массовый весенний сев зерновых культур. Редакция «Огонька» командировала специального фотокорреспондента О. Кнорринга, который заснял первые полевые работы в Галля-Аральском районе, Самаркандской области. В настоящем номере печатаются два фотоснимка; специальный фотоочерк о полевых работах в Узбекистане будет помещен в одном из ближайших номеров «Огонька».

Лаборантки Милютинской контрольно-семенной станции М. П. Стрельцова и Т. И. Ерохина производят анализ семян, присланных колхозами.

Пятисеялочный агрегат на полях Галля-Аральского района, Самаркандской области.

Естественно, как дыхание...

В. АРДАМАТСКИЙ

Октябрь 1941 года. Ленинград. Ожесточеннейшие сражения вокруг города. Немцы все еще рассчитывают войти в столь близкий, уже видимый им Петербург. С истерическим ожесточением они бросаются в атаки. Но их атакам противостоит благородное мужество: немецкие атаки захлебываются в крови,— они безрезультатны.

Эта стойкость Ленинграда стоит многих жизней. Утром я был у Пулкова. Командир дивизии не стал со мной разговаривать. «Я отбил атаку»,— сказал он мрачно и протянул мне листок донесения о потерях. Хотелось думать, что сводка ошибочна.

«Эх, писатель, писатель,— тяжело вздохнув, сказал мне пожилой солдат — вестовой командира,— как шли на смерть наши люди!.. Герои!». И, видимо, вспомнив кого-то, быть может своего заветного дружка, он отвернулся и украдкой смахнул слезу. В лощине молчаливые солдаты укладывали своих товарищей в огромную братскую могилу...

К вечеру я поехал на другой сектор фронта, на аэродром истребителей морской авиации. Здесь тоже были немалые потери. Командира полка я застал у приемника. Он слушал Лондон. Пространно комментировалась очередная речь Черчилля. Очень часто, почти в каждой фразе, звучали слова: «мужество», «стойкость», «терпение».

«Воевать надо, мистеры! — злобно крикнул приемнику полковник...— Воевать!» Он рывком выключил приемник и, узнав, что я хочу побеседовать с отличившимися летчиками, задумался и тихо сказал:

«Одних уж нет, другие...— он улыбнулся,— еще не успели отличиться. Сходите в землянку к Каберову, он уже двух немцев сшиб. Сегодня он герой полка! Прямо через поле, крайняя землянка».

Я уже подходил к землянке, когда с душераздирающим воем, казалось, над самой головой, пролетел снаряд, и в следующее мгновение елочка где-то с окраины летного поля взлетела вверх и, нелепо кувыркаясь, упала. Воздушная волна взрыва и грохот пришибли меня к земле. Мимо кто-то пробежал, видимо, заметил меня, остановился, вернулся и неестественно громко прокричал:

«Нашел место! Быстро в блиндаж!».

Я вскочил и побежал за человеком. Мы ворвались в блиндаж вместе с новой воздушной волной. Блиндажная дверь крякнула и с грохотом захлопнулась за нами. Керосиновая лампа чихнула копотью, чуть не погасла. Тотчас гармонь подхватила, наверно прерванную, веселую мелодию частушечного склада. Я осмотрелся: землянка была полна народа. В углу, как мне показалось, сидел мальчик, почти до половины лица закрытый баяном. Он проиграл вступление и запел:

«Ваня никнет головой,
Где же, братцы, фронт второй?
Ты на первом фрицев бей,—
Тот откроется скорей...»

Кругом захохотали. Где-то близко ударил снаряд, в щели блиндажных стен посыпалась земля. Но баянист как ни в чем не бывало продолжал:

«Что ты, Костя, нос повесил,
Что летаешь ты не весел?
Фриц не хочет сам сбиваться,
Надо, значит, постараться...
Фриц стреляет, да стреляет,
И того, дурак, не знает...».

В это время распахнулась дверь и частушку оборвал приказ:

«Техсостав, к самолетам!».

Несколько человек вскочили и выбежали из землянки. Я увидел баяниста уже в полный рост. Он действительно выглядел мальчиком лет пятнадцати и, с удивлением взглянув на меня, спросил:

«Вам кого?».

«Командир полка послал меня к Каберову. Я из редакции».

«Я Каберов. Что вы...».

Герой Советского Союза майор И. Каберов.
Фото Г. Дубинского.

Дальше я не расслышал: стеганул новый, какой-то тройной взрыв.

«Вот бьет, собака!» — сказал Каберов, когда стихло.

Я разглядывал Каберова с таким, наверное, явным недоверием, что он улыбнулся и сказал:

«Так что же вам надо от Каберова, то есть от меня? Как ваша фамилия?»

Мы познакомились. Разговор завязался сразу. Каберов начал рассказывать, как он сбил двоих немцев, сам увлекся рассказом и, как все летчики, иллюстрировал описание боя движениями ладоней. Рассказ о воздушном сражении дошел до того места, когда Каберов ринулся на «мессершмитта» в решающую атаку... и вдруг оборвался. Мне показалось, что у летчика перехватило дыхание. Я невольно глянул на него и увидел прищуренные, горящие гневом глаза, сжатые зубы и вздрагивающую скулу. Каберов смотрел на свою ладонь, обозначавшую самолет врага.

«И метров с десяти я всадил ему длинную очередь»,— медленно сказал он, второй ладонью сделал крутой взлет и улыбнулся задорной мальчишеской улыбкой. «И сгорел «мессер», как венчальная свеча»,— закончил он уже весело и лихо.

Я стал расспрашивать Каберова о его жизни до войны.

«Вот привязались! — воскликнул он, но, увидев мой удивленный взгляд, рассмеялся и добавил: — Это я о немецких пушкарях».

Обстрел аэродрома продолжался.

...Жизнь Игоря Каберова была простой и ясной. Он родился в 1917 году. Отец был вологодский крестьянин, потом рабочий, солдат царской армии, красногвардеец, активный участник гражданской войны. После тяжелого ранения он ослеп. Это было большим горем. В прежние времена пятерым его ребятам пришлось бы с сумой пойти по деревням. Но советская власть была отвоевана, она изменила жизнь огромной страны, и ее судьба стала судьбой миллионов людей. Дочь и сын слепого Александра Каберова выучились на педагогов, трое сыновей стали офицерами Советской Армии. В 1930 году отца повезли в Москву, и здесь лучшие ученые сделали ему операцию, восстановили зрение... Старик Каберов немедленно вернулся к труду. Он не мог не работать.

Игорь окончил семилетку, потом ФЗУ. Был пионером, стал комсомольцем. Он работал на заводе, когда его увлекла мечта научиться летать. Игорь не мог объяснить мне, как родилась эта мечта.

«К тому времени многие из наших вологодских стали кто врачом, кто инженером, кто машинистом на паровозе, кто — даже морским капитаном. Надо было только выбрать дорогу, твердо решить, кем ты хочешь стать. А я еще мальчиком все стремился быть впереди. Если у меня удочка, то уж самая длинная, если нырнуть под воду, то уж дольше всех. Может, мне этим хотелось восполнить нехватку роста. Ростом я, как видите, не вышел. Меня дразнили «сучком» и «чижиком». Ну вот я и решил: покажу, какой я «сучок» да «чижик»! Стану летчиком. И стал летчиком! Вот и все!».

В землянке раздался телефонный звонок. Звонили из блиндажа командования. Игорь Каберов послушал и сказал в трубку:

«Есть. Сейчас буду. Нет, сейчас».

Положив трубку, он повернулся ко мне:

«Извините, мне надо идти. Прибыла парткомиссия, мне будут вручать партбилет».

И он ушел. Обстрел аэродрома продолжался. Каберову к блиндажу командования пришлось добираться ползком. Мы узнали об этом, когда он вернулся. Летчик был весь в земле. Войдя в землянку, он остановился у дверей, прислушался к разрыву снаряда и как бы про себя сказал:

«Дурье немецкое! Думали: помешаете?».

Да, они не могли помешать. Жизнь шла своим чередом, и теперь передо мной был Игорь Каберов — член Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

Мы возобновили беседу. Я заметил, что Игорь вместо слова «война», говорил «работа». «Мы начали работать над Кронштадтом»... «Работу на фронте надо исполнять точно»... и т. д. Война для него была, как это ни парадоксально, продолжением жизни, труда...

«Берлинские бандиты,— сказал он,— навязали нам войну, но раз уж она — война — началась, надо работать, работать точно и еще упорнее, сосредоточенней, чем в мирные дни. Счастье строилось трудом всех, все должны и защищать это счастье».

Игоря Каберова не мучили сомнения в исходе войны. Тогда, в октябре 1941 года, под Ленинградом, когда немецкая артиллерия вела почти прицельный огонь по их аэродрому, он вдруг сказал мне:

«Напишите-ка в газете, чтобы своевременно были отпечатаны летные карты Германии. А то я спросил в штабе, хотел поглядеть, а мне сказали: таких карт нет».

* * *

Через шесть лет случайно в Москве я снова встретил Игоря Каберова. Передо мной стоял майор — Герой Советского Союза, кавалер пяти орденов.

«Учусь в Военно-Воздушной академии,— сказал он.— Два моих брата погибли на войне. и я теперь должен служить Родине за троих».

Мы провели с ним целый вечер. Он сообщил мне, что за время войны сбил 28 немецких самолетов, стыдливо признался, что пишет стихи (частушки на фронте, оказывается, были сочинены им), рассказал, что у него растут двое детей: дочка Нина уже пошла в школу, сыну Валерию 5 лет. Потом Каберов прочитал мне большое стихотворение, которое называлось «Возвращение домой». Там были такие строфы:

«Внизу плывет чудесная картина.
Земля прикрыта дымкою едва,
Большая вологодская равнина
Под голубыми крыльями «У-2»...
...Я в дом вошел с геройскою звездою,
Старуха-мать от радости в слезах,
Старик-отец, качая головою,
Никак не разберется в орденах».

«Хорошо сложилась жизнь»,— сказал я Каберову на прощание.

Он ответил, смеясь:

«Все сложилось естественно, как дыхание».

Этой фразой майора Игоря Каберова я и озаглавил свой очерк.

Печальная судьба Эйби Линкольна

Л. ЛАГИН

Рисунки В. Горяева

Не так давно в одном из больших городов США произошло в высшей степени странное и необычное происшествие. Постовой полицейский О'Брайен тотчас же позвонил своему начальству. Трубку взял дежурный инспектор Струдл.

— Начальник, чертовская неприятность! — сказал О'Брайен. — Пропал памятник!.. Впервые за мои дежурства пропадает памятник...

— Что за чушь?! Какой памятник? Как пропал? Когда пропал?

— Памятник старому Эйби... Минут пять назад. Я только успел пропустить поток машин на улицу Просперити, поворачиваюсь: нет памятника!.. Какая-то чертовщина! Постамент на месте, а статую Линкольна словно ветром унесло...

— Отверните свою пасть от трубки! — произнес с отвращением инспектор. — От телефонного провода так и разит в лицо винищем!

— Я трезв, как фиалка,— простонал в ответ несчастный О'Брайен.— Я готов пойти под суд, если выпил за последние сутки хоть капельку спиртного.

— Вы и так пойдете под суд. Если действительно у вас из-под носу свистнули бронзовую статую в добрые десять тонн весом, мне до слез жаль вашу семью.

— Но, сэр, ведь это произошло в какие-нибудь две-три минуты... Кто бы мог подумать, что...

— Вы бы могли подумать! Именно вы, чорт возьми, и должны были подумать! Правительству плевать на памятник, раз он уже поставлен. В дальнейшем оно полагается на полицию. И если памятник вдруг ни с того, ни с сего пропадает...

— Я полагаю, сэр...

— Мне совершенно неинтересно, что вы там полагаете. Уж не рассчитываете ли вы, что правительство поставит Линкольну новый памятник? Как бы не так! У президента и его министров имеются сейчас дела поважней, нежели вспоминать о Линкольне. Да и бронза им сейчас нужна для... Впрочем, не нашего ума дело, на что правительству нужна сейчас бронза... Так что, если вы...

Пока шел этот драматический разговор, по улице генерала Гранта медленно пробирался в густой толпе высокий, сухощавый, скуластый человек лет пятидесяти пяти, одетый по моде шестидесятых годов прошлого столетия. Его умное, энергичное и добродушное лицо с чисто выбритой верхней губой обрамляла небольшая бородка.

Он уже успел свернуть на улицу Рокфеллера, когда кто-то окликнул его:

— Эй, дядя в цилиндре! Можно вас на минутку?

Линкольн оглянулся и увидел спешившего к нему коротенького упитанного джентльмена. Догнав Линкольна, он окинул его с головы до ног оценивающим взглядом и пришел в неописуемое восхищение:

— Бьюсь об заклад, что вы не утопаете в роскоши!

— Я никогда не был богат и горжусь этим,— сказал Линкольн.

— Ну, положим, гордиться тут нечем. Но это неважно. Важно, что вы как раз тот человек, который снился мне в самых розовых моих снах.

— Я искренне счастлив, друг мой,— сказал Линкольн. Он действительно был растроган.

— Вы меня, конечно, знаете. Я Урия Гип, кинорежиссер. Меня знает вся Америка. Вам никто не говорил, что вы поразительно похожи на одного давно умершего президента? Я имею в виду Авраама Линкольна. Так вот, клянусь, я не выпущу вас из своих рук, пока не сделаю из вас первоклассную кинозвезду! Не будь я Урия Гип!

— Хорошо,— согласился Линкольн.— Предположим, что стать кинозвездой — сокровеннейшая мечта моей жизни. Но что мне для этого надлежит делать?

— Быть пай-мальчиком. Слушаться меня и тихо зашибать доллары. Надеюсь, вы ничего не имеете против того, чтобы заиметь несколько тысчонок очаровательных золотых кружочков?

— Предположим, что ничего не имею против,— чуть улыбнулся Линкольн, которого начинал забавлять этот развязный и самоуверенный джентльмен.— Но что я все же должен для этого делать?

— Как раз в настоящее время я набираю актеров для моей новой картины. Она будет называться «Чума из-за океана». А может быть, я ее назову «Они понимали толк в девчонках». Я еще окончательно не решил...

— Простите, сэр, как вы сказали? «Они понимали толк...»?

— Никогда не перебивайте творческого деятеля кинематографии! Сейчас вам все станет ясным. Значит так: Север воюет против Юга. Гражданская война. 1870 год. Авраам Линкольн...

— Смею заметить,— прервал его Линкольн,— в семидесятом году Линкольна уже не было в живых. И гражданская война уже пять лет как кончилась к тому времени...

— Был в живых. И не кончилась. С кем вы спорите? У меня в картине она еще только начинается. И Джефферсон Дэвис, тот самый, который через два эпизода становится во главе южан, по уши врезывается в кузину Линкольна — Виолетту.

— Насколько мне помнится, у Линкольна не было кузины Виолетты, и вообще Джефферсон Дэвис ни в какую из его родственниц не влюблялся.

— Очень может быть. Но в моей картине у него такая кузина имеется, и в нее врезывается Джефферсон Дэвис, и они целуются лунной ночью на берегу Огайо. А Линкольн, который, как известно, был паромщиком на этой реке, замечает это со своего парома. Конечно, война Севера против Юга становится после этого совершенно неминуемой... Вы что-то хотели сказать?

— Нет, нет, продолжайте. Все это в высшей степени оригинально.

— Еще бы! Дэвис ведет себя, как истый джентльмен, он обещает жениться на Виолетте. Но Линкольн становится на дыбы. Его любовница...

— Какая гадость! У меня... то есть, я хотел сказать, у Линкольна, никогда не было никаких любовниц! Такого даже южане не додумались о нем говорить!

— Ого! — восхитился Урия Гип.— Вы уже входите в роль! «У меня не было любовниц!» Это великолепно! Вы прирожденный актер! Была, была любовница. Она мне нужна для интриги, значит, была. Итак, его любовница, пресмазливенькая мулаточка — вам будет одно удовольствие целоваться с нею по ходу действия — заставляет вас, то есть Линкольна, мобилизовать 75 тыс. волонтеров и пойти на южные штаты освобождать ее черномазых родственников. Но эти честные негры категорически возражают против того, чтобы их освобождали. Они усматривают в этом возмутительное покушение на священное право собственности их законных и горячо любимых владельцев. Здорово закручено, а? Они дружно вступают в ряды армии южан и дерутся, как черти. А в рядах северян — паника и трусость. У меня придуман эпизодик: как разбегается рабочий полк северян и как его командир, революционер-эмигрант, прячется в кустах крапивы...

— Это вам тоже нужно для интриги? — жестко осведомился Линкольн.— Насколько мне известно, рабочие полки и полки, составленные из революционеров-эмигрантов, были самыми храбрыми и стойкими в доблестной армии северян.

— Очень может быть. Но никогда не вредно лягнуть в подлинно американской картине иностранцев, революционеров и организованных, а тем более вооруженных рабочих. Идея фильма? — Все зло от организованных рабочих, от иностранных революционеров, и, конечно, от России. Мы покажем, что если бы Россия во время нашей гражданской войны не ввела свои эскадры в Нью-Йорк и Сан-Франциско...

— ...то Англия и Франция вступили бы в войну на стороне рабовладельцев, и центральное правительство потерпело бы поражение.

— Ого! Да вы, оказывается, шутник! Наоборот, мы покажем, что Россия хотела под шумок захватить в свои руки и Север и Юг.

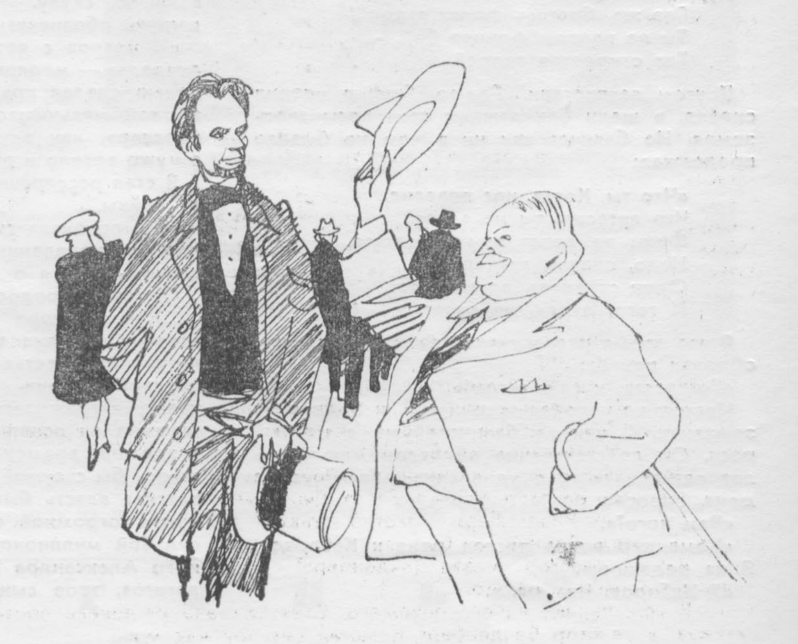
— Но ведь это вопиющая неправда!

— Не будьте ребенком! Кого в Голливуде интересует сейчас правда? Мистера Бирнса? Или, может быть, мистера Джонстона?

— Значит, вы осмелились предложить мне участвовать в мошенническом предприятии?!

— Боже! Зачем такие пышные и старомодные фразы? Я вам предложил участие в выгодном и совершенно безопасном бизнесе. Вы, кажется, хотели что-то сказать?

— Я хотел сказать... я хотел вам сказать, сэр, что вы негодяй, мошенник и политическая проститутка!..

Так Авраам Линкольн через полчаса после того, как он покинул свой гранитный пьедестал, предстал перед судом по обвинению в оскорблении словами мистера Урии Гипа, кинорежиссера.

— Обвиняемый, ваша фамилия?

— Я просил бы освободить меня от ответа на этот вопрос.

— Понимаю, почтенный джентльмен стыдится того, что его фамилия появится в вечерних газетах, но не видит ничего зазорного в том, чтобы наносить публичные оскорбления известному и лояльнейшему американскому деятелю искусств. Ваша профессия? Чем вы занимаетесь?

— Ничем,— замялся Линкольн.— То, чем я занимаюсь, нельзя назвать профессией.

— Джентльмен живет на доходы с капитала?

— Нет, ваша честь. Я абсолютно ничем не занимаюсь. Это даже нельзя назвать жизнью.

— Та-а-ак! Где вы проживаете?

— На площади Авраама Линкольна.

— В собственном доме или в гостинице?

— Нет, ваша честь. Я провожу все время на открытом воздухе.

— Гм-гм! Это вас неважно рекомендует. Итак, почему вы позволили себе оскорбить мистера Гипа?

— Ваша честь! Мистер Гип имел смелость предложить мне принять участие в создании фильма, который должен коренным образом извратить причины и историю гражданской войны, облик Авраама Линкольна, благородную роль наших рабочих и революционеров-эмигрантов, помогших нам разбить южных мятежников-рабовладельцев. Мистер Гип собирается вызывать в зрителях самые низменные инстинкты смакованием придуманных им сцен пыток и извращенных убийств. Он...

— Остановитесь, обвиняемый! Известны ли вам эти строки? «Мы считаем очевидными следующие истины: что все люди сотворены равными; что они наделены своим творцом некоторыми неотъемлемыми правами, в числе которых — жизнь, свобода и стремление к счастью».

— Эти строки известны каждому американцу,— ответил Линкольн.— Это из Декларации независимости.

— Вы абсолютно правы,— подтвердил судья.— Садитесь, обвиняемый. Мистер Гип, стремились ли вы к счастью, готовясь к постановке задуманного вами фильма?

— Безусловно, ваша честь.

— Значит ли это, что постановка этого фильма связана для вас с реализацией права на жизнь?

— Это именно так, ваша честь. Меня сжили бы со свету, если бы я вдруг поставил фильм так, как это угодно оскорбившему меня сварливому джентльмену.

— Считали бы вы, мистер Гип, покушением на вашу свободу, если вам не разрешили бы поставить задуманный фильм?

— Ваша честь, вы угадываете самые сокровенные мои мысли.

— Таким образом, суд устанавливает, что, намереваясь создать свой фильм «Чума из-за океана», или «Они понимали толк в девчонках», пострадавший мистер Урия Гип собирался реализовать тем самым свои священные, гарантированные Декларацией независимости, права американского гражданина.

— Мне никогда не приходилось слышать более издевательской трактовки Великой Декларации! — возмущенно воскликнул Линкольн.

— Вы позволили себе оскорбить суд, обвиняемый. Обещаю вам учесть это. Объявляю приговор: за неоправданное оскорбление мистера Гипа, за оскорбление суда, а также за бродяжничество, выражающееся в постоянном проживании прямо на площади, под открытым небом, присуждаю обвиняемого, отказавшегося назвать свое имя и фамилию, к тюремному заключению сроком на десять месяцев и пять дней. Кроме того суд постановляет сбрить обвиняемому бороду, так как, напоминая давно умершего президента Авраама Линкольна, обвиняемый может в дальнейшем вызывать у не искушенных в политике граждан ненужные, вредные и далеко ведущие воспоминания о покойных президентах...

Нужно ли говорить, что Линкольну, сумевшему незаметно сойти со своего пьедестала на кишевшей людьми площади его имени, не стоило труда скрыться от тюремного парикмахера, когда тот, обломав все свои бритвы о бронзовую бороду нового заключенного, побежал в полном смятении докладывать об этом своему начальству. Пока беглеца разыскивали по всем закоулкам тюремного двора, Линкольн, весь во власти тяжелых мыслей, спешил вдоль железнодорожного полотна к вокзалу.

Грохот промчавшегося поезда вывел его из печальных раздумий. Почти тотчас же послышался громкий вопль и скрежет тормозов. Поезд остановился. В несколько секунд набежала толпа. До Линкольна донеслись возбужденные крики:

— Несите его сюда!

— Не трогайте его! Его нельзя трогать, пока не прибудет полиция

— Бедный малый!

— Вольно ему было кидаться под поезд!

— Никто не кидается под поезд ради развлечения.

— О нем будут целые полосы в газетах: он первый американец, раздавленный «Поездом свободы»!

— Значит, это и есть знаменитый «Поезд свободы»?

— Кто этот несчастный? — спросил Линкольн.

— Это Стив Ванденберг,— охотно ответил ему кто-то из толпы.— Это мой сосед. Вернее, он был моим соседом.

— Уж не сенатор ли это Ванденберг? — спросил с надеждой старик в потрепанном пальто.

— К сожалению, ничего похожего. Стив Ванденберг воевал против Гитлера, а сенатор Ванденберг помогал Гитлеру как мог.

— Он не оставил записки? — спросил Линкольн.

Ему протянули забрызганный кровью клочок бумаги:

«Я честно провоевал всю войну. Я высаживался в Нормандии и сражался, пока враг не капитулировал. На фронте я встречался с русскими. Я убедился, что они славные парни, храбрые солдаты и искренние друзья американского народа. Вчера меня мистер Ренкин из комиссии по расследованию антиамериканской деятельности лишил работы за то, что я говорил правду о русских. Неужели мы должны стать лжецами и лицемерами для того, чтобы господа Ренкины и Томасы признали нас истинными американскими патриотами и не лишали куска хлеба?..»

Ближайшим поездом Линкольн отбыл в Вашингтон, чтобы поговорить с президентом о политике и судьбах страны, потолковать с председателем верховного суда и выяснить, что он предпринимает против антиамериканской деятельности комиссии по расследованию антиамериканской деятельности; побывать на заседаниях конгресса и убедиться, действительно ли конгресс не понимает, к чему ведет нынешняя политика правительства.

Но президент был по горло занят посылкой подкреплений мировой реакции, и ему некогда было принимать Линкольна. Верховный суд не находил в комиссии Томаса и Ренкина ничего, противоречащего конституции США. А конгресс, действительно, не понимал или не хотел понимать, к чему ведет страну и весь мир поддерживаемая им политика правительства...

Занималась поздняя вечерняя заря седьмого и последнего дня нашей печальной истории, когда Авраам Линкольн вышел из поезда на перрон южной степной станции. Издали доносились звуки духового оркестра. В городе шли выборы шерифа. Странно было, что на улицах совсем не попадались негры, хотя они составляли не меньше половины населения. Впрочем, вскоре Линкольн увидел молодого негра в военной форме, с медалью на груди. С ним шла под руку молодая негритянка. У входа в избирательное помещение их остановило несколько белых:

— Вы, вероятно, заблудились, курчавые голубки: здесь избирательное помещение!

— Значит, мы попали как раз туда, куда направлялись,— ответил негр.

Вмешался другой белый:

— Негр, негр, почему ты такой нахал?

— Томми, уйдем,— сказала молодая негритянка своему спутнику.— Я тебе говорила, что из этой затеи ничего не выйдет. Мы только напрасно наряжались.

Но негр лишь крепче прижал локтем ее руку и спокойно промолвил:

— Мы пришли выбирать шерифа, сэр. Это наше законное право, сэр.

Второй белый процедил сквозь зубы с прежней своей издевательской укоризной:

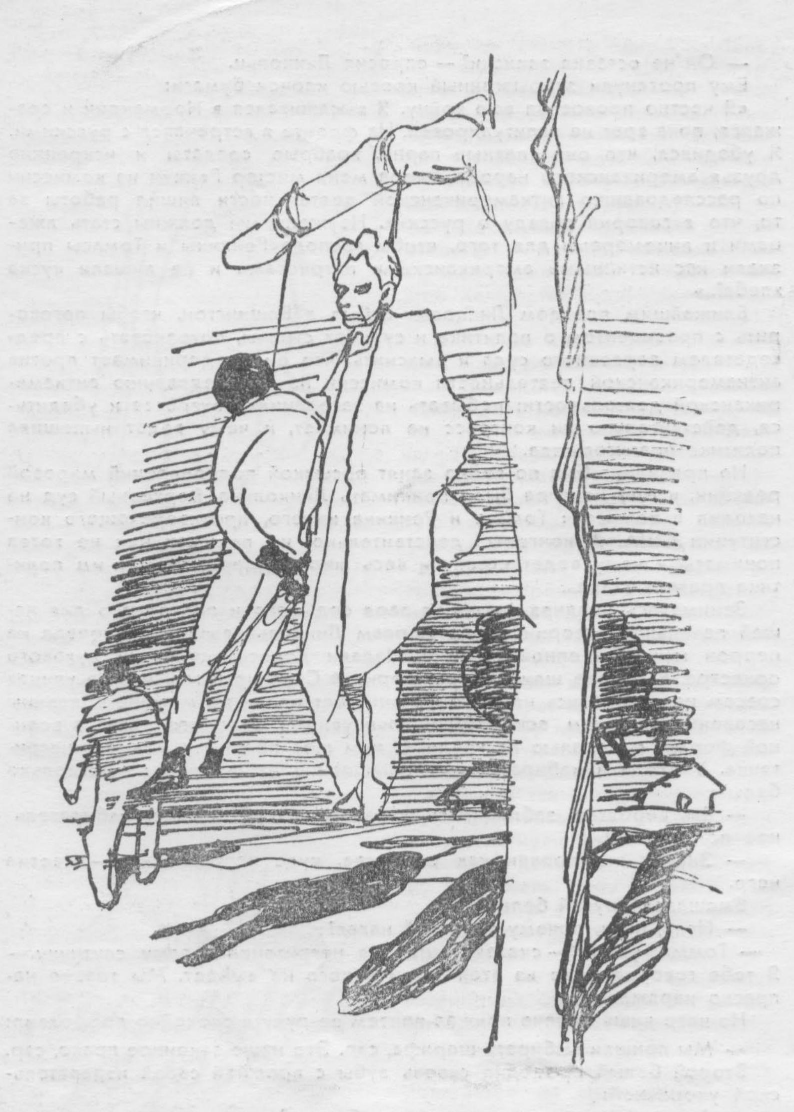
— Ах, негр, негр, ты мне делаешь больно!

И загородил своей тучной фигурой вход в помещение.

Но негр попытался обойти его.

— А ну, стой! Куда прешь, черномазая образина?

— Мы пришли выбирать шерифа, сэр! Это наше законное право, сэр!

— Поворачивай отсюда со своей шлюхой, пока цел!

— Вы не должны так говорить, сэр. И мы пришли выбирать шерифа, сэр.

— Томми, ну миленький! Ну уйдем же, пока не поздно!.. Они собираются затеять драку...

— Я американский гражданин, сэр! — упорствовал негр. От волнения у него срывался голос и дрожали руки.— Я ветеран войны, сэр. Я дважды ранен: под Канном и в Арденнском лесу, сэр. Никто не имеет права лишать меня моих законных прав, сэр!..

— Нет, вы посмотрите только, что за наглый негр! — возмутился тучный белый и изо всей силы ударил негра по лицу.

— Томми! Только не отвечай ему, только не отвечай!..

— Ты просишь у меня невозможного, моя бедная Лиззи! — ответил жене негр.

Он со всего размаха ударил толстяка, и тот мягко упал в дорожную пыль, как мешок, туго набитый тряпками.

— Эй, ребята! — закричали остальные белые счастливыми голосами.— Сюда! На нас негр напал!..

Это нельзя было назвать дракой: человек двадцать навалилось на одного. Он пробовал отбиваться. Он яростно работал кулаками, упершись спиной в стену дома, в котором помещался избирательный участок. Это никак нельзя было назвать дракой. Это было избиение, если хотите, убийство.

— Джентльмены! — кричал Линкольн, бегом приближаясь к месту свалки.— Джентльмены, вы неправы! Этот человек не причинил вам ничего дурного!

— А ну, катись отсюда, старый дуралей!

— Я не могу видеть, как бьют человека за то, что он хотел использовать свои законные права,— сказал Линкольн.

Лиззи успела сообщить ему причину побоища.

— Ну и закрой в таком случае свои подслеповатые глазки!

— Мой покойный отец учил меня по-другому действовать в таких случаях,— сказал Линкольн.

— Смотрите, смотрите! Эта старая развалина засучивает рукава! Он, кажется, собирается вмешаться в драку! Ха-ха-ха!

— Сбейте с него его дурацкий цилиндр! Хо-хо-хо!

— А ну, стукните его разочек! Ему много не надо! Хо-хо-хо! Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Ой, уморил!..

— Держись, сынок! — крикнул Линкольн негру.— Мы им покажем, как северяне били рабовладельцев!

— Бей негритянского холуя! О-о-ой! Парни! У этого проклятого старикана чугунные кулаки!..

Но как ни крепки были кулаки Авраама Линкольна, как ни страшна была сила отчаяния негра, знавшего, что ему никогда уже не вернуться домой, противники взяли своим численным превосходством. Они, наконец, сшибли с ног и связали Линкольна и негра-солдата, выкатали в дегте и перьях и повесили на большом тенистом дереве, на котором обычно вешают негров в этом городке. И так они провисели до утра следующего дня. Утром все увидели, как раскачивается на ветру труп негра с медалью на груди. А рядом неподвижно висел вымазанный дегтем и укатанный в перьях бронзовый памятник Аврааму Линкольну.

Вся эта история, понятно, наделала немало шума. Памятник на другой же день запаковали и отправили в город, в котором он до этого простоял много десятков лет. А трест, на фабрике которого была изготовлена веревка, выдержавшая тяжесть статуи Линкольна, получил монопольное право на поставку веревок по плану Маршалла.

«Библиотека поэта»

Издательство «Советский писатель» приступило к переизданию «малой серии» «Библиотеки поэта». Эта серия возникла по инициативе А. М. Горького в 1932 году и должна была, по его мысли, ознакомить молодежь Советского Союза с историей роста и развития русской поэзии. Одновременно с выходом «большой серии» «Библиотеки поэта», снабженной обстоятельными комментариями и дающей в ряде случаев полные собрания стихов, капитальные тома тщательно проверенных текстов, редакция «Библиотеки поэта» выпускала небольшого формата книжки, приобревшие широкую популярность в самых различных читательских кругах.

Во втором издании почти вдвое увеличивается количество книг, а в пределах отдельных выпусков—количество произведений, в них включенных. Это позволит еще полнее и шире показать замечательные богатства русской поэзии. По мнению Горького, «Библиотека поэта» должна была сыграть большую воспитательную роль, показывая, как отражались в поэзии изменения исторической действительности, дать «ясное представление о месте и значении поэзии в истории культуры», показать, «какую роль играла поэзия в истории роста, упадка и разложения буржуазного общества». Это указание Горького на исторический характер серии, на необходимость показать во всей конкретности своеобразие творчества того или иного поэта ставит перед редакцией задачу особенно тщательного и научно продуманного отбора текстов и правильной характеристики идейного и творческого облика поэтов прошлого. В то же время самый тип издания должен быть в достаточной мере популярным, неперегруженным комментариями, удобным и изящным по своему полиграфическому оформлению.

В настоящее время вышли четыре выпуска второго издания «малой серии» «Библиотеки поэта» — А. Радищев, Г. Державин, К. Рылеев и И. Никитин.

Значительно бо́льшая полнота текстов является несомненным достижением серии. Можно приветствовать, что во втором издании вышли отдельным выпуском стихи А. Радищева, которые раньше входили в общую книжечку «Поэты XVIII в.». Творчество Радищева многогранно, стихи его занимают важное место в развитии русской поэзии. Недаром его знаменитая ода «Вольность», полная благородного негодования и протеста против деспотической тирании самодержавия, оказала такое большое воздействие на Пушкина, Рылеева и других русских поэтов XIX века.

Перечитывая стихи Радищева и Рылеева, вновь и вновь испытываешь радость от сознания той возвышенной, передовой роли русской культуры и поэзии, в частности, которая уже на рубеже XVIII и XIX века воспитывала народ в духе свободолюбия и ненависти к угнетению. Несомненно, что новое, расширенное издание произведений выдающихся русских поэтов поможет ознакомлению читателей с поистине неисчерпаемым богатством нашей поэзии. Хочется пожелать быстрого завершения этого нужного и ценного начинания.

Н. Степанов

А. Радищев. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания Г. Гуковского. Стр. 210. Ц. 6 руб. Тираж 20 000.

Г. Державин. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания Г. Гуковского. Стр. 306. Ц. 8 р. 50 к. Тираж 20 000.

К. Рылеев. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания Н. Мордовченко. Стр. 304. Ц. 7 р. 50 к. Тираж 20 000.

И. Никитин. Стихотворения. Вступительная статья, редакция и примечания Л. Плоткина. Стр. 380. Ц. 10 руб. Тираж 20 000.

КОЛХОЗНЫЙ КЛУБ

Фотоочерк Г. Зельма

Старинное село Коломенское... Крутой, обрывистый берег Москвы-реки... Здесь находится один из богатейших колхозов Московской области — колхоз «Огородный гигант».

Сельскохозяйственная артель «Огородный гигант» в прошлом году собрала замечательный урожай овощей и картофеля и получила четыре миллиона двести тысяч рублей дохода. Почти шестьсот тысяч рублей колхоз затратил на строительство клуба.

Около шести тысяч книг собрано в библиотеке клуба. Каждый вечер сюда приходит много читателей. В их библиотечные формуляры вписаны самые разнообразные книги: Н. Островский «Как закалялась сталь», П. Вершигора «Люди с чистой совестью», Б. Полевой «Повесть о настоящем человеке», журналы, учебники по сельскому хозяйству, политическая литература...

Еженедельно в клубе проходят занятия политшколы. Секретарь партийной организации колхоза Е. П. Посошкова беседует с колхозниками о государственном устройстве СССР.

Один из завсегдатаев читальни — Андрей Григорьевич Цветков, старый колхозный сторож. Все свободные вечера он проводит в читальне за книгой.

Здесь любят песню: и старинную русскую народную, которую певали предки коломенских крестьян, и современную, советскую. В колхозном хоре (фото слева) участвуют и старики и молодежь... Запевает Шура Гусева.

На детском утреннике в кинозале.

Драматический кружок недавно поставил на клубной сцене пьесу Геннадия Федорова «Пути-дороги» — пьесу, идущую в столичных театрах. Спектакль пользуется большим успехом у зрителей села Коломенского. На снимке (внизу слева) вы видите заключительную картину спектакля.

При клубе работает агротехнический кружок. На снимке (внизу справа): агроном Николай Григорьевич Софронов проводит в колхозной теплице практические занятия с членами кружка.

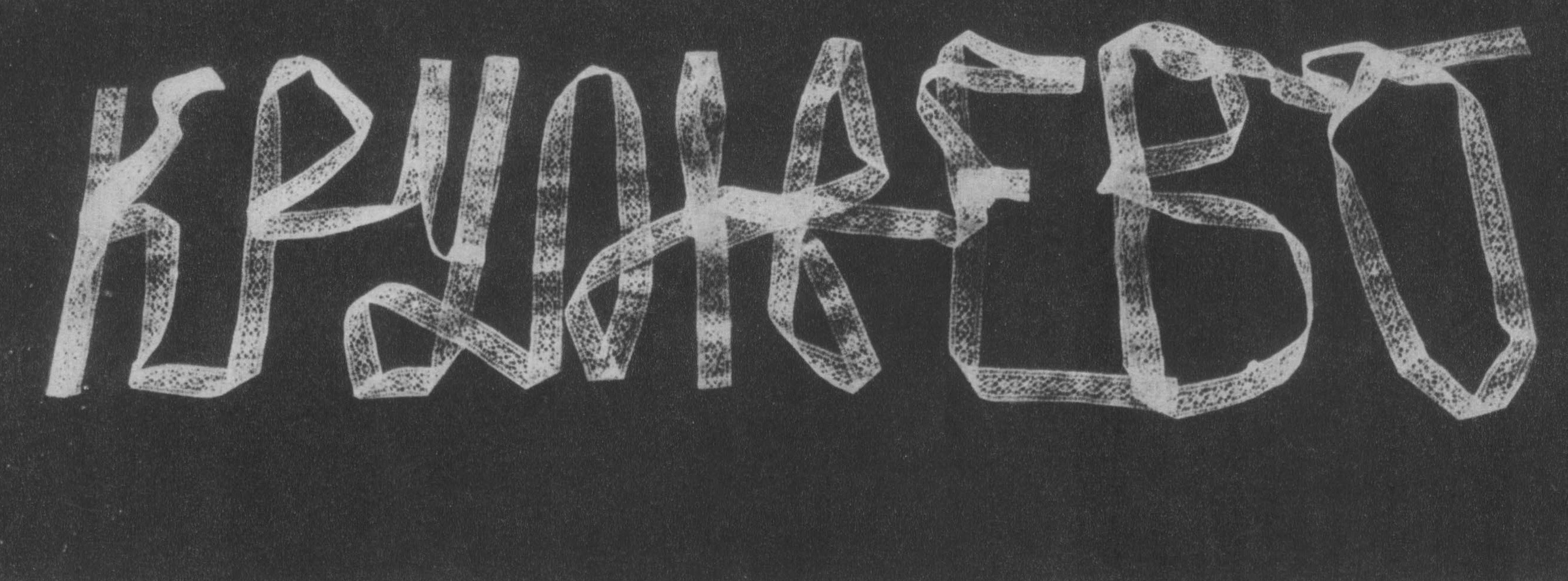

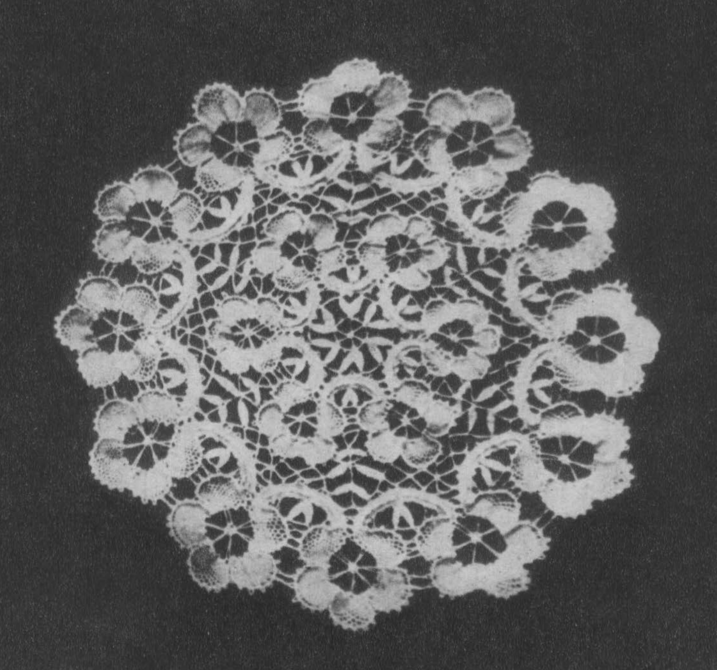
Фото А. Шишкина

Звенят коклюшки, быстро мелькают пальцы, перебирая их, десятки нитей переплетаются между собой, и на подушке постепенно вырастает тонкий, причудливый узор.

Елецкие кружевные изделия отличаются особой легкостью, воздушностью и четкостью рисунка. Союз елецких кружевниц организован в 1921 году и сейчас насчитывает 10 тысяч членов. Над созданием новых рисунков работают не только художники-специалисты, но и опытные кружевницы, члены артелей.

На юбилейную выставку в честь 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции кружевницы представили 65 образцов новых рисунков кружев и разных изделий: покрывала, накидки, салфетки, занавески и другие.

На снимке: молодая кружевница Нина Александрова за работой.

Кружевница Наталья Семеновна Чернышева из колхоза «Памяти 9 января».

ЕСТЬ В МОСКВЕ КОМИТЕТ

А. АГРАНОВСКИЙ

Это было ровно двадцать лет назад, в зиму 1927 года. Как сейчас помню бескрайнюю барнаульскую степь, пургу, вой волков и спасительный огонек в ночи, к которому мы тотчас устремились. Так я попал в коммуну «Майское утро».

Пока старик-сторож, в избе которого я очутился, стягивал с меня заиндевевшую шубу, его внучка Глафира, девочка лет тринадцати, хлопотала у самовара, не выпуская из рук книжки. Я спросил у Глафиры, что это за книжка. Она ответила:

— Генрих Гейне.

А старик улыбнулся и сказал:

— Поживи, милый, погости у нас. Мы всех писателей мира знаем...

Оказывается, привил жителям далекой сибирской деревушки страсть к книге местный сельский учитель. Десять лет под ряд, изо дня в день, в долгие зимние вечера коммунары собирались в просторной избе, на столах расстилали шубы, на которых укладывали детей, и при свете коптилки учитель приобщал их к великим таинствам русской и мировой культуры...

Так рассказал дед.

Отказавшись от чая, я тотчас кинулся в клуб и попал туда как раз в момент, когда обсуждалась книга одного сибирского писателя, не помню уже, какого. Выступал средних лет коммунар с большими светлыми усами и говорил:

— Нет, не то, не то... Это не «Крейцерова соната».

Знакомство с населением сибирской деревушки взволновало тогда меня несказанно. Молодой еще журналист, я впервые увидел, самым сердцем ощутил, какую огромную, буквально титаническую силу представляет сельский интеллигент, если он действительно настоящий советский интеллигент, в полном значении этого слова. И сколько после этого на протяжении двух десятилетий встречал я в деревнях таких же скромных, незаметных и в то же время героических тружеников культуры, носителей и продолжателей лучших традиций передовых просветителей России!

И еще одно глубоко взволновало тогда: эта тяга русского крестьянина к свету. Жили люди нище и темно, попросту, фамилии не умели подписать, но пришел человек с сердцем большевика, искусными пальцами коснулся живых струн — и какой аккорд зазвучал!

И должно было так случиться, что через несколько дней я попал в другую деревню, верст за триста или пятьсот от «Майского утра», и узнал я там вот что. Один крестьянин купил сорок пар сапог, все одного фасона и все одного номера. Урожай вырос отменный, и, продав часть излишков хлеба, крестьянин решил приобрести побольше обуви... Я пошел к нему в гости и увидел буквально вот что: ни одной наволочки в хибарке, ни одной простыни, даже полотенца; четверо детей спят в единственной кровати, если только можно назвать кроватью это подобие ящика, и при всем том — истинно счастливый хозяин дома, гордящийся своим достатком. Вот, мол, мои амбары с хлебом, его хватит на пять лет вперед, вот мои сапоги, купленные впрок...

Сколько лет предполагал он прожить с таким запасом обуви? Крестьянин не понял даже иронии, а, сняв с веревки, висевшей под потолком, одну из сорока пар, стал демонстрировать ее железные качества: за три года не сносить такую подошву... «Ну, дай вам бог прожить еще сто двадцать лет», — осталось пожелать ему.

А затем мы всю ночь сидели с деревенскими коммунистами, старыми сибирскими партизанами, и обсуждали: что же это такое? Неужели коммунисты не обязаны вмешаться и подсказать людям, как им лучше и красивее жить? Разве владелец сорока пар сапог сам не рад был бы украсить свой быт, если бы он знал, как это сделать и что надо для этого? Извечный батрак, всю жизнь гнувший спину на кулаков, он до старости не сумел заработать даже на сапоги. Советская власть дала ему и землю и богатство, но она должна раскрыть перед ним и новые мечты. Ведь мир так красив и чудесен, он весь твой, завоевывай только его! А когда я рассказал моим собеседникам о коммуне «Майское утро», меня заставили несколько раз повторить рассказ, так он тронул всех. Оказывается, я задел живые струны этих людей, готовых в любой момент умереть за советскую власть, за новую, светлую жизнь, но не умудренных еще опытом, как практически строить эту новую жизнь.

Незабываемые встречи! Сегодня—далекая история, давно прошедшее прошлое, но как дорого все это вспомнить! Так росла и крепла наша Советская страна, вступившая уже в четвертый десяток, так поднимался наш народ. Но не ради воспоминаний о прошлом решил я вернуться к сибирским встречам. Более острые и злободневные вопросы заставили взять перо.

Недавно я был в казачьей деревушке Косовской, Сталинградской области. Здесь разместился колхоз имени Кагановича, который, как и десяток окружающих его колхозов Ново-Анненского района, достиг в культуре земледелия вершин мечты колхозника. Сюда надо бы направлять экскурсии колхозников, здесь надо бы открыть сельскохозяйственную школу, чтобы тысячи других крестьян своими глазами увидели, каких чудес можно добиться при разумном земледелии. Колхоз поборол засуху, поборол навсегда, навечно — что еще можно добавить к этому?! Но в деревне Косовской, преградившей путь извечному огненному суховею, нет бани. Да, нет бани! и нет библиотеки. И нет гармошки. И нет керосина в избе-читальне.

Как могло случиться это?

Некультурные люди живут в деревне Косовской? Но кто решится даже подумать так? Уже одно то, что косовские колхозники, переделав степь, заглянули вперед на десятки и десятки лет, положили свой труд на благо будущих поколений, в века заглянули, не есть ли выражение самой высокой сознательности?!

Жалким клеветником был бы тот, кто сказал бы, что косовские колхозники не имеют клуба, или радио, или книг только потому, что они сами не хотят иметь всего этого.

В той же деревне Косовской я присутствовал в школе на родительском собрании и сам слышал, как старая колхозница-казачка, мать-героиня, заверяла учительницу и всех присутствующих, что ее Лида не будет больше получать тройки за сочинения, она уже «сама» проследит за этим... Из местной средней школы, которой до советской власти и в помине не было, уехали в прошлом году учиться в высшие учебные заведения Москвы, Ленинграда и Сталинграда тринадцать детей колхозников. Культура это или нет?

Так в чем же дело, почему замерла здесь культурно-просветительная работа? Это надо знать, на это должны дать ясный ответ те, кто несет ответственность за образовавшийся разрыв между недопустимо низкой бытовой культурой косовцев и достигнутой ими высокой культурой земледелия.

Может быть, плохо с денежными средствами, не дошли еще руки до гармошек и прочего такого, и надо было решать более острые задачи? Но косовский колхоз — миллионер, это подтвердят вам в самом Сталинградском обкоме партии. А сухая батарея к молчащему радиоприемнику стоит всего 250 рублей...

Могла быть еще объективная причина: недавняя война. Но деревня Косовская не понесла бо́льших жертв, чем тысячи и тысячи других деревень. Косовская не была под немецкой оккупацией, а я видел на Украине, в Черкасском районе, колхоз «Червонный партизан», который три года стонал под пятой гитлеровских бандитов, перенес невероятные лишения и за один год после войны построил электрическую станцию, электрическую мельницу, станцию искусственного орошения, радиостанцию, открыл собственный кинотеатр. А заведующий косовской избой-читальней не может добиться, чтобы всегда была бутыль керосина, ее надо клянчить...

И вот «простой» казак-старик, с которым я разговорился по всем этим вопросам, сказал:

— Вы хотите знать, почему так? Скажу, только не сердитесь... Потому, что у нас, в Ново-Анненском районе, за севооборот спрашивают. И записывают. Даже с работы могут снять плохого руководителя сельсовета или колхоза. А за радио или за гармошку еще никому в райкоме и пальцем не пригрозили.

Это была правда. Но слышать её из уст старика с сивой бородой было очень неловко...

На этом следовало бы поставить точку, что еще говорить? Но тут меня охватили иные мысли.

Есть в Москве, на Софийской набережной, Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР—организация с почти миллиардным бюджетом. Захотелось выяснить, что знают здесь о деревне Косовской.

Деревень в стране десятки тысяч, как может Комитет знать их все? Но Косовская — не обычная деревня, и Ново-Анненский район — не обычный район. Опорный, ведущий по культуре земледелия, он легче многих других мог бы стать примерным во всех остальных областях культуры. Комитет должен был бы сюда прежде всего устремить свое внимание. Но, порывшись в материалах Комитета, я не нашел даже слова «Косовская», не нашел я ничего и обо всем Ново-Анненском районе.

Из тщедушной сталинградской папки, которая была мне представлена, я узнал, что десятки изб-читален и домов культуры области закрыты на замок, или заняты под другие службы, или не отремонтированы; неблагополучно с руководящими работниками культурно-просветительных учреждений: либо их используют не по назначению — они круглый год «сидят на кампаниях» — либо их подбирают на работу без достаточной проверки. Директор Котельниковского дома культуры по вечерам играет в пивной на баяне...

И при всем этом заведующий областным отделом культурно-просветительных учреждений сообщает в очередной докладной записке, что «нет сомнения в том, что в итоге смотра мы будем иметь в абсолютном большинстве, что культурно-просветительные учреждения области будут готовы во всеоружии встретить и отметить...»

Болтовня! И болтовне этой верят в Комитете.

Один сельский учитель, если он на месте, если он любит свое дело, поднимает целую деревню на недосягаемую высоту культуры. Старики-крестьяне знают Толстого, Горького, Пришвина, Гейне, Ибсена и многое другое из отечественной и мировой классической литературы. А тут целый Комитет в четырехэтажном здании! Специальный аппарат. Огромный бюджет. И — нельзя заставить ново-анненских руководителей обеспечить избу-читальню бутылью керосина!

Мы единственная страна, которая показала всему миру чудеса культурного роста. У нас достаточно подать пример, оказать минимальную помощь, сказать первое слово — и сам народ подхватит твою инициативу. И никто не давал права кому бы то ни было игнорировать такие острые вопросы, как просвещение села!

Рафаэль Ф. МУНЬОС

Рисунки Бор. Ефимова

НАПАДЕНИЕ НА ПОЕЗД

Рафаэль Ф. Муньос (родился в 1899 году) — один из наиболее даровитых писателей современной Мексики, автор ряда произведений, посвященных длительной, по существу до сих пор еще не завершенной борьбе народа этой страны за свободу и независимость («Франсиско-Вилья», 1923 год, «Неукротимый вожак», 1928 год, «Мы с Панчо Вилья», 1932 год, «Санта-Ана», 1936 год, и др.).

Из всех латино-американских стран Мексика раньше других на собственном опыте узнала, что несет с собой агрессия янки слабым народам. Эпизод, изображенный в рассказе Рафаэля Ф. Муньоса, говорит сам за себя и отнюдь не является «прошлым» в прямом смысле этого слова, особенно если учесть, что свою «мексиканскую» практику американский империализм пытается ныне распространить на все континенты.

Стальные параллели путей сходятся вдали подобно многокилометровой стреле, пущенной в невидимую цель на горизонте. По равнине, заросшей мелким кустарником, сквозь зеленеющие, в легкой ряби, посевы маиса, над речками, шумящими внизу под охраной прибрежных тополей и дикой груши, мимо каменных потоков, в глубине которых еще не остыла вековая лава,— мчится и мчится вперед пассажирский поезд.

Столбы телеграфа отскакивают один за другим назад, и каждый при этом словно ударяет по белым облакам, лениво громоздящимся в небе подобно стаду овец, бредущему на водопой. От беспрерывного мелькания дорожных знаков рябит в глазах у сонных, разомлевших от летнего зноя пассажиров, которые выставляют головы из окон вагонов наружу в поисках спасительной прохлады.

В самом хвосте поезда следует спальный вагон. Человек десять— пятнадцать пассажиров, в большинстве своем иностранцы и туристы, развлекаются здесь, спасаясь от скуки трехдневного переезда по однообразно-плоским, вечно безмолвным и пустынным просторам. Компания разбилась на отдельные группки, и каждая убивает время на свой манер: одни просто болтают, другие играют в карты, третьи заняты чтением авантюрных романов либо перелистывают журнальчики, заполненные всевозможным враньем об интимной жизни киноартистов. Негры-лакеи снуют взад и вперед с бутылками замороженного имбирного пива.

Поезд резко замедляет ход. Пассажиры начинают рыться в своих справочниках, предполагая, что сейчас будет станция.

Американка в белых буклях, в прозрачном оранжевом платье и легкой вязаной кофточке цвета «зеленый какаду», спрашивает у своей соседки, полной низенькой мексиканки в черном, с томным взором и лениво-равнодушными движениями:

— Узнавать вы, какой мэксикн замечательности продавать здесь?

Мексиканка в черном:

— Ох, сеньора! Ведь я уж вам говорила: не найдете вы тут ничего интересного, кроме как завтра... Прехорошенькие вышивки в Агуаскальентес...

Тучный, потеющий, как в бане, пассажир сбросил уже куртку, жилет, отделался от галстука, от воротника рубашки, ежеминутно звонит, требуя имбирного пива, и каждый раз приговаривает:

— Ну, и жара, сеньора! Я спрашиваю: когда кончится эта жара, сеньора?

Поезд остановился совсем. Пассажиры выглядывают из окон и с удивлением замечают, что находятся в совершенно безлюдной местности. Станции никакой не видать. Кругом одни посевы маиса, и лишь вдали несколько белых домиков, разбросанных по косогору, свидетельствуют о том, что эти края обитаемы. Как будто нет причин задерживаться здесь дольше, и, тем не менее, поезд еще минут пять не двигается с места. Кондукторская бригада в полном составе устремилась в сторону паровоза, а за нею — и многие пассажиры, вышедшие из вагонов, чтобы поразмяться. Наконец поезд медленно-медленно трогается.

В одном из отделений спального вагона четыре пассажира, сбросив пиджаки и жилеты, играют в карты, беспрерывно дымя при этом своими трубками и потягивая имбирное пиво. Они настолько поглощены этим занятием, что не заметили даже остановки поезда и, как мы увидим, пребудут в полном неведении относительно того, что произойдет в дальнейшем.

В вагон вдруг поспешно входит кондуктор. Он отирает со лба крупные капли пота.

Кондуктор: — Сеньоры, покорнейше прошу сохранять спокойствие и не волноваться!.. Ничего не случилось, решительно ничего не случилось!..

Само собой разумеется, что, за исключением четырех игроков, которые даже не слышали, что сказал кондуктор, все пассажиры первым делом теряют спокойствие и начинают волноваться.

Пассажиры (хором): — Что случилось?

— Боже мой!

— Мы сошли с рельсов?

— Oh! Mighty Lord!

— Что случилось?.. Что случилось?..

Кондуктор (продолжая обливаться потом): — Не волнуйтесь, сеньоры, прошу вас!.. Пока что ничего не случилось... Все в порядке... Но в любой момент, так сказать, неминуема, или, лучше сказать, существует опасность...

Пассажиры (за исключением четырех игроков), нервничая: — Да говорите, что случилось!.. Не тяните!..

Кондуктор: — Сеньоры, на линии обнаружены следы присутствия мятежников... Кто-то пытался снять рельсы с пути. Мы думаем, что поезд с минуты на минуту должен подвергнуться нападению...

Американка в белых буклях: — О! Мэксикн бáндит! Это отчн интрэсно...

Низенькая толстушка в черном: — Ай!.. Ай!..

Один из игроков: — Меня не испугаешь... Прикупаю...

Кондуктор удаляется. Пассажиры на все лады обсуждают грозное сообщение. Франтоватого вида субъект в баках стрелками до самого рта жеманно и кокетливо улыбается двум юным американским особам в круглых роговых очках.

Франтоватый субъект: — Вы ничего не должны бояться, мисс, и вы, мисс!.. Разрешите представиться: Тим Сикс, знаменитый киноартист из Голливуда... Эта история с нападениями напоминает мне фильм, который я делал с участием Жанны Кроуфорд: бунтующая деревенщина гонится за нею, но как раз в минуту наибольшей опасности я поспеваю на выручку и...

Средних лет господин, путешествующий в сопровождении сына, малолетнего, но докучливого чада: — Вот и нападение на поезд, сын мой... Горстка вандалов бросает вызов цивилизации...

Докучливое чадо: — Па-апа, закажи пи-ива... Я пи-ить хочу-у!

Американские особы в круглых роговых очках в полном восторге от знаменитого голливудского Сикса и его рассказов: — О! О! Уондафул!.. Уондафул!..

Американка в белых буклях (извлекая из чемодана фотоаппарат): — Я буду снять э портрэт с мэксикн бáндит..

Киноактер тоже лезет в саквояж и, достав оттуда пару никелированных, с перламутровой отделкой пистолетов, длиной не меньше фута каждый, принимается весьма ловко ими жонглировать: заставляет их быстро вращаться вокруг своих указательных пальцев, скрестивши руки, прицеливается из них через плечо назад, подбрасывает к потолку, после чего, перевернувшись дважды на лету, оба они в один и тот же момент возвращаются к нему в руки...

Кинознаменитость: — Это напоминает мне картину, которую я делал с участием Дугласа Фербэнкса... Враги окружили его со всех сторон, но в самую опасную минуту я поспеваю на выручку и...

Докучливое чадо: — Па-па, пусть мне дадут один пи-истоле-ет...

Первый игрок: — А что в них толку!.. То ли дело моя парочка тузов!..

Папаша докучливого чада (озабоченным тоном): — Цивилизацию попирают ногами...

Внимание актера привлекает маленький, белый, как лунь, старичок с приветливым выражением морщинистого лица.

Киноактер (довольный собой и своим номером с пистолетами): — А ваше мнение, сэр?.. Что вы скажете о Тиме Сиксе, сэр?..

Приветливый старичок (с неподдельным интересом): — Вы говорите о новой марке автомобилей, сэр?..

Выясняется, что старичок — солидный биржевик с обширным кругом деятельности. В романах, основанных на вымысле, солидный биржевик неизменно толст и высокомерен, поперек живота у него массивная золотая цепь от часов, а пальцы рук унизаны перстнями с огромными бриллиантами. Вот вам и доказательство того, что этот рассказ — не вымысел: на биржевике никаких драгоценностей, а сам он тощ и учтив.

К актеру подходит женщина лет тридцати на вид. Костюм покроя «тайёр», сорочка с воротником, манжеты, галстук, короткие волосы, гладкая прическа, прямой пробор придают ей сходство с мужчиной. У нее суровый, мужественный взгляд, и она говорит актеру:

— В случае нападения вы передадите мне один из своих пистолетов. Я превосходная охотница. Я убивала тигров в Бенгалии и львов в Южной Америке. У меня так: попала глазом — попала пулей. Мой отец был знаменитым охотником и служил егерем у Теодора Рузвельта. Его воспитала родная мать, и, еще будучи ребенком, он прославился как стрелок, не знающий промаха...

Второй игрок: — Мимо...

Третий игрок: — Мы тоже мимо...

Киноактер: — Это напоминает мне фильм, который я делал с участием Кэрмэл Майерс... Она заблудилась в тропическом лесу среди львов и тигров... Проводники-туземцы, завидев хищников, разбежались... Она взывает о помощи... И тут-то, в самую опасную минуту, я прихожу на выручку и...

Толстый пассажир (обливаясь потом): — Негр, негр, еще бутылку имбирного...

Приветливый биржевик (охотнице): — Скажите: шкуры вы уже продали?

Охотница: — Нет, сэр. Я занимаюсь охотой не для коммерции. Я обожаю опасность и испытываю наслаждение от вида и запаха свежепролитой крови...

Папаша докучливого чада: — Цивилизацию оскорбляют...

Американская девица в очках: — А вам не случалось охотиться на диноплезиогипоцентавра?..

Знаменитая охотница (с презрительным жестом): — Ах, душечка, этих тварей ловят просто сачком, как бабочек...

Чадо: — Па-апа, я хочу ба-абочку...

Четвертый игрок: — Хорошо уж, что больше не водят нас за нос...

В ту же минуту раздается пронзительный вопль тормозов, и весь состав неподвижно замирает на месте. Находившиеся на ногах пассажиры в полном смятении чувств валятся на свои кресла и диваны. Игроки подбирают попадавшие со столика фишки и, стасовав карты, продолжают играть.

У входа в вагон появляется безусый и безбородый великан в белой войлочной шляпе с огромной тульей и такими же полями. На груди у него сходятся крест-накрест два патронташа, но ружья не видать, и лишь у правого бедра покачивается и словно дремлет в своей кобуре гигантских размеров пистолет. Гостя никто не сопровождает.

Первый игрок: — Ну, хоть бы двоечка была... Вот незадача!..

Злоумышленник: — У кого из вас есть оружие?

Второй игрок: — У меня пики...

Киноактер бледен, как полотно. Окаменев от страха, он еле-еле в состоянии глазами показать злоумышленнику на свои никелированные пистолеты, валяющиеся рядом на диване. Светило экрана оледенело, онемело, позабыло обо всех фильмах, в которых оно с львиной отвагой бросалось навстречу самым ужасным опасностям.

Девицы в круглых очках (с восхищением взирая на стройного, широкоплечего, бронзоволицего злоумышленника): — О!.. О!.. Уондафул!.. Уондафул!..

Третий игрок: — Слово имеют две дамы...

Злоумышленник, повертев в руках актерские пистолеты, пренебрежительным жестом бросает их обратно на диван: — Хлам!..

Четвертый игрок: — А у меня мусор... Все карты разные...

Гроза бенгальских тигров и южноафриканских львов, знаменитая охотница, падает в обморок. Дамы спешат к ней на помощь.

Американка в белых буклях: — Моя дорогая душоночка!.. Вы находится перед потерянием очн-очн интрэсный театр...

Толстушка-мексиканка: — Ай!.. Ай!.. Ай!..

Тучный пассажир: — Негр! Еще бутылку имбирного!

Папаша чада: — Цивилизации плюют в лицо...

Биржевик (вполголоса злоумышленнику): — Скажите: какая фирма поставляет вам патроны?..

Чадо: — Па-апа, я хо-очу па-атрон...

Направляясь уже к выходу, злоумышленник достает из своих запасов патрон, протягивает его ребенку и исчезает. Поезд трогается дальше. Пассажиры хлопочут вокруг бесчувственного тела великой охотницы, любящей кровь и опасность. Киногерой из Голливуда пытается расстегнуть у нее на груди сорочку, но дамы удерживают его.

Киноактер: — Не вижу тут ничего особенного, сударыни. Это напоминает мне фильм, который я делал с участием Глории Свенсон... Два негодяя пытаются ее обесчестить, но в последнюю минуту являюсь я сам и...

Чадо занято своим патроном.

Примерно через полчаса поезд задерживается еще на одно мгновение, и в проходе пульмановского вагона появляется некто в бриджах и клетчатых чулках до колен, в куртке полувоенного покроя и дорожной круглой шапочке, с фотокамерой на ремне через плечо, с записной книжкой и карандашом в руках.

Некто в бриджах: — Господа, я корреспондент «ГАДА». Все вы знаете, что это такое: «Great American Dailies'Association», или, более распространенно: «Газеты Американского Духа и Направления»... Слозом, я представляю мощный организм, объединяющий десять тысяч ежедневных газет и сто сорок два журнала. Соблаговолите подробнейшим образом описать мне все ужасы, которые творились тут во время нападения.

Юные американские особы в очках: — Уондафул!.. Уондафул!..

Корреспондент присаживается и пишет:

«Передо мною несчастные жертвы этого зверского покушения. На лицах у них застыл испуг, волосы на голове все еще стоят дыбом, и сами они не в силах еще произнести пару слов, чтобы излить в них свой ужас и возмущение».

Старичок-биржевик: — Этому журналисту хорошо заплатят...

Четвертый игрок: — Одну фишечку...

Толстяк: — Бутылку имбирного!..

Корреспондент: — Вот что, господа... Вы, кажется, не вникли в смысл того факта, что я представляю здесь «ГАДА»: десять тысяч газет и сто сорок два журнала... Будьте добры изложить мне по порядку, что вы перенесли во время нападения...

Папаша докучливого чада: — Сеньор, цивилизации плюнули в лицо...

Американка в белых буклях, мексиканка в черном, знаменитая охотница и американские девицы в очках (хором): — Это случилось...

— Видите ли, сэр...

— Напишите, что несколько тигров и львов...

— Уондафул!.. Уондафул!..

Корреспондент: — Минуточку, сударыни, сделайте одолжение, не все сразу...

Я буду задавать вам вопросы. (К одной из американских девиц): — Как выглядели злоумышленники?..

Первая девица: — О-о!.. Уондафул... Высокий, красавец!

Корреспондент пишет:

«С бешеным ревом и завываниями в вагоны мутным потоком хлынули какие-то существа пещерного вида. Они были вооружены с ног до головы: по пистолету в каждой руке, в зубах ножи... Нечесаные, косматые гривы, налитые кровью глаза, всклокоченные длинные бороды — все делало их похожими на диких и хищных зверей...»

Киноактер: — Он хотел отнять у меня пистолеты, но я категорически отказался отдать их, ибо они участвовали в фильме, который я делал вместе с Фредом Томпсоном... Там я тоже приходил на выручку в самую опасную минуту и...

Корреспондент пишет:

«Ничто не могло насытить этих алчных субъектов, или, вернее сказать, скотов. Своими огромными ножами они потрошили багаж пассажиров и, обнаружив дамские вещи, колд-кремы, книги, семейные реликвии, тут же через разбитые окна вышвыривали все это из вагонов. Они искали золота и драгоценных камней и срывали их у дам, которые их носили».

Четвертый игрок, в раздумье: — Мои дамы мне, кажется, ничего не принесут...

Охотница, вполне уже оправившись: — Можете добавить, что я убивала тигров в Бенгалии и львов в Южной Африке...

Корреспондент пишет:

«Робкие женские натуры...»

Докучливое чадо: — А мне он дал пу-улю...

Как водится, корреспондент-янки плохо понимает испанскую речь:

— Что? Он дал по тебе выстрел?! Где?..

Чадо: — Вон там... рядом с «для курящих».

Корреспондент пишет:

«Несчастное дитя едва успело насладиться своим первым пуро (гаванская сигара. — Примечание переводчика)...»

Папаша: — Цивилизация подверглась унижению...

Охотница: — Мой отец служил в Африке егерем у Теодора Рузвельта...

Корреспондент пишет:

«Эти бедные люди все еще находятся во власти пережитого ими кошмара. Я очень опасаюсь, что многие из них так потрясены этим покушением на ее величество цивилизацию, о котором мир впервые узнает из моего отчета, что могут навсегда утратить и те жалкие крохи рассудка, какие у них еще остались...»

Второй игрок: — У меня уже ничего не осталось... Не откажите в любезности ссудить мне парочку песо...

Приветливый старичок-биржевик (на ухо корреспонденту доверительным тоном): — Как вы думаете: хотя бы на два пункта мексиканские ценности упадут в связи с вашим сообщением?..

Второй игрок: — Два... И еще двадцать...

Толстяк (продолжая потеть): — Негр! Бутылку имбирного...

Неожиданно одна из американских девиц обнаруживает нечто новое в окружающем мире. Из глубины пространства, страшно высоко над холмами, вокруг которых кружит поезд, встает, блистая на солнце, гигантский светлосеребряный конус. Облачная пелена, плывущая над грядой, закутывает еще грудь и плечи великану, но вершина его открыта и парит на недосягаемой высоте во всем своем царственном величии.

Первая американская девица: — Дзе влкейну!.. Дзе влкейну!..

Вторая девица: — Уондафул!.. Уондафул!..

Все общество, за исключением корреспондента и четырех игроков, устремляется к окнам взглянуть на вулкан.

Старичок-биржевик: — Тут надо бы построить фуникулер.

Папаша чада: — Это было бы кощунством в отношении природы...

Охотница: — Тут, верно, водятся и гризли и оцелоты...

Толстяк: — Негр! Бутылку имбирного, самого холодного...

Американка в белых буклях (к толстушке в черном платье): — Откуда можно покупать одну фото с влкейна?

Папаша: — Перед нами, сын мой, вечные снега...

Чадо: — Па-апа, я хочу вечного сне-ега-а...

Киноактер: — Этот вулкан напоминает мне фильм, который я делал с участием Льюиса Стоуна и Бэсси Лав... Мы находились в Бразилии, в девственной сельве... Вдруг начинается извержение вулкана... Я подоспел уже в самую последнюю минуту и...

Корреспондент, которым никто больше не интересуется, пишет:

«Само собой разумеется, что никто из этих людей, подвергшихся столь бесчеловечному обращению, до конца дней своих не сможет забыть хотя бы одну какую-нибудь подробность кошмарного дела, о котором весь мир впервые узнает только из моего сообщения».

Перевод с испанского М. ГЕЛЬФАНД.

Как они достигли высоких

Тщательно принимать и сдавать смену

Анна ЛУШНИКОВА,
ткачиха комбината «Красная Роза»

Я хочу рассказать, как работала в 1947 году и как думаю работать в 1948 году.

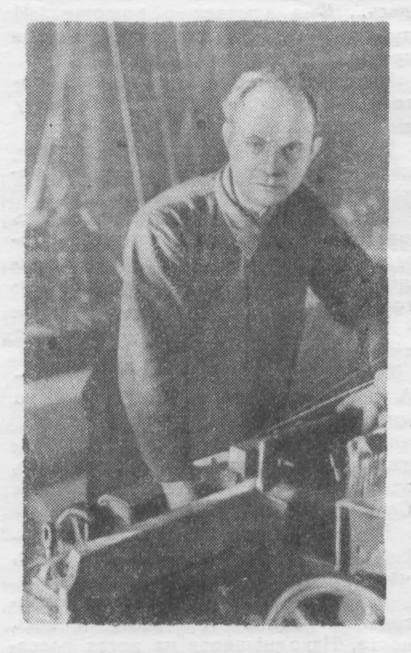
В начале прошлого года я включилась в социалистическое соревнование и взяла обязательство — выполнить годовой план к 20 сентября. Это обязательство — очень серьезное, и, чтобы выполнить его, нужно было учитывать каждую минуту, каждую секунду, правильно организовать свой труд.

У нас в текстильной промышленности огромную роль играют приемка и сдача смен. Я принимаю свой станок от сменщицы, тщательно проверяя упоры, челноки. Я знаю, где нужно быстро менять мотор или челнок, чтобы ускорить операцию, и это дает мне возможность перевыполнять ежедневную и ежемесячную норму выработки. Те операции, которые проходят через мои руки, я осваиваю очень быстро и сокращаю время на их исполнение. Например на смену челнока положено 5 секунд, а я его меняю за 3 секунды. Оборванную нить нужно связать за 48 секунд, а я связываю в 27 секунд. Все это и способствовало тому, что годовой план я выполнила не к 20, а к 1 сентября.

К концу 1947 года я дала сверх плана 9 тысяч метров ткани. В 1948 году обязуюсь выполнить годовой план к 20 августа. Пятилетку выполню в 3,5 года.

Никаких секретов

Ефим ХАРИТОНОВ,
помощник мастера ткацко-платовского цеха Измайловской прядильно-ткацкой фабрики

Нет таких норм, которые бы не опрокинул стахановский труд. Среди работников ткацкого производства жило твердое убеждение, что помощник мастера не может обслуживать больше 50—60 станков. Это убеждение подкреплялось так называемыми научно обоснованными нормами, или, как у нас принято выражаться, типовым уплотнением.

Но если не преклоняться перед этими нормами, как перед святынями, то, оказывается, многие из них можно и даже необходимо пересмотреть. Говорю я это, основываясь на своем опыте.

После войны в нашем ткацко-платовском цехе нехватало помощников мастеров. А программа росла. Как быть? Я и мой сменщик, помощник мастера Сидоров, прикинули, на чем бы сэкономить время. Подсчитали и решили взять на себя по 2 комплекта станков. Некоторым это новшество показалось фантазией.

«Не управитесь, — говорили нам, — запустите оборудование, станки загоните».

Но руководство фабрики нас поддержало. И вот уже 15 месяцев, как я и Сидоров взяли по 2 комплекта и работаем на 112 станках каждый. Такого уплотнения нет ни на одной фабрике страны.

Нас часто спрашивают, как мы этого достигли. Никаких секретов, никаких технических новшеств мы не вводили. Мы просто рационализировали и четко организовали свой труд и научили ткачих правильным, стахановским приемам работы.

Первый долг помощника мастера — смотреть за станками, нала-

живать их, следить за бесперебойной работой. Он словно врач среди больных. Станок стал — он должен быстро распознать причины простоя. Для этого надо до конца освоить технику.

В нашей работе прежде всего требуются быстрота, сообразительность и смекалка. Если с челноком неладно, — заменить челнок; если обрывается нить, — найти причину, устранить ее; деталь сносилась — поставить новую. Особое внимание мы уделяем хорошей наладке станков, регулярному осмотру их, профилактике. Я настолько изучил каждый станок, что знаю, где, когда и какую деталь необходимо исправить или заменить. И, чтобы не было длительных простоев, у меня и у Сидорова всегда есть в запасе под рукой все ходовые детали.

Мне скажут:

— У тебя, Харитонов, высококвалифицированные ткачихи-стахановки, ясно, что у них разладок меньше, потому и управляешься.

Но это не совсем так. Мои ткачихи лишь полтора года назад приехали из колхозов Воронежской области и тогда впервые увидели ткацкие машины. Когда они из ФЗО пришли в цех, то еле управлялись с работой на 4—6 станках. А теперь каждая работает на 10. Все они стахановки и еще какие! Татьяна Сотникова уже в сентябре перевыполнила годовую норму. Смотрова и Дент не отстают от нее. Они втроем выткали за год 130 тысяч метров ткани сверх нормы.

Когда я начал работать на 112 станках, у меня было 22 начинающих ткачихи, а теперь осталось только 12. По мере того как повышалась их квалификация, часть высвобождалась и шла на другие комплекты.

Этих начинающих ткачих мне самому пришлось учить скоростным, стахановским методам труда. Я показывал им, как быстрее менять челноки, как скорее ликвидировать обрывы нитей. Я учил их соблюдать маршрут при движении от станка к станку. Без строгого соблюдения порядка запуска станков и маршрута трудно уследить за работой.

Труд мой пошел на пользу и государству и молодым работницам. Эти девушки управляются с десятью станками нисколько не хуже, а часто даже лучше многих старых ткачих и теперь зарабатывают от семисот до тысячи рублей в месяц.

Наш опыт показывает: при желании можно быстро подготовить недостающие кадры квалифицированных рабочих. Для этого необходимо, чтобы помощник мастера был не только техническим наладчиком машин, но и организатором стахановского труда на своем участке.

Мне не раз приходилось слышать такие слова: на 112 станках работать можно только при выпуске марли, а на выделке миткали, мол, это не выйдет. Неверно. Если мне руководство фабрики предоставит возможность, я берусь доказать, что и на выпуске миткали можно работать с таким же высоким уплотнением.

Борьба за минуты

Александр ЧУТКИХ,
помощник ткацкого мастера Краснохолмского камвольного комбината

Это было на следующий день после празднования 29-й годовщины Великой Октябрьской революции. Меня пригласили на совещание в дирекцию. Обсуждался вопрос об уплотненном обслуживании станков.

— Товарищ Чутких, — обратился ко мне директор, — надо цех пустить, наладить 34 ткацких станка. Сколько времени на это потребуется?

Я призадумался. Стал про себя подсчитывать.

— А сколько обычно положено на такую работу? — спрашиваю сидящего рядом инженера.

— Четыре месяца...

— Два месяца, товарищ директор, — сказал я, а самого, признаться, в жар бросило: ведь это не шутка — наладить 34 станка!

Приступаю к работе. Хочу, чтобы без простоев цех начал выпускать продукцию. Кончается ноябрь, подсчитываем: план выполнили на 98%. Хотя и поздравляли меня товарищи, что удалось быстро наладить станки, но, помню, домой я пришел в этот вечер расстроенный. Долго не мог успокоиться. Два недостающих процента задели меня за живое. Почему 98%? Подсчитываем итог за декабрь: результат более радостный — 102%. Теперь уже отставать не к лицу. Ставлю себе задачей найти новые резервы. Из газет узнаю о замечательном почине Матросова на обувной фабрике «Парижская коммуна».

А разве нам, текстильщикам, нельзя этот метод применить? Пробую и доказываю на практике, что применить опыт Матросова можно. Январь дает уже 122% выполнения плана. Учитываю каждую минуту своего рабочего времени. Ведь от моей работы, помощника ткацкого мастера, зависит успех всей бригады. В феврале план выполнен на 129%!

1 октября мы завершили годовую программу.

А как же дальше? Неужели на этом успокоимся?

Приближался знаменательный праздник — 30-я годовщина Октября. Я решил по-рабочему, по-стахановски отметить праздник — дать еще 4 тысячи метров ткани. Что долго рассказывать! Свои обязательства выполнил, а в декабре перед выборами повторил их.

День выборов для меня был двойным праздником: я был не только избирателем, но и сам баллотировался в депутаты Московского Совета. Беспартийный помощник ткацкого мастера Александр Степанович Чутких стал депутатом столичного Совета и с первых дней не подвел своих избирателей.

«А как же с дополнительным обязательством?» — спросите вы меня.

Не стыдно об этом рассказать: сверх годовой программы наша бригада дала 44 тысячи метров шерстяных тканей.

Откуда могли появиться при уплотненной работе эти дополнительные 44 тысячи метров ткани? Прежде всего я, наладчик, переходя с 24 на 34 станка, сделал для себя вывод: значительную часть времени надо находиться возле станков. Нужно, во-первых, учить людей, помогать им осваивать новые, повышенные нормы, а, во-вторых, следить, чтобы станки работали, как хороший часовой механизм. С самого начала я организовал свое рабочее место. Попросту, у меня появился небольшой шкаф, если хотите, собственной конструкции. В шкафу полный набор инструмента и запасных деталей. Чего достиг я этим, казалось бы, очень простым мероприятием? Пусть не покажется странным, если я скажу, что шкафчик помог мне завоевать минуты, которые и дали эти дополнительные тысячи метров ткани.

Я продолжал искать и нашел другие источники повышения производительности: изменил скорость станков. Правда, это требовало предварительного инструктажа работниц. Покончив с этим, я перешел к следующему рубежу своего «наступления на минуты». Разработал график профилактического осмотра и ремонта оборудования. По-иному организовал работу бригады.

«Наступление на минуты» заставило всех членов бригады дорожить рабочим временем.

Третий год сталинской послевоенной пятилетки мы встретили в октябре 1947 года, а всю пятилетку обязались закончить в 3 года и 8 месяцев. Шесть работниц нашей бригады уже освоили нормы 1950 года, а вся бригада достигла довоенной нормы выработки.

Две годовых нормы — моё правило

Евдокия ОЖИНА,
бригадир по художественной отделке тортов фабрики «Большевик»

Иногда мне становится стыдно. Я знаю, что это ложный стыд, но все же не могу от него отделаться. Меня беспокоит мысль: «Люди работают за станками, за сложными машинами, а ты занимаешься тортами». Поэтому трудовые подвиги других стахановцев всегда кажутся мне более серьезными, чем мои.

Но с отменой карточек мне стало веселее, и я стала ценить наше производство гораздо выше. Говорю себе и товарищам:

— Мы должны давать советским людям красивые и вкусные торты.

После окончания на «отлично» школы ФЗУ меня назначили бригадиром в бригаду, где все работницы были и опытнее и старше меня. Неловко как-то руководить взрослыми людьми. Но раз меня назначили бригадиром,— значит, руководить надо. И я принялась за работу. Училась сама, помогала другим, внесла ряд рационализаторских предложений. Они могут показаться несущественными по сравнению, скажем, со станочным делом, но и они сыграли свою роль в нашем общем деле.

Моя бригада работает хорошо. Я сама выполнила две годовых нормы. Машин у меня нет, никаких приспособлений я устроить не могу, все у нас зависит от быстроты и уменья, от навыка и сноровки. Фигуры и розы на тортах я делаю сама. Стараюсь делать их покрасивее. Мне приятно сознавать, что продукция моего труда может доставить удовольствие советским людям.

В ответ на обращение ленинградцев я обязалась выполнить пятилетку в три с половиной года.

РАНДОЛЬФ ХЕРСТ, КОРОЛЬ ЖЕЛТОЙ ПРЕССЫ

Г. БАНАТОВ

В Калифорнии, на берегу Атлантического океана, раскинулось богатое поместье.

Здесь, в Сен-Симонской усадьбе, в главном дворце «Каса Грандэ», живет, утопая в роскоши, король желтой прессы, пропагандист войны Вильям Рандольф Херст.

«Нет ни одной разновидности порока и преступления,— пишет американский историк Чарльз Берд,— которую Херст не использовал бы для целей наживы».

Свои сказочные богатства Херст начал приобретать во время первой мировой войны. Он выпускал тогда кинофильмы и попутно участвовал во всевозможных жульнических операциях.

Немало потрудился Херст и над развязыванием второй мировой войны. Заключив тесный союз с Гитлером, он прославлял фашизм, за что, впрочем, получал изрядную мзду от гитлеровского отдела пропаганды.

Во время борьбы демократических наций с гитлеровскими полчищами, вынужденный временно приглушить свои дифирамбические восторги по адресу нацистов, Херст, однако, продолжал снабжать информацией гитлеровский штаб. Он был, естественно, и одним из тех, кто рьяно выступал против открытия второго фронта.

Руки Херста обильно выпачканы кровью. На труде, потрясениях и крови наживал он свои богатства. И богатства эти достигли поистине огромных размеров.

В Сен-Симонском поместье четыре дворца. Все они выстроены в разных стилях, в разной архитектуре. Здесь и испанский, и мавританский, и итальянский стиль, и стиль испанского Ренессанса.

Плиты, некогда служившие украшением Помпеи, ныне брошены под ноги обитателей херстовских дворцов. В спальную комнату Херста за баснословную цену была доставлена из музея кровать кардинала Ришелье. Комнаты основного здания украшены гобеленами, извлеченными из покоев и приемных зал европейских королей.

В его главной усадьбе сооружено два искусственных пруда. Один из них выложен редчайшим мрамором. Бассейн другого озера-пруда украшен золотыми плитками и лапис-лазурью.

Сотни хищников, посаженных в железные клетки, по вечерам сотрясают своим рыком окрестности. Это собственный зоопарк Херста. Гул моторов, протяжные гудки, пароходные сирены перекликаются друг с другом: у Херста собственный аэродром, свои пароходы, своя железнодорожная линия и личный поезд.

Херсту захотелось стать владельцем животноводческой фермы. Но ему не нравятся американские быки: это слишком обыденно. И со склонов далекого Тибета и из Австралии ему везут стада быков.

Мексика присылает в Сен-Симон тонкие уздечки. Из Египта привезли сюда гробницы с мумиями. Идут корабли, нагруженные разным добром, из Китая, Австралии, Африки, Индии, Испании, Франции, Германии.

Все страны мира хочет превратить Херст в своих данников.

* *
*

Но владения Херста не ограничиваются Сен-Симоном. Ему принадлежат крупнейшие дома и отели в Нью-Йорке, Лос-Анжелосе, других городах США. Херст «на корню» закупил один из красивейших монастырей Испании, и монастырь был разобран и перевезен в Нью-Йорк.

Форрест Девис в статье, опубликованной в 1944 году, дает подробное описание богатств, принадлежащих Херсту. Херст—акционер общества, владеющего золотыми приисками в США. Он совладелец компании по разработке медных рудников в Перу. Он собственник нефтяных промыслов и лесных угодий в Мексике. Территория в 900 тысяч акров занята скотоводческими фермами, поставляющими сырье для принадлежащей Херсту консервной фабрики. В Уэльсе он владеет роскошным замком св. Данта, в Голливуде — киностудией. По приблизительным подсчетам, имущество его оценивается в 220 миллионов долларов.

Но и этого, видно, мало Рандольфу Херсту. В стремлении увеличить свои баснословные богатства, сегодня он делает все, чтобы развернуть самый прибыльный для финансовых магнатов «бизнес» — разжечь новую войну.

И со страниц многочисленной херстовской прессы широким потоком льются ложь и клевета, направленные в первую очередь против советского народа.

* *
*

Газетный трест Херста — один из крупнейших в США. Ему принадлежат 17 газет и 10 журналов. Они издаются в Нью-Йорке, Бостоне, Балтиморе, Питсбурге, Чикаго, Детройте, Лос-Анжелосе, Сан-Антонио и других крупнейших городах страны.

Наиболее крупные газеты треста—воскресные «Санди джорнал энд америкэн» и «Санди миррор». Их тираж — более двух миллионов экземпляров. Еще большим тиражом издаются ньюйоркские журналы «Космополитэн» и «Гуд хаускипинг». Херсту принадлежат три радиостанции, киностудия и телеграфное агентство «Интернейшнл ньюс сервис». Таким образом, в его распоряжении все рычаги пропаганды и агитации — от газетного листа до экрана и микрофона.

Рисунок Бор. Ефимова

Херстовская фабрика лжи из года в год наводняет страну своей продукцией. Нет такой газетной полосы, вышедшей из-под конвейера херстовского комбината, которая не посягала бы на демократические права свободолюбивых народов и на демократические свободы своего народа. Нет такой заметки, которая бы не лгала, не клеветала.

Преуспевать на этом поприще Херст начал еще смолоду. В 1882 году, недоучка, исключенный из Гарвардского университета, он явился к своему папаше в редакцию издаваемой им газеты и принялся за новое ремесло. Не выделяясь никакими талантами, не обладая даже посредственными способностями в области литературного творчества, он начал создавать свой, херстовский жанр журналистики. В газетах Херста-отца стали появляться крикливые статьи, клеветнические заметки, сенсационные фотоснимки, сфабрикованные в кабинетах редакции, фальшивые документы, бульварные «новости», повествующие об уголовных историях и любовных похождениях, которых в действительности не было.

Ко времени, когда Херст-сын стал самостоятельным владельцем газетного треста, он уже был многоопытным клеветником и лгуном.

«Трудно описать, чего только Херст не делал в начале своей карьеры с целью принизить и развратить журналистскую профессию,— говорит американский публицист Виллард.— Весь тон американской журналистики снизился из-за примера и конкуренции человека, газеты которого были не только беспринципны, но зачастую просто бесчестны».

Газетный трест Херста превратился в одну из главных трибун реакционной клики США. Позже он стал рупором фашизма.

Еще в 1934 году Херст одним из первых прилетел в Берлин, на поклон к Адольфу Гитлеру. Корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» писал тогда, что Херст заключил в Берлине выгодную сделку. Да, выгода была немалой: за предоставление информации отдел пропаганды нацистской партии обязался выплачивать Херсту миллион марок в год.

Связь Херста с Гитлером не прекращалась до самого падения фашистской Германии. На протяжении всех довоенных лет херстовская пресса систематически публиковала статьи Геринга, Геббельса, Розенберга, Муссолини.

Во время войны херстовская печать неустанно кричала о неминуемом разгроме Советской Армии. Она выступала с призывами против военного сотрудничества США с Россией и другими демократическими нациями. Решительные действия Рузвельта, направленные на укрепление боевого сотрудничества с великими державами, борющимися против Германии, она расценивала как бредовые, а самого президента объявила человеком, потерявшим рассудок...

Человек высокого роста с вытянутым лицом и с круглым брюшком, человек, похожий на породистого доббермана, возлежит на кровати кардинала Ришелье. По телефону он управляет своей разбойничьей бандой пера. И многочисленная армия продажных журналистов, за доллар всегда готовая к услугам Херста, разносит по белу свету провокационные измышления и бессовестную ложь своего патрона.

* *
*

Херсту минуло 84 года. Злобный старец всячески цепляется за жизнь. Он не курит, не пьет, редко появляется на людях, избегая волнений, остерегается простуды. Как волк в берлоге, живет он в своем роскошном дворце, с тайными выходами и засекреченными замками, и лишь изредка, по особо важным делам, выезжает из Сен-Симона в бронированном автомобиле.

Ткачиха

Евгений РАТНЕР
Специальный корреспондент «Огонька»

Об этом соревновании не знал никто. Мария Волкова из Орехова-Зуева была известна всей стране. Она считалась лучшей ткачихой Советского Союза. Она наткала столько материи, что ею можно было одеть не одну тысячу людей.

А кто знал рижанку Елизавету Савельеву? Несколько подруг, десяток соседок по цеху... Некоторые из них помнили, как пятнадцатилетним подростком Лиза пришла на небольшую текстильную фабрику. Была она робкой, молчаливой, но работала, как говорили старые ткачихи, «с пониманием».

Когда надвигались на Латвию немцы, Лиза неожиданно заявила, что идет на войну. Почти четыре года она провела в госпитале. Она была одной из самых преданных своему делу медицинских сестер. Не раз давала она свою кровь раненым солдатам. Врачи говорили о ней: «Савельева создана для медицины. Это — ее призвание».

Лиза сама думала так же. Вернувшись на родину, в Ригу, Савельева снова пошла работать в госпиталь. И тут, сидя как-то в палате, она раскрыла газету и впервые прочитала о Марии Волковой. Лиза почувствовала, как горят у нее щеки. Она сразу же мысленно представила себя в цехе, у ткацких станков... Как ей захотелось туда!

Двенадцать станков обслуживала Волкова, а она когда-то — только два. Смогла б она столько?

...Вскоре Савельева пришла на крупнейшую в Риге текстильную фабрику «Большевичка». Лиза и теперь на первый взгляд казалась робкой.

— Сможете обслуживать три станка?—спросил начальник цеха.

— Нет. Я хочу... шесть!

— Шесть? Но для этого нужен большой опыт, большое уменье. Вы знаете, даже знаменитая Мария Волкова...

— Обслуживает двенадцать,—закончила Елизавета. — Я знаю. С шестью справлюсь, — Савельева произнесла это тихо, но так, что нельзя было ей не поверить.

Даже себе не призналась бы она, что именно в тот день началось ее негласное соревнование с Волковой. Тогда ей казалось, что ореховозуевская ткачиха стоит на недосягаемом пьедестале. А она, маленькая, смотрит на нее, высоко задрав голову. И в то же время уже ощутимое чувство подсказывало ей, что она может пойти по пути Волковой.

Елизавета очень быстро освоила шесть станков. У нее оставалось даже свободное время.

«Можно шагать дальше»,— подумала она.

Целую неделю высчитывала, прикидывала, потом заявила, что берет десять станков.

— Попробуем,— сказал мастер Клявин.—В крайнем случае, если ничего не выйдет, вернетесь на свои прежние шесть. Позора в этом не будет. Попытка — не пытка.

Клявин не знал, что накануне Савельева получила письмо из армии от брата. Узнав, что сестра снова вернулась на фабрику, он писал ей:

«Ни на секунду не сомневаюсь, Лизанька, что с твоей энергией, упорством, при твоем умении беззаветно отдаться делу ты сможешь стать первоклассной ткачихой. То, что ты начала сразу с шести станков,— хорошо, но я уверен, что ты на этом не остановишься. Мы с тобой прошли войну и знаем, как много может сделать наш советский человек. И на своем примере ты покажешь это своим подругам-латышкам. В общем, Лизанька, больше смелости и веры в себя! (Я-то в тебя верю.)».

Елизавета очень любила брата. После смерти родителей он был ее первым другом.

Она сразу же ответила ему:

«Перехожу на десять».

Когда Клявин сказал ей: «Попытка — не пытка»,— Савельева только усмехнулась. Она ничего ему не ответила, но подумала: «Назад, к шести, я уж не вернусь. Об этом не может быть и речи».

Каждая операция ткачихи у станка измеряется секундами. На замену челнока по норме полагалось 8 секунд, на ликвидацию обрыва нитки — 30 секунд.

Елизавета упорно уплотняла время. Она выработала точный маршрут перехода от станка к станку. Она начала учитывать каждое свое движение.

Сидя как-то в театре, Савельева поймала

Знатная ткачиха крупнейшей в Риге текстильной фабрики «Большевичка» Елизавета Петровна Савельева.

Фото В. Руйковича

себя на том, что все мысли ее на фабрике, у станков.

Она была поглощена работой. О ней думала дома, на улице, даже перед сном...

Лежа в постели, Лиза мечтала:

«Вдруг совсем неожиданно Мария Волкова узнает о ней, Лизе Савельевой. Открывает «Правду»—и там заметка... Нет, портрет, а под ним заметка: «Елизавета Савельева — рижская ткачиха с фабрики «Большевичка», догнавшая знаменитую ткачиху Марию Волкову».

«Что это за Савельева такая?» — подумает Волкова. Наверно, скажет: «Какая же она, эта Савельева? Хорошо бы ее увидеть». И вот они вместе. Жмут друг другу руки. Улыбаются...»

Ни одного слова в газете не пропускала Елизавета о Волковой. И вот она узнала, что Мария перешла на 16 станков.

В цехе уже несколько дней простаивало два станка. Ткачиха, обслуживавшая их, заболела, заменить ее было некому. Хотя станки эти находились в стороне от рядов Савельевой, но она решила пустить их.

Никогда не было так трудно Савельевой, как в эту ночь. Маршрут ее значительно удлинился. Станки были плохо налажены. Нити часто рвались. Нервы ее были напряжены до предела. Когда окончилась смена, ноги у нее буквально подгибались.

— Зачем ты надрываешься, Лиза?—спросила, подойдя к ней, ткачиха Лиепиньш. — Шутка сказать: десять станков обслуживала, когда все мы — три-четыре? Мало? Зачем тебе двенадцать? Или ты за деньгами гонишься?

— Лежал у нас в госпитале один старший сержант,— тихо вымолвила Савельева.— Было у него четвертое ранение. И ранило его, как только пошел взвод в атаку на немецкие укрепления. Упал он возле самых проволочных заграждений. Чувствует: не пройти ему дальше. Покидают силы. Тогда он поднялся, лег всем телом на колючую проволоку и крикнул:

«Не задерживайтесь, братцы, бегите по мне!»

Солдаты замешкались. Как бежать по живому человеку? А он был командиром взвода. «Бегите по мне! — кричит.— Я приказываю!» И целый взвод по нему перешел через колючую проволоку.

В госпиталь пришел приказ о награждении его орденом Красного знамени. Так что ж, может быть, ты спросила бы у него: не ради ли ордена он это совершал? Я себя с тем сержантом равнять никогда не посмею. Я, может быть, и мизинца его не стою. Но борюсь я за то же, за что и он.

Как-то одну ткачиху уличили в том, что она украла несколько метров ткани. Узнав об этом, Елизавета бегом бросилась в кабинет директора. Никто не видел до тех пор тихую и всегда спокойную Савельеву такой разъяренной. От волнения красные пятна покрыли ее лицо. На глазах блестели слезы.

— Да это все равно, что рубаху стащить у родной матери, что пеленку у собственного ребенка украсть!—глядя на ткачиху, выкрикивала Елизавета.— Ты себя обокрала, меня обокрала. Ты честь свою рабочую на кусок материи променяла!

В кабинет собрались работницы. И тогда Савельева впервые громко назвала имя Волковой.

— Что бы ты сказала, если бы перед тобой тут сейчас стояла Мария Волкова? Она, не жалея сил, на 16 станках работает, чтоб быстрее и лучше всех наших людей одеть. Что бы ты ей ответила? Ведь ты украла материю, которую ждет крестьянка на хуторе или демобилизованный солдат, что за тебя кровь проливал!

— Я ее три станка на себя беру!—громко вымолвила Лиепиньш.

— Правильно! Правильно, дорогая!—воскликнула Елизавета.— Так мы ей ответим. Я беру пятнадцать станков.

— А я на десяти попробую,— скромно произнесла Брокайн.

— И я не отстану,— проталкиваясь вперед, сказала пожилая Андреева.— Я с ней рядом работала, я от стыда горю, что есть еще среди нас люди, на такую пакость способные. Для нас Лиза — пример, а не ты. Мы тебя и знать такую не хотим. Лиза о Волковой говорила, а ты ей, Лизе Савельевой, в глаза погляди. Она на войне кровь раненым отдавала, а теперь всю себя народу отдает. Так и каждая из нас должна для всех стараться.

Из кабинета директора ткачихи вышли, окружив со всех сторон Савельеву.

— А в старое время такую бы мы, пожалуй, покрыли, не выдали б,— сказала Андреева.— Раньше ткачихи воровство за позор не считали. Некоторые еще хвастались одна перед другой, что смогли ловко вынести.

Радостно билось сердце у Савельевой. Нет, уже многие понимают, что времена переменились. Теперь мы сами хозяева и фабрики и всей республики. Как возмутил и оскорбил всех этот поступок! И сейчас работницы вокруг нее сплотились. Андреева ее с Волковой сравнила. С Волковой! С завтрашнего дня она на пятнадцати станках начнет работать. А другие — на шести, на десяти. Хорошо! Очень хорошо!

Вскоре случилось так или почти так, как мечтала Елизавета. Мария Волкова узнала о ней. Она прочитала о достижениях Савельевой и ее подруг в газете и написала ей письмо:

«Твой успех, дорогая Лиза, для меня и для всех наших работниц — большая радость. Радуемся мы, что догоняют нас текстильщики молодой советской республики, что все вместе идем мы в ногу по большой дороге к прекрасной цели. А чтоб дорога эта была еще короче, мы, ореховозуевские ткачихи, вызываем вас, рижанок, на социалистическое соревнование».

Закончилось негласное соревнование Елизаветы Савельевой с знаменитой Марией Волковой. Теперь за соревнованием двух знаменитых ткачих следила вся страна.

Елизавета и Мария часто обменивались письмами. Они стали настоящими подругами. «Нужно нам повидаться. Поговорить по душам, обменяться опытом. Приезжай к нам в гости в Орехово-Зуево»,—как-то написала Волкова.

Следом на фабрику пришло официальное приглашение.

Мария Волкова приняла ее, как родную. Взявшись за руки, они стояли, вглядываясь

Зимние «сухопутные пароходы» с санями на утюгообразных полозьях.

Сухопутный пароход

(Из истории техники)

Осенью 1830 года в России был выдвинут замечательный проект организации рейсов «быстрокатов», или, говоря нынешним языком, скоростных паровых автомобилей. Автор этого проекта петербургский лафетный мастер Янкевич сконструировал жаротрубный котел и хотел установить его на повозке.

2 сентября 1830 года Янкевич подал прошение на имя Николая I о выдаче ему с товарищами привилегии на введение в России паровых экипажей под названием «быстрокатов», способных развивать скорость до 30 верст в час и выше. В то время, как у Стефенсона котел «Ракеты» имел лишь 25 дымогарных трубок, а котел крупнейшего английского паровоза 1831 года — «Самсона» — 89 трубок, в «быстрокатах» Янкевича обычный котел, как говорилось в прошении, «заменяется более ста железными прочными трубами». Изобретатель предложил также обогревание зимой «быстрокатов» теплом отработанного пара, «чтобы предохранять каждого, в них находящегося, от стужи».

В конце 1830 года этот замечательный проект с подробными чертежами поступил в Главное управление путей сообщения, где подвергся рассмотрению в комиссии проектов и смет, возглавляемой Морисом Дестремом. Этот иностранный специалист погубил работу Янкевича. Придравшись к недостаткам в отдельных деталях, комиссия забраковала «быстрокат».

Над проблемой механизации сухопутного русского транспорта работал другой предприимчивый изобретатель — Василий Петрович Гурьев. К середине 30-х годов Гурьев создал оригинальный проект постройки в России целой сети деревянных торцовых шоссе (сейчас мы сказали бы автострад) и предложил установить по ним регулярные рейсы паровых тягачей с прицепными экипажами, летом — на колесах, зимой — на полозьях. В 1836—1837 годах вышла его превосходно изданная книга «Учреждение торцовых дорог и сухопутных пароходов в России» [1], где этот проект излагался во всех подробностях. Книга была иллюстрирована лучшими художниками того времени. Гурьев считал, что бездорожье в России является главной причиной ее технико-экономической отсталости. Он был уверен, что Россия может обогнать Англию по уровню развития производительных сил. «Мы основываем все наши виды будущего процветания России на машинах,— писал Гурьев.— А машины находят себе жарких противников. Есть люди, которые считают машины злонамеренными и опасными. Полно, не шутят ли эти люди?.. Превосходить в полтора раза производительность Англии! Возможно ли желать высшего счастья?! А оно отнюдь не далеко от нас, и достигнуть его не так трудно, как иным кажется».

Проект Гурьева сто лет назад был неосуществим в силу общественных условий. Кроме того Гурьев (как и другие авторы проектов паровых повозок) ошибался, полагая, что первым этапом борьбы с бездорожьем должна явиться механизация безрельсового транспорта. Самой насущной задачей того времени было введение железных дорог. Гурьев же писал в своей книге о железных дорогах, как о дополнительном виде коммуникаций, и в этом состояло его второе заблуждение.

Однако проект Гурьева остается очень интересным документом технической и экономической передовой мысли того периода. Гурьев одним из первых составил карту сети механизированных путей сообщения. Он первый в Европе предложил паровые безрельсовые поезда, рассчитанные на летний и зимний путь. Наконец, он связал вопрос о механизации русского транспорта с более широкой проблемой машинного переворота в русском народном хозяйстве.

В. ВИРГИНСКИЙ

[1] В то время четкая терминология еще не установилась. По аналогии с паровым судном, давно именуемым «пароходом», как локомотивы, так и паровые повозки часто называли «сухопутными пароходами».

Так, по замыслу авторов, должен был выглядеть «сухопутный пароход» в летнее время.

друг в друга, слозно встретившись после долгой разлуки.

— Вот ты какая!—восклицала Мария, глядя на стройную, изящную Елизавету.

— А ты маленькая какая! Я думала, ты огромная,— счастливо улыбалась Елизавета.

— Ну, не такая уж я маленькая. Вот надену туфли на высоких каблуках, тогда увидишь... Я тебе так рада, так рада!

Деловые разговоры начались на другой день в цехе.

В газетах их нередко называли соперницами. Что ж, может быть, и в самом деле они соперничали в подвиге. Но не было в этом слове старого, многовекового смысла.

Все, все свои «секреты» открывала Мария Елизавете. Она говорила:

— Гляди сюда, запоминай. Видишь, как я сменяю челнок. Три секунды — и готово. Смотри еще раз. Я останавливаю станок, не давая ему до конца доработать початок, когда челнок подошел к отводке. Теперь смотри: я одновременно работаю правой и левой рукой. Видишь: левой рукой выталкиваю доработанный челнок, а правой заправляю второй. Ни одного лишнего движения, поэтому и укладываюсь в три секунды. Ну, попробуй ты.

Савельева становилась на ее место, а Волкова пристально глядела за ней.

— Хорошие руки у тебя, Лиза! Сразу уловила. Попрактикуешь дома — и пойдет.

В течение нескольких дней они ходили вместе на смену.

— Я прохожу у тебя высшее многостаночное образование, — говорила Елизавета.— Это же настоящий университет.

Как-то Савельева, неловко улыбаясь, сказала Волковой:

— А тебе не будет обидно, если я тебя перегоню?

— Глупенькая, как у тебя язык поворачивается такое спрашивать! Перегоняй на здоровье. Тогда я к тебе приеду, подучусь.

И тут же, задорно сверкнув глазами, добавила:

— Только не думай, что я тебе поддамся. Это уж извини, пожалуйста. Мы, ореховозуевские, лицом в грязь не ударим.

Обо всем этом вспоминала Савельева, выступая на собрании коллектива фабрики, когда обсуждался призыв ленинградцев завершить пятилетку в четыре года.

Когда быстрой девичьей походкой прошла она по залу и поднялась на трибуну, со всех сторон взлетели аплодисменты.

Все знали: Савельева пришла сюда прямо из цеха. Она закончила выполнение шестой годовой нормы. Сто одиннадцать тысяч метров текстиля наткала она. Сто одиннадцать километров!

Елизавета не была оратором. Она говорила просто, почти не повышая голоса, будто беседуя в узком кругу подруг.

— Когда я была в Москве,— рассказывала Савельева,— я пришла на Красную площадь и долго стояла там. Я думала о себе, о вас, об очень многом думала я там... Я сказала тогда себе: «Жить — это значит всегда идти вперед». Мне вспомнился мой отец. Здесь, в Риге, он родился, жил и умер. Он был печником. Он приносил людям тепло. Но ему самому всегда было зябко. Холодной была его жизнь. Он сам говорил: «Тяну жисть». Разве была у него какая-нибудь цель, кроме куска хлеба? Разве знал он, что значит идти вперед? А мы с вами знаем, для чего живем. Мы свою большую цель хорошо видим и идем к ней неутомимо. Вот я сейчас на двадцати станках работаю. Ткачихи знают: нелегко было добиться этого. Но есть у нас прекрасная спутница, с ней всегда легко,— это радость от сознания, какую пользу приносит наш труд народу. Сейчас я готовлюсь перейти на тридцать станков. Другие перейдут с пятнадцати на двадцать, с десяти на пятнадцать. Потому что мы не можем стоять на месте. Сталин так нас учит. Это он сказал: «Социалистическое соревнование говорит: одни работают плохо, другие хорошо, третьи лучше,— **догоняй лучших** и добейся **общего подъема**»! Общего подъема — вот чего мы с вами добиваемся.

И главное — выполнения пятилетки в четыре года. Социалистическое соревнование ведет нас вперед. А значит, вперед идет наше советское государство.

Рядом со мной сидела пожилая женщина. Восторженно глядя на Савельеву, время от времени она шептала, наклоняясь к соседке:

— Ну и Лиза! Что ты скажешь? Как говорит! Что ни слово, то золото. Министр, настоящий министр!

Что танцовать?

Статья В. Городинского «Приглашение к танцу», опубликованная в №№ 3—4 «Огонька», вызвала отклик музыкальной и театральной общественности.

Утверждение В. Городинского о том, что «новые формы бытового танца имеют значение немногим меньшее, нежели массовая песня, и роль их в эстетическом воспитании молодежи огромна», принято одобрительно всеми, откликнувшимися на статью «Приглашение к танцу».

Народный артист РСФСР П. М. Казьмин — художественный руководитель русского народного хора имени Пятницкого, в составе которого имеется танцовальная группа, лауреат Сталинской премии В. П. Бурмейстер — художественный руководитель балета Музыкального театра имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко и Г. А. Шаховская — балетмейстер Московского театра оперетты, ставившая также танцы в кинофильмах «Цирк», «Волга-Волга», «Трактористы», «Весна», делятся своими мыслями о возможности создания новых, советских бытовых танцев.

«СОВЕТСКАЯ КАДРИЛЬ»

Советские люди любят танцовать. Лучшее тому подтверждение — обилие национальных танцев и множество, десятки тысяч, самодеятельных хореографических коллективов. Но от советского человека бесконечно далек классический менуэт или па-де-катр и абсолютно неприемлемы «суинг» и «буги-вуги», которые столь мало походят на танец вообще. Лишь вальс, как танец, отличающийся четкой музыкальной и хореографической выразительностью, продолжает свою жизнь.

Мне кажется, что необходимо создать не только парный, но и массовый бытовой танец.

Я хочу изложить свои мысли по поводу создания такого ансамблевого бытового танца, который условно назову «советская кадриль». Я исхожу от кадрили как названия танца, в котором участвует любое число партнеров, кратное четырем. Далее я исхожу от кадрили, так как она не только у различных наций, но и в различных областях одной страны преломлялась по-своему. Мы знаем не только старинные русские и французские кадрили, но и сибирскую и уральскую кадрили.

Прелесть нового бытового танца должна заключаться в ярком богатстве танцовальных фигур, разнообразных по темпу и ритму. В основу фигур необходимо положить синтетические элементы народных национальных танцев — украинских, белорусских, грузинских и т. д. Каждая фигура, имея свой национальный колорит, придает всему танцу многонациональное звучание, типичное для советской действительности. Начинать и завершать кадриль надо русским характером танца.

Самые фигуры не должны быть сложными. Хореографы обязаны преподнести их в популярной и доступной форме.

Ведущая мелодия музыки «советской кадрили» будет преломляться в ритме и характере гармонии в зависимости от смены фигур. Разнообразие фигур, выраженное и в музыке, не должно придавать ей рваный, лоскутный вид.

Какие требования предъявляются новым танцем к музыкальному материалу? Прежде всего мелодичность и еще раз мелодичность. Каждый созданный танец уходит в народ на испытание, и только те танцы выдерживают это испытание с честью, в основе которых лежит ясная и напевная мелодия. Именно напевная, легко доступная к голосовому воспроизведению.

Отличительная черта сегодняшних западных «модерн-танцев» — уход от мелодии к абсурдному, непевческому, лязгающему и громыхающему сумбуру, уход к извращенно-рафинированному ритму, ломаному и противоестественному. «Суингстиль»—безусловный образец воинствующего антиреализма современной буржуазной культуры, ее упадочнического характера, приветствующего умопомешательство и наркоманство во всем и повсюду, даже в танце.

Для советского искусства, глубоко народного, глубоко реалистического, приемлем лишь тот бытовой танец, который рожден напевной, красивой мелодией и предельно четким ритмом. Создание бытового танца, не отвечающего этим требованиям, будет, безусловно, отвергнуто советскими людьми.

Помимо «советской кадрили» мне хотелось бы предложить разработку парного маршеобразного танца. В его ритмической первооснове должно лежать маршевое, поступательное, бодрое движение. Хореографическая идея этого танца зиждется на ловкости, изяществе, пластичности. Это танец молодости, живой, веселый. Он по традиции восходит к русскому народному плясу и не имеет ничего общего с расслабляющим притоптыванием румбы.

Музыкальные требования к этому танцу те же, что и к «советской кадрили»,— мелодичность и ритмичность. И здесь мелодия должна быть легко запоминающейся, жизнерадостной, оптимистичной, без тени уныния и меланхолии.

Этот танец будет стремительным и увлекательным. Люди здоровые, сильные духом и телом, не смогут равнодушно смотреть на танцующих и будут вовлечены в веселый поток.

Итак, за тесное содружество балетмейстеров, композиторов, актеров, музыкантов, за создание новых советских бытовых танцев!

Г. ШАХОВСКАЯ,

главный балетмейстер Московского государственного театра оперетты

Лучшие пары время от времени показывают в центре круга свое искусство.

Фото Дм. Бальтерманца

Танцовальная картинка «Сбор винограда».

Фото В. Гребнева

ПРОСТО И ДОСТУПНО...

Если на афише написано «Танцы»,— успех вечера обеспечен. Наша молодежь любит танцовать, да и не только молодежь. Нередко среди вальсирующих пар можно видеть и немолодых людей, искусно соперничающих с молодежью.

Танец крепко вошел в быт и досуг народа. Даже на войне, в минуты короткого привала, стоило только появиться гармонисту, начинался разудалый пляс.

Но несмотря на это, ни мы, балетмейстеры, ни композиторы не создали еще свой, советский танец, который вошел бы в быт.

К сожалению, большое распространение у нас сейчас получили так называемые западные танцы: фокстроты, танго,— по своему характеру и ритму чуждые нашей жизни, нашим людям. Советская молодежь нуждается в бодром, жизнерадостном танце, несомненно, основанном на элементах народных плясок. Если мы внимательно присмотримся к дошедшим до нас бальным танцам (па-д'эспань, мазурка, па-де-катр), мы в каждом из них, иной раз в сильно преображенной форме, увидим элементы народных плясок, послуживших прообразом этих танцев.

Огромное хореографическое богатство таит в себе русская народная пляска. Каждая область пляшет ее по-своему. У туляков есть свои приемы, Рязань знает секрет других коленцев, и все-таки есть нечто, роднящее их всех,— это жизнерадостность, горделивая осанка и чувство собственного достоинства, свойственное русскому человеку.

Чтобы новый бытовой танец стал действительно массовым, он должен быть очень прост и доступен. Кроме того при создании танца надо помнить и о костюме, в котором он будет исполняться. Нельзя представить себе грузинскую женщину, медленно плывущую мелкими шажками вокруг партнера, в короткой юбке, или украинку, пляшущую гопак в длинном платье. Костюм влияет на ритм, на внешний рисунок танца. Наш новый танец должен быть таким, чтобы его можно было танцовать в любом костюме.

Мы знаем, что в древности праздник урожая сопровождался танцами, в которых в условной, театрализованной форме повторялись и воспевались трудовые процессы. Труд породил танец в его первооснове. И где, как не в нашей стране, где труд не обязанность, а радость и призвание человека, должен быть создан свой танец, который станет любимым и близким нашей жизнерадостной молодежи.

В. БУРМЕЙСТЕР,

лауреат Сталинской премии, художественный руководитель балета Музыкального театра имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко

ВСЕ КРАСИВО!

Вопрос о создании новых, советских танцев своевременен и важен.

Если говорить о новом бытовом или бальном танце, то хореографам надлежит отталкиваться от народных танцев, в частности от русской народной пляски, используя для работы здоровый, бодрый дух и обаятельную простоту (именно простоту, а не примитив) народных плясок, их метрическое и музыкальное разнообразие.

Разве можно не вспомнить, думая о советском бальном танце, праздничность, торжественность, степенность, плавность и грацию медленного хоровода, где «красные девицы» выступают «царевнами», а парни проходят удалыми «добрыми молодцами»!

Замечательно Репин сказал о нашем народе: «Какой красивый, дородный народ!.. И эта осанка, полная достоинства. Как ни станет мужик — все красиво». Разве не обязаны хореографы положить в основу русских бальных танцев эту «осанку, полную достоинства»?

В новом бальном танце могут быть и веселые, и грустные, лирические мотивы. Но эта лирика и грусть вовсе не похожи на наркотический дурман современного западного танца. Лев Николаевич Толстой сказал как-то: «В русской народной песне есть и грусть, но эта грусть особенная, она поднимает, бодрит». Слова великого писателя в равной мере относятся и к русскому танцу. Сам народ в своих старинных песнях ценными указаниями помогает развитию творчества наших балетмейстеров. Будто специально для бального танца звучат простые, образные слова, сказанные про девушек: «По улице широкой идут, словно белые лебедушки плывут».

Авторы советских бальных танцев обязаны сохранить в них непосредственность, женственность, скромность, большое внутреннее достоинство народной пляски, то есть внести в новые танцы подлинно русское. Ведь и кадриль, и лянсье танцовались в России поиному, по-своему, без сентиментальности, слащавости и надрывности, а с задором и искренностью.

Балетмейстер Государственного русского народного хора имени Пятницкого Татьяна Устинова работает сейчас над новыми, советскими бальными танцами. Музыкальный материал для них строится на народных песнях «При долинушке калинушка цвела» и «Ах вы, сени, мои сени». Первый танец степенный, второй быстрый, мажорный. Следует отметить, что в разработке хореографического рисунка балетмейстер не стремится к максимальной простоте. Ведь вальс танцовать не каждый может, надобно сначала поучиться! И это желание поучиться, да получше, таит в себе особую привлекательность.

Среди используемых Устиновой хореографических материалов надо обратить внимание на русскую мазурку. Устинова заимствует оттуда возможность отдельным лучшим парам время от времени показывать в центре зала свое искусство, чтобы затем снова слиться с потоком танцующих.

Балетмейстеры должны выявить в танце дух и приемы самые неподражаемые, русские, чтобы просилась к танцу улыбка Наташи Ростовой — торжественная, гордая, хитрая, веселая. В пляске ее чувствовались ум, гордость, большое здоровье — то, что должно характеризовать и наш будущий новый бальный танец.

Рисунок танца не должен быть однообразным, но обязан иметь законченную форму, оправданное начало и оправданный конец, без лихорадочно беспорядочного движения «суингстиля» — по принципу: кто во что горазд.

Забота о создании новых танцев в равной доле с балетмейстерами ложится и на композиторов. Требования к их музыке можно выразить в ясной и простой форме: мелодичность, идущая от народной мелодии, отточенность музыкального языка, ритмичность, выразительность.

Новые бытовые и бальные советские танцы можно и нужно создавать!

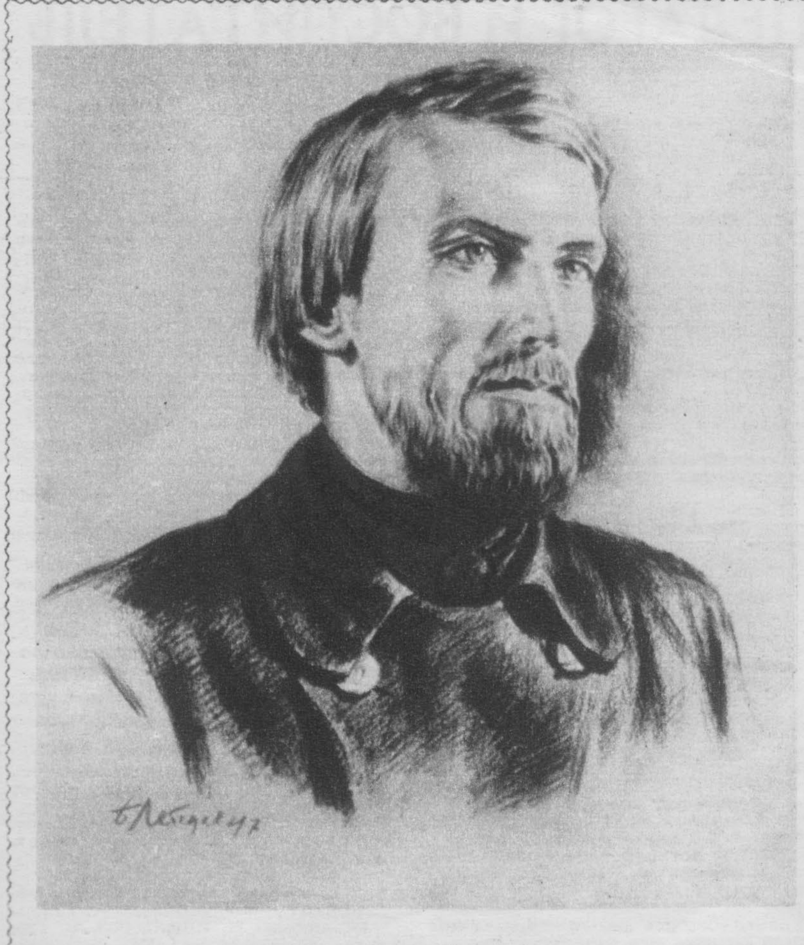
П. КАЗЬМИН,

народный артист РСФСР, художественный руководитель Государственного русского народного хора имени Пятницкого

Национальная эстонская пляска.

Фото М. Озерского

Портрет В. Г. Белинского

Петербургский кружок Белинского.

Кружок Белинского в Московском университете.

В. Г. Белинский и М. Ю. Лермонтов.

Повесть о жизни Белинского

ВЫСТАВКА РИСУНКОВ Б. ЛЕБЕДЕВА

Перед советскими графиками стоит почетная и ответственная задача — создать художественные произведения, посвященные передовым мыслителям России: Чернышевскому, Герцену, Добролюбову. Рисунки пензенского художника Бориса Лебедева, обстоятельно повествующие о жизни Белинского, представляют поэтому радостное явление в нашем искусстве.

В них раскрывается облик великого русского гражданина, близкий и дорогой советскому человеку. К решению своего замысла художник подошел любовно и добросовестно. В течение двух лет он внимательно изучал многочисленные исторические материалы.

Следует отметить удачный выбор Лебедевым сюжетов, освещающих основные этапы недолгой жизни Белинского. И в этом сказалась помощь, оказанная художнику советскими литературоведами, в частности профессором Н. Л. Бродским, и общественными организациями на родине Белинского, в Пензенской области.

Художник создал вдохновенный образ пламенного русского патриота, непримиримого врага самодержавия, провозвестника светлого будущего великой России.

Иконография Белинского невелика. Какие-либо изображения Белинского в отрочестве не сохранились вовсе. И Лебедев, который ведет свое повествование с раннего детства Белинского, смело «угадывает» облик мальчика. Наиболее удачным из цикла детства представляется лист «Белинский в Чембаре».

Не все рисунки одинаково удались автору. Групповые композиции пришлись ему более по душе, нежели пейзажи. Однако в групповые портреты необходимо было внести больше композиционного разнообразия.

Но в целом нельзя отнять у Лебедева заслуженного успеха. Им интересно воссозданы образы современников Белинского: Гоголя, Некрасова, Лермонтова, Щепкина, Достоевского и многих других.

Конечно, главное — это работа художника над образом самого Белинского: зритель видит его за работой, при чтении трагедии «Дмитрий Калинин», в кружке Станкевича, у Бакунина, Одоевского, Гоголя, видит его в Пензе, Москве, Петербурге, Париже, видит в последние минуты, умирающим со светлым предвиденьем грядущей народной революции.

Приятно увидеть появление графического цикла Лебедева в дни, когда народы СССР, свободные и счастливые, готовятся отметить столетие со дня смерти гениального русского публициста.

Э. Венов

ПЕДАГОГ И ВОСПИТАТЕЛЬ

Военно-учебное кино

Минометчики (кадр из военно-учебного фильма «Немецкая оборона и ее преодоление»)

У противотанкового орудия (кадр из военно-учебного фильма «Немецкая оборона и ее преодоление»)

Неиссякаемый источник творческого вдохновения видят мастера советского кино в славной истории вооруженных сил Советского Союза. Героические образы советских полководцев и воинов запечатлены в выдающихся художественных фильмах: «Чапаев», «Щорс», «Волочаевские дни», «Мы из Кронштадта», «Александр Пархоменко», «Оборона Царицына», «Великий перелом», «Клятва». Перечень военно-художественных картин может быть значительно увеличен. Общеизвестны документальные кинокартины о боевых ударах армии-освободительницы.

Миллионы метров пленки, на которой фронтовые кинооператоры зафиксировали все этапы исторических побед Красной Армии над фашистскими ордами, составляют драгоценный вклад в «Кинолетопись Великой Отечественной войны».

Но есть еще одна отрасль советской кинематографии, менее известная широкой публике. Это—военно-учебное кино, внесшее свою лепту в дело разгрома врага.

Еще задолго до войны группа кинорежиссеров, сценаристов, операторов стала популяризатором и пропагандистом современной военной науки и техники. Опыт тактических маневров послужил материалом для таких картин, как «Борьба за Киев», «Ударом на удар», «Непобедимая». Военная тема была интересно решена в демонстрировании на экранах фильмов «Семь барьеров», «В тылу врага», «Четвертый экран», «Случай на границе». Уже тогда создавались отдельные фильмы, обучавшие «науке побеждать»,— «Рукопашный бой», «Лыжник-боец», «Снайперы», «Военные переправы вплавь» и другие. Эти картины до сих пор не потеряли своего значения.

Но военно-учебное кино приобрело особое значение в суровые годы войны. Студии научно-популярных фильмов в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Киеве, а потом и в Ташкенте перешли к постановке военно-оборонных картин для нужд Советской Армии. В те дни 80 процентов фильмов были посвящены военной теме.

Московское население хорошо помнит картину режиссера Л. Антонова «Как бороться с зажигательными бомбами», которая научила защитников столицы тушить пожары «по фильму».

Как спасти урожай и свое жилье, рассказывал фильм «Как бороться с зажигательными бомбами на селе».

Строительство укрытий, противохимическая защита, борьба с неразорвавшимися фугасками — все эти актуальные темы были отражены в доходчивых фильмах-плакатах.

Это были инструктивные и пропагандистские фильмы. Но для подготовки воинов разнообразных профессий требовались кинопособия. И тогда был создан кинокурс для всеобщего военного обучения. В него вошли картины: «Стреляй метко», «Пистолет-пулемет», «Карманная артиллерия», «Преодоление противопехотных препятствий».

Кинематограф с его разнообразными видами съемок помог советским воинам освоить многообразные и сложные процессы современного боя, понять работу умных механизмов, которыми страна вооружила свою армию.

Не было такого рода войск, которые для подготовки пополнения не использовали бы военно-учебные картины. Часто фильмы успешно заменяли лектора, донося до сознания зрителей в короткие сроки то, на что потребовались бы долгие лекционные часы.

Наиболее сложным жанром военно-учебного кино был тактический фильм. Эти картины об искусстве сражения требовали от их создателей настоящего боевого опыта.

Каждый новый этап войны ставил новые задачи перед мастерами военного кино. Когда армия-победительница перешла границы и вошла в логово врага, на экране появились кинодокументы, в которых разоблачались многие тайные замыслы фашистских мракобесов.

Режиссеры В. Шнейдеров, В. Сутеев, А. Кондахчян, Н. Угрюмов, Л. Анци-Половский, В. Альтшуллер, Н. Фомин, А. Пресняков, А. Челаков, М. Хабарин, В. Карин, Н. Носов, Р. Майман, Н. Галкин, П. Вайнштейн, В. Павлов стали в эти годы настоящими военными специалистами—танкистами, авиаторами, артиллеристами, моряками, военными медиками и т. д. И все же ни одна картина не создавалась без высококвалифицированных консультантов.

Теперь, когда Советская Армия приступила к учебе в обстановке мирного времени, огромный боевой опыт советских вооруженных сил продолжает фиксироваться на советских киностудиях.

Гениальная сталинская стратегия и тактика, новейшие достижения военной науки и техники, образ воина—труженика и победителя—таковы темы, над которыми работают сейчас кинематографисты-патриоты — мастера военно-учебного фильма.

О. ОЛЬГИНА

КОМПОЗИТОР ЗА РАБОТОЙ

Песни композитора В. П. Соловьева-Седого широко известны в нашей стране: их поют в городе, в деревне, исполняют на эстраде, передают по радио...

— Вы спрашиваете, над чем я сейчас работаю? Ваш вопрос застал меня в тот момент, когда я заканчиваю работу, которой был занят свыше года... Вот послушайте,— говорит Василий Павлович Соловьев-Седой и садится за рояль.— Это финал второго акта моей новой музыкальной комедии «Самое заветное», над которой я работаю вместе с драматургами Вл. Массом и М. Червинским. Как мне кажется, работа над советской песней, которой я был занят последние годы, во многом помогла мне сейчас, когда я обратился к более крупным музыкальным формам. Мне хотелось построить музыкальную ткань комедии на основе легких и шуточных лирических песен, в характере современных напевов, бытующих в городе и в селе. Вот почему я обратился к образам нашей сегодняшней колхозной деревни.

Василий Павлович сыграл несколько отрывков из новой музыкальной комедии, закрыл рояль и подошел к окну:

— Видите тот дом? Напротив... Здесь до революции был кинотеатр «Слон». В этом кинотеатре семилетним мальчиком я впервые увидел рояль и услышал его звуки. Пожилая дама в порядке музыкального сопровождения какой-то душещемительной картины играла на нем вальс «Оборванные струны» и «Молитву девы». Мне с большим трудом удалось познакомиться с киномехаником театра, в обязанности которого входила не только демонстрация картин, но и уборка помещения... Моя мечта осуществилась: я получил доступ к роялю и довольно скоро научился на нем «бренчать». В то время я не мог мечтать о серьезной учебе. Но в 1917 году мой отец, как и все рабочие Петрограда, получил новую квартиру и, заметив мою любовь к музыке, купил пианино. Я стал учиться.

В Ленинградском музыкальном техникуме, в классе профессора П. Б. Рязанова, началась систематическая учеба будущего композитора.

За создание популярных и любимых народом песен Василий Павлович Соловьев-Седой дважды удостоен Сталинской премии. Активную творческую работу талантливый композитор сочетает с широкой общественной деятельностью: В. П. Соловьев-Седой — депутат Ленинградского Совета.

Гр. МЕРЛИНСКИЙ

Композитор В. П. Соловьев-Седой в кругу офицеров, Героев Советского Союза, играет свои песни, написанные на слова поэта Александра Прокофьева (стоит справа).

Победители Шхельды

Евг. СИМОНОВ

Капитан сборной команды альпинистов «Спартака», заслуженный мастер спорта Виталий Абалаков перед восхождением.

После долгого ненастья наконец выглянуло солнце, и лагерь альпинистов «Спартака» ожил. Клубы пара медленно поднимались над отсыревшими палатками. Звенел напильник в инструкторском городке, где затачивали «кошки» к предстоящему походу. А сван Апресион сказал:

— Глядите, сама хозяйка ущелья сняла сегодня покрывало.

На западе плавно и неторопливо, как занавес в театре, раздвигалась пелена тумана, открывая зловещие отвесы ледяной стены пика Щуровского, поднимавшегося над ущельем. Мы знали, что там, в этом кромешном хаосе льда и гранита, пробиваясь сквозь туманы и лавины, совершают свое восхождение наши товарищи. Их ведет Виталий Абалаков, инженер-конструктор и заслуженный мастер спорта.

Тревога охватывала нас каждый раз, когда мы видели по утрам, как огромными змеями снова и снова выползали из ущелий туманы, обвиваясь вокруг стены, как свежий снег ложится на черные скалы. Ведь снег в горах — это лавины, а туман — это движение с завязанными глазами. Много дней под ряд мы поднимались на каменистые осыпи «Приюта Аристова», вплотную прилепившегося к подножию Шхельдинского ледопада, до боли в глазах часами всматривались в стену... Шурша, сползали по своим веками проложенным путям лавины. Подскакивая на скалах, валились огромные камни. И снова мертвящая тишина, снова неподвижность во всем ледяном мире. Снова завеса тумана укутывала страшную гору и вступивших в единоборство с ней наших товарищей. «После такой непогоды нечего ждать их раньше чем дней через пять»,— сказал метеоролог, и мы уже собирались, взвалив на плечи рюкзаки, спускаться по морене, когда внезапно увидели четыре темные точки, резко выделявшиеся на светлом небе. Это они! Не может быть никаких сомнений — они! Итак, пик взят ими, и теперь абалаковцы продвигаются по гребню.

Миновал еще день и еще ночь, когда на узкой морене, ведущей от самого подножья стены к зеленой лужайке нашего лагеря, показалась цепочка людей. Медленно двигались они, отягощенные увесистыми рюкзаками, отдавшие все силы многодневной борьбе. Лица их загорели до черноты, голоса охрипли, глубоко запавшие глаза говорили о нечеловеческой усталости. Их окружили, обнимали, засыпали вопросами, и улыбающаяся Валя Чередова бережно приняла в свои огрубевшие руки годовалую дочурку.

Они стоят перед нами — пятерка победителей: кряжистый спокойный Иван Леонов, подвижной остраслов Николай Гусак, порывистая Валентина Чередова, сухощавый Александр Боровиков; подавшись чуть вперед, стоит Виталий Абалаков!

До вечера весь лагерь, все ущелье живут совершенным восхождением. Взята стена пика Щуровского, прямо «в лоб». Так, по вертикали, поднимались лишь птицы. И «орлом Шхельдинского ущелья» почтительно назвал Виталия старейший сван Гио, пришедший поздравить своего русского друга...

* *
*

В тот год, когда три сибиряка — Виталий и Евгений Абалаковы и Валя Чередова — впервые приехали на Кавказ, там совершала восхождение группа западноевропейских альпинистов. Они были хорошо оснащены, высокомерно носились со своими званиями членов королевских и академических клубов, хвастались своей техникой скалолазания и корчили из себя фаталистов. Один из них сказал Виталию покровительственно:

— Альпинизм — та же лотерея. Что же касается до альпинистов, то они неизбежно кончают одним: падают с гор. Рано или поздно, но это удел каждого. Все мы обручены с белой горой.

— Нет! — резко возразил тогда молодой сибиряк.— Мы должны действовать наверняка — рассчитывать не на удачу, а на технику и подготовку. Мы не пленники белой горы, а ее покорители!

И вот в незатейливой лаборатории спортивного института начал Виталий Абалаков опыты.

Друзья говорили ему с недоумением:

— Ну, какая же это работа для конструктора! Ведь в спорте решают сила и ловкость, а не твои механизмы. Пороха тут не выдумаешь, дальше мелких усовершенствований идти некуда!

Но Виталий был по природе своей конструктором — человеком, призвание которого — прокладывать новые пути. И пришел тот час, когда он поднял на крепкие плечи увесистый свой рюкзак. В нем, как всегда, лежало все то, что составляет арсенал восходителя: стальные «кошки», крючья, карабины, с помощью которых человек подымается по отвесным скалам. Но все это снаряжение совсем не походило на «кошки» Эккенштейна, ледорубы Хорошевского, карабины Мадушки — на классическое снаряжение спортивного Запада: от самозатачивающегося гвоздя на подошве ботинка и до ледоруба необычайной формы все было продумано и изготовлено по новым законам, по моделям самого Виталия Абалакова.

...Отвесные, низвергающиеся на сотни метров гранитные стены. Покрытые стекловидной корочкой натечного льда крутые скалы. Вздыбленные бока ледопадов. Здесь прошедшим летом проверялось новое отечественное снаряжение. И здесь, на глазах альпинистов, оно выдержало это испытание с честью.

Группа В. Абалакова тренируется на леднике Кашка-Таш.
Фото Ю. Леонгардта.

На снимке: 1. Спуск по ущелью Адыл-Су. 2. Впереди обрыв! Лыжник отталкивается и взлетает в воздух. 3. Старший инструктор альпинизма Федор Лемстрем знакомит свою группу с окружающими вершинами.

У ОТРОГОВ ЭЛЬБРУСА

Фото и текст заслуженного мастера спорта А. СИДОРЕНКО

Знойный февраль. Снежный пляж на высоте 3 тысяч метров. Это звучит парадоксально, но поднимемся с вами в верховья живописного ущелья Адыл-Су — и вы поймете, в чем прелесть кавказской зимы.

Первые лучи солнца позолотили снежный купол восточной вершины Эльбруса. Горнист проиграл подъем, и альпинистский лагерь «Локомотив» проснулся.

— На зарядку! — отдает по радио распоряжение дежурный.

Из двухэтажного здания выбегают и становятся в строй загорелые юноши и девушки.

Вековые сосны покрыты мохнатым инеем. Под ногами поскрипывает свежий снежок.

— Не холодно? — спрашивает инструктор.

— Жарко! — отвечают молодые альпинисты.

После зарядки все население лагеря устремляется к реке Адыл-Су. Большинство моется до пояса, наиболее закаленные прямо ныряют в обжигающие воды горной реки.

К немалому удивлению неискушенных новичков, никто из «купальщиков» не простужается.

— Но где же обещанный пляж? —спросите вы.

— А вот — смотрите.

Цепочка альпинистов медленно подымается в цирк Джантуганского ледника. Это огромная снежная чаша, обрамленная цепью уходящих высоко в безоблачное небо величественных вершин.

Альпинисты подходят к громадному покрытому снежной шапкой гранитному валуну.

— Снять рюкзаки! — говорит инструктор.— По случаю прекрасной погоды объявляю час вольных катаний. Форма одежды — № 2.

Через минуту сброшены теплые тренировочные костюмы, и одеяние альпинистов теперь состоит из дымчатых защитных очков и трусов. Надеты лыжи. И вот лыжники помчались вниз, вздымая на крутых виражах облака снежной пыли, оставляя на девственной белизне причудливые узоры.

Люди в трусиках на снегу! Экзотическое зрелище, но объясняется оно очень просто. В это время здесь, в горах, наблюдается усиленная солнечная радиация. Неподвижный янтарно-чистый воздух легко пропускает тепловые (инфракрасные) лучи. Нигде вы не увидите такого свежего, крепкого загара, как в феврале на Кавказе.

Но чуть только солнце скрылось за вершиной Джан-туган, мороз снова вступает в свои права, и альпинисты натягивают шерстяные свитеры и теплые брюки.

С конца января по 10 марта в лагере «Локомотив» проводятся горнолыжные сборы альпинистов. 80 молодых рабочих, студентов, служащих— членов добровольных спортивных обществ «Локомотив», «Родина», «Большевик» — под руководством опытных инструкторов совершат походы на Джантуганское плато и вершину Лекзыр (3800 метров).

Группа инструкторов под руководством заслуженного мастера спорта Алексея Малеинова впервые в зимних условиях поднимется на Ушбинское плато (4200 метров) и вершины пика Щуровского, Чатын-Тау и Малую Ушбу.

Таков был этот человек, пересекший великую Безингийскую стену, которую зовут «Президиумом Кавказского хребта», поднявшийся на вершину Дых-Тау, вторую по высоте в Европе, оставивший свой автограф на поднятых в семикилометровые выси пиках Ленина и Хан-Тенгри. Друзья почтительно звали его «дважды заслуженным», ибо среди миллионов советских спортсменов и сотен мастеров лишь братья Виталий и Евгений Абалаковы носят звание заслуженного мастера альпинизма и и заслуженного мастера спорта.

Виталий Абалаков хорошо помнил, как в тот его первый приезд на Кавказ некий иностранный турист покровительственно сказал ему, еще «зеленому» новичку, о стене пика Щуровского и о ребре массива Шхельды:

— Вот он, живой предел альпиниста. Эта северная стена, мой молодой друг, есть проблема международного спортивного класса. Если русские спортсмены смогут лет через пятьдесят хотя бы мечтать о восхождениях на такие стены и ребра, — уже это сделает им честь.

Ошибался член Королевского общества. Виталию Абалакову и его товарищам — Валентине Чередовой, Николаю Гусаку, Ивану Леонову и Александру Боровикову — не потребовалось пятидесяти лет.

— Мы затратили двадцать ходовых часов на штурм, а я два года — на разработку снаряжения,— скупо сказал капитан команды.

После ночевки, проведенной на крохотном уступчике, с которого свешивались в бездну их ноги, альпинисты увидели над своей головой самый трудный участок этой стены пика Щуровского, отполированной ветрами и лавинами. «Ключевая позиция обороны пика»,— сказал склонный к философии Александр Боровиков. Все каменное тело стены прорезал «камин», широкая извилистая щель. Опираясь на стенки этой щели, как бы отталкиваясь от горы, висел над бездной капитан восходителей, высматривая расщелины для крюков.

Примостившись на уступчике, Боровиков видел, как напрягается тело Абалакова. «Мышцы деревенеют!» — подумал он, но в этот момент, извернувшись, как ящерица, каким-то шестым чувством угадав опору, Виталий выбрался из темной щели. Он снял вязаную шапочку, вытер пот, подставляя лоб ветерку. Да, эти четыре метра «камина» сто́ят иных километров: они потребовали изнурительной часовой работы.

Теперь можно посмотреть вниз, на каменистое плато, где на фоне серебристых палаток уже алеет яркий спартаковский свитер. Таким способом радист Вадим Костырев сообщает группе время. Затем Виталий окидывает взглядом пройденный путь: за эти два часа удалось подняться на сорок метров.

Над столпившимися вдоль долин, как стада курчавых овец, облаками уже возникают прозрачные, излучающие утренний розовый свет куполы Эльбруса. Они первыми среди всех вершин видят восходящее солнце, которое, поднявшись над хребтами, озарит стену и затерявшихся в ее диком хаосе людей. А час спустя первый пробившийся над горами луч, как золотая шпага, ложится на темные скалы у ног альпинистов, достигших наконец вершины пика. Победа венчает их, свершивших то, чего не сделал еще ни один альпинист...

* * *

Неделю спустя снова остается позади зеленый лагерь, снова гулко ударяет ледоруб и густым, полным звоном вторит ему надежно забитый крюк. Команда Абалакова штурмует вторую свою цель — северное ребро стены Шхельды. В сильный бинокль мы ясно различаем темные фигуры на зеленоватом фоне ледопада. На ладони сидящего рядом с нами на «Приюте Аристова» Вадима Костырева лежит рация, она не больше пачки «Беломора», а вставленная в нее лампочка чуть длиннее наперстка. Из наушников, которые Костырев с нарочитой небрежностью кладет на камни, слышен голос:

— Говорит «Спартак». Мы находимся на вершине пика Профсоюзов (первая вершина Шхельдинской стены. — Е. С.). Интересуемся: где группа Абалакова?

Не подходя к наушникам, мы ясно различаем хрипловатый голос Пелевина, который со своей группой движется по гребню стены навстречу Абалакову, штурмующему ее «в лоб». Слышимость такая, что Костырев вынужден просить:

— Не так громко, ребята.

Ребро Шхельдинской стены — вторая проблема международного класса — была решена группой Абалакова за двадцать шесть ходовых часов. Ночь альпинисты провели подвесившись на веревочных стременах. А утром обе группы соединились на вершине покоренной стены.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

«ХРЕСТОМАТИЙНЫЙ ГЛЯНЕЦ» ПО-НАЦИСТСКИ

«Великий Бонапарт врывается в Сирию. В течение 15 часов он проделывает верхом во главе своих войск трудный путь в 70 километров. В результате — окружена Яффа, более 3 тысяч солдат противника сдалось в плен.

Но что делать с этими несчастными пленниками? Отправить в тыл? Это значит, что придется отослать с фронта около тысячи своих собственных солдат для сопровождения пленных. Обменять? Но у противника нет пленных. Отпустить? Но тогда эти люди вновь вольются в ряды противника и затруднят взятие следующей крепости, Акрона.

Наполеон держит военный совет. Все говорит за то, что пленных следует умертвить. И великий полководец, прославившийся своей решительностью, отдает приказ: «...пленных группами вводить в море и топить там, как котят».

Как вы думаете, читатель: откуда списан этот, леденящий кровь эпизод? Из «Избранных сочинений маркиза де-Сада»? Из бюллетеня «Общества антивегетарианцев»? Из научного труда о патологии зверств? Нет. Приведенный выше эпизод напечатан в немецкой «Хрестоматии для юношества», вышедшей недавно во французской зоне оккупации Германии. Составители этого учебника, в угоду своим хозяевам, решили навести «хрестоматийный глянец» на личность бывшего французского императора. И это люди, которым сейчас доверено воспитание немецких школьников во французской зоне! Они не назвали себя, но нетрудно догадаться, что это за педагоги, столь сочувственно рисующие зверский «подвиг» и милитаристский дух французского полководца.

ВСПОМНИТЕ, В КАКИХ КАРТИНАХ ВЫДАЮЩИХСЯ РУССКИХ ЖИВОПИСЦЕВ ВЫ ВИДЕЛИ ЭТИХ ДЕТЕЙ.

«МЯГКОЕ ЗОЛОТО»

Фото Э. Гутгарца

Здесь все интересно и необычно. Под открытым небом ровными рядами выстроились клетки-вольеры. В каждой из них один или пара обитателей. Некоторые в беспрерывном движении, большинство

Щенок серебристо-черной лисы.

же ведет себя весьма спокойно: свернулись калачиком и лежат прямо на снегу. Как видно, им нисколько не холодно. Их теплая, пушистая шуба может защитить от любого мороза.

В таких клетках-вольерах в Салтыковском зверосовхозе, под Москвой, разводятся ценные породы лисиц: беломордо-платиновые, беломордо-серебристо-черные, серебристо-черные, бакурианские, или грузинские, белые с черным или рыжим ремнем на спине.

Самая ценная и красивая из лис беломордо-платиновая. Она стального цвета, на мордочке четкий симметричный рисунок, белый ошейник, белые лапы, белый живот, кончик пушистого хвоста тоже белый.

В другом стиле серебристо-черная. Она тоже очень красива. Голова без рисунка. Вся шкурка в тончайшей серебристой проседи, будто на ней иней. На пушистом хвосте белый кончик.

Под руководством директора К. А. Вахромеева и старшего зоотехника В. И. Сидорова зверосовхоз проводит большую научную работу. Здесь выводятся лисы с новыми видами окраски.

В последнее время здесь выведена очень интересная лисица. Она имеет три цвета: белый, красный и черный. Таких лисиц нет ни в одном зверосовхозе. Оригинальна и весьма редка также платиново-золотистая лиса.

За зверями ведется замечательный уход. Зверей кормят по часам, два раза в сутки, время от времени их прочесывают. В клетках идеальная чистота. От этого зависит не только сохранность поголовья, но и качество меха.

В гигиенических условиях, на специальной кухне приготовляют корм. Рацион зверей состоит из мяса, овощей, каши, молока, рыбьего жира. Пить не дают. Зимой снег заменяет воду.

В этом году славно потрудился коллектив зверосовхоза, и сейчас здесь идет своего рода «уборочная». В декабре и январе забивают пушных зверей. Прежде чем забить того или иного зверя, специальная комиссия тщательно проверяет, готов ли его мех.

Вот осматривают серебристо-черную лису. Красива она! Как будто лучше и быть не может. По всей шкурке тончайший серебристый иней. Но комиссия выносит заключение:

— Не дошла. Пусть еще несколько деньков побегает.

Лучшим мехом считается тот, который имеет хорошее опушение в сочетании с хорошим цветом. Качеством шкурки зверей салтыковского хозяйства ничем не уступают тем, которые добываются от лис, выросших в природных условиях.

В Салтыковском зверосовхозе вот уже второй год разводят белых и голубых песцов. Житель далекой тундры, песец превосходно чувствует себя в Подмосковье. Зверосовхоз первый в Советском Союзе освоил разведение песца в неволе на этих широтах. Зверек здесь великолепно прижился. Уход за ним ничем не отличается от ухода за лисицей.

Сейчас ведутся интересные опыты по скрещиванию платиновой лисицы с голубым песцом.

С. МИНАЕВ

Молодняк

Красавица-чернобурка.

Почему мы так говорим

ТУРУСЫ НА КОЛЕСАХ

Техника обороны городов на Руси была высоко развита. Помимо укрепленных стен и башен, города окружали наполненными водой глубокими рвами. Вокруг устраивали надолбы — извилистые укрытия из врытых вплотную, один возле другого, бревен. Надолбы строились в два — три ряда и нередко тянулись на много верст.

Интересно, что слово «надолба», как будто исчезнувшее из языка и известное только историкам, возродилось в дни Великой Отечественной войны.

Кроме надолб строили еще тарасы. Это были ряды продольных и поперечных бревен. Тарасы покрывали сверху дранью.

Существовали и легкие подвижные укрытия. Они назывались «гуляй-город» (слово «город» когда-то имело иной, чем теперь, смысл — укрепление).

На Руси тарасы были неподвижны и врыты в землю. Между тем у древних римлян существовали сходные по названию с тарасами подвижные сооружения туррес (башни) мобилес (подвижные), или иначе туррес амбулаториэ — «гуляющие башни». Применение этих движущихся на колесах туррес казалось столь удивительным и неправдоподобным, что «рассказывать турусы на колесах» стало означать — краснобайствовать, говорить невесть что.

ФЕНИКС

В древнем Египте существовала легенда о птице Феникс. Сказочная птица якобы жила 500 лет. Когда приближалось время смерти, она устраивала гнездо из благовонных растений и сама в нем себя сжигала, чтобы воскреснуть к новой жизни из пламени и пепла. Феникс был символом вечности времени.

О Фениксе рассказывали Геродот и Тацит. Еще в древности Феникс стал образом возрождения и обновления жизни.

Из литературы выражения «несгорающий феникс», «как феникс из пепла» широко вошли в нашу речь.

И. УРАЗОВ.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гросмейстера
М. Ботвинника

ДВЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НОВИНКИ

В Международном турнире славянских стран памяти Чигорина по решению судейской коллегии специальный приз за теоретически ценную партию поделили Коттнауэр (за его партию с Пахманом) и Новотельнов (за партию с Болеславским).

В партии Коттнауэр—Пахман после ходов:

1.	d2—d4	d7—d5
2.	c2—c4	e7—e6
3.	Kb1—c3	c7—c6
4.	Kg1—f3	Kg8—f6
5.	e2—e3	Kb8—d7
6.	Cf1—d3	d5 : c4
7.	Cd3—c4	b7—b5
8.	Cc4—d3	a7—a6
9.	e3—e4	c6—c5
10.	e4—e5	c5 : d4
11.	Kc3—b5	a6 : b5
12.	e5 : f6	Фd8—b6
13.	f6 : g7	Cf8 : g7
14.	Фd1—e2	0—0
15.	0—0	Kd7—c5
16.	Cd3:h7+	Kpg8:h7
17.	Kf3—g5+	Kph7—g6
18.	Фe2—g4	f7—f5
19.	Фg4—g3	Лf8—f7

получилось положение, изображенное на снимке.

Этот длинный вариант Меранской защиты встречался несколько раз в советских и зарубежных турнирах. Мнение теоретиков о нем было различным, на практике же атака белых оказывалась неотразимой. Например, Котов против Коттнауэра в матче Москва — Прага пытался защищаться ходом 19. ... Кpf6, но после 20. Cf4 Кpe7 21. Лc1 Лa7 22. Лfe1 Cd7 23. b4 Ka6 24. K : e6 позиция черных была разгромлена в несколько ходов. В начале 1947 года львовский шахматист Ковалев рекомендовал ход 19. ... Лf7 и считал, что атаку белых можно отразить. Он оказался прав, но не на все 100 процентов: атаку, действительно, можно отразить, но эндшпиль получается для черных тяжелый.

20.	Cc1—f4	e6—e5
21.	Kg5:f7+	Kpg6:f7
22.	Cf4 : e5	Фb6—g6
23.	Фg3:g6+	Kpf7:g6
24.	Ce5 : g7	Kpg6 : g7

(На этом Ковалев закончил свой анализ и считал позицию в пользу черных. Коттнауэр опровергает это ошибочное мнение. Интересно отметить, что Пахман был знаком с анализом Ковалева. Он «ловил» своего партнера на этот вариант, однако, попался сам...

25.	Лf1—e1	Kpg7—f6?

Эта ошибка пускает белую ладью на восьмую линию. Еще неясна была картина после 25. ... Кpf7.

26.	Лe1—e8	Cc8—b7
27.	Лe8 : a8	Cb7 : a8
28.	f2—f3	Ca8—d5
29.	b2—b3	d4—d3
30.	Kpg1—f2	Kpf6—e5
31.	Kpf2—e3	f5—f4+
32.	Kpe3—d2	Kpe5—d4

Не проходит 32. ... C : b3 из-за 33. Лe1+.

33.	Лa1—e1	Kc5—e6
34.	Лe1—c1	Ke6—c5
35.	h2—h4	—

и белые выиграли партию на 52-м ходу.

Между прочим, эта победа Коттнауэра была единственной его победой в турнире.

* * *

В партии Новотельнов—Болеславский был разыгран злободневный вариант староиндийской защиты:

1.	d2—d4	Kg8—f6
2.	c2—c4	d7—d6
3.	Kg1—f3	g7—g6
4.	g2—g3	Cf8—g7
5.	Cf1—g2	0—0
6.	0—0	Kb8—d7
7.	Kb1—c3	c7—c6
8.	h2—h3	. . .

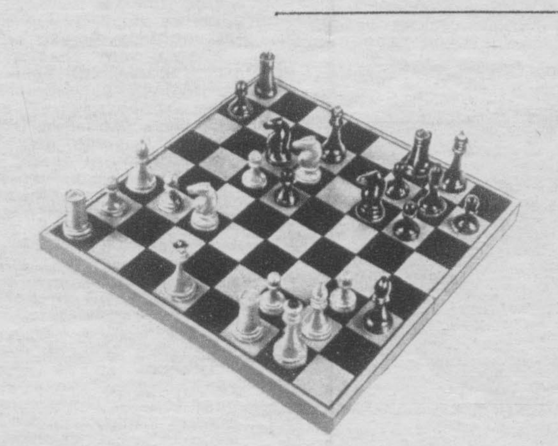
Обычно здесь играли 8. b3. Ход в тексте считался безопасным для черных из-за маневра, последовавшего в данной партии.

8.	. . .	e7—e5
9.	e2—e4	e5 : d4
10.	Kf3 : d4	Kd7—b6
11.	b2—b3	d6—d5
12.	e4 : d5	c6—d5
13.	c4—c5	Kb6—d7

Гросмейстер Болеславский — большой знаток староиндийской защиты. Однако здесь он допускает неточность. Больше шансов дает черным 13. ... Ке4, как, между прочим, было сыграно в партии О'Келли — Сабо Хильверсум 1947 года.

14.	Cc1—a3	Kd7—e5
15.	Kd4—b5	Ke5—e6
16.	Kb5—d6	Cc8—e6
17.	Kd6 : b7	Фd8—d7
18.	Kb7—d6	Ce6—h3
19.	Kc3 : d5!	

Хорошая жертва качества; пешка белых на ферзевом фланге и их чернопольный слон весьма неприятны. Теперь черные попадают в опасное положение.

19.	. . .	Ch3 : g2
20.	Kpg1 : g2	Kf6 : d5
21.	Фd1 : d5	Kc6—e7
22.	Фd5—c4	Cg7 : a1
23.	Лf1 : a1	

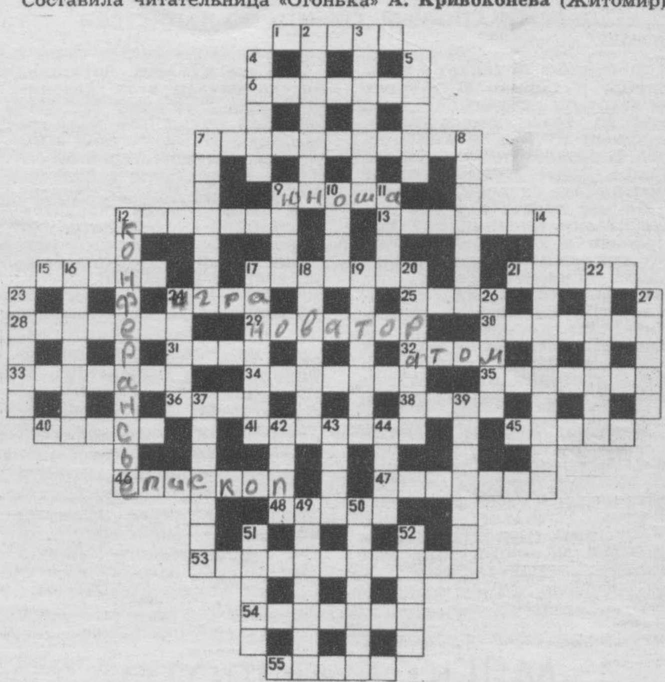
и лишь упорнейшей защитой черным удалось свести партию вничью.

* * *

Разумеется, этими двумя партиями не исчерпываются теоретические достижения чигоринского турнира. Не умаляя значения этих приведенных выше партий, укажем, что, на наш взгляд, ряд других партий турнира имеет неменьшее значение для теории начал, но это, конечно, — дело вкуса...

КРОССВОРД

Составила читательница «Огонька» А. Кривоконева (Житомир)

По горизонтали:

1. Утес. 6. Тюремная камера. 7. Административная единица во Франции. 9. Подросток. 12. Вид кирпича. 13. Солодковый корень. 15. Материя. 17. Объемистая книга. 21. Морское животное. 24. Забава. 25. Герой древнегреческой мифологии. 28. Способ печатания. 29. Вводящий в жизнь новшества. 30. Нарыв. 31. Несгораемый шкаф. 32. Мельчайшая частица вещества. 33. Постройка в Индии. 34. Персонаж итальянской народной комедии. 35. Древнегреческий храм. 36. Прозрачная бумага. 38. Буква греческого алфавита. 40. Лишение свободы. 41. Древнее государство в Азии. 45. Эльфы. 46. Духовное лицо. 47. Черепица. 48. Химический элемент. 53. Старинная французская монета. 54. Мясное блюдо. 55. Краска для усов.

По вертикали:

2. Минерал. 3. Прострел. 4. Млекопитающее. 5. Ход в руднике. 7. Политикан. 8. Судно в древней Греции. 9. Немецкий физик. 10. Китайская конопля. 11. Родовая община в Шотландии. 12. Ведущий программу концерта. 14. Драгоценный камень. 16. Крепостное укрепление. 17. Торжественный сигнал. 18. Соблазнитель. 19. Самодвижущаяся вагонетка. 20. Деспотизм. 22. Подарок. 23. Мучное изделие. 24. Растение. 26. Часть сцены. 27. Дерево. 37. Представитель власти в Швеции. 39. Порода собак. 42. Подкоп. 43. Результат. 44. Женское имя. 49. Азартная игра. 50. Счетчик оборотов. 51. Головной убор римских жрецов. 52. Совершенство.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 5 ЖУРНАЛА «ОГОНЕК».

По горизонтали:

2. Озеро. 6. Ротор. 7. Гран. 8. Танк. 10. Канат. 12. Пярну. 14. Ореол. 17. Балакирев. 18. Клад. 20. Чаус. 22. Терек. 24. Буфер. 25. Шпинат. 28. «Капитал». 29. Радуга. 33. Кора. 34. Ибер. 35. Груз. 36. Линотип. 37. Шаляпин. 38. Рион. 39. Рони. 42. Амок. 44. Аромат. 46. Балласт. 48. Ворона. 50. Роман. 51. Карел. 52. Авар. 53. Цент. 54. Воронихин. 58. Слива. 59. Офеня. 60. Бокал. 63. Обол. 64. Зело. 65. Тенор. 67. Агава.

По вертикали:

1. Свет. 2. Оракул. 3. Зона. 4. Рота, 5. Оратор. 7. Герб. 9. Киев. 11. Никитин. 12. Плата. 13. Намек. 15. Регул. 16. Луара. 18. Каир. 19. Детонатор. 20. Череповец. 21. Сруб. 23. Капитан. 24. Батайск. 25. Шкура. 26. Позор. 27. Налим. 30. Динар. 31. Герон. 32. Арика. 40. Нота. 41. Плотник. 43. Мост. 45. Аракс. 46. Бажов. 47. Тариф. 49. «Олеся». 54. Вино. 55. Работа. 56. Холера. 57. Неро. 61. Олег. 64. Азов. 66. Наль.

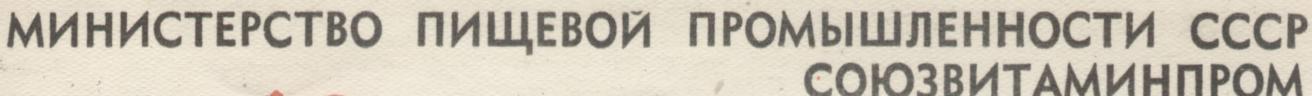
ОТВЕТЫ НА «ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ КАРТУ СССР» (№ 4)

1. Прибалтика. 2. Озеро Байкал. 3. Донбасс. 4. Аральское море. 5. Черноморское побережье Кавказа. 6. Дельта Волги. 7. Курильские острова. 8. Уральский хребет.

Главный редактор — А. СУРКОВ. **Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.** **Оформление И. УРАЗОВА**

А — 01069 Подписано к печати 3/II—48 г. 5½ печ. л. Изд. № 82. Тираж 154 000. Заказ № 21. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
СОЮЗВИТАМИНПРОМ

Витамин
ВИТАМИН Д — излечивает и предупреждает рахит.
ВИТАМИН Д — особенно необходим детям в зимние месяцы, когда мало солнца.
ВИТАМИН Д — содействует общему укреплению здоровья детей и особенно правильному росту костей и зубов.
ВИТАМИН Д — способствует срастанию костей при переломах у взрослых и детей.
ВИТАМИН Д — необходим беременным и кормящим матерям для нормального питания плода и грудных детей.
Норма потребления витамина Д устанавливается врачом.
Оптовые заказы на витамины направляйте в областные и республиканские конторы Главкондитера и Росглавкондитера, а также в Союзвитаминпром по адресу: Москва, ул. 25-го Октября, 7.
СОЮЗВИТАМИНПРОМ
ВИТАМИН
КОНЦЕНТРАТ ВИТАМИНА Д
Витамины укрепляют здоровье.
Требуйте витамин Д во всех аптеках!

Министерство Вкусовой Промышленности РСФСР Трест «Росдрожжи»
ДРОЖЖИ
Прессованные и сушеные дрожжи хорошо поднимают тесто, дают вкусный хлеб, обогащают его белками и витаминами.
Прессованные и сушеные дрожжи с успехом можно использовать для приготовления хлеба из муки любого сорта, а также для куличей и сдобных булочек.
Росдрожжи
Прессованные
ДРОЖЖИ
Московский
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ДРОЖЖЕВОЙ ЗАВОД
Прессованные
ДРОЖЖИ
ВЕС 100 ГР.
Продажа во всех продовольственных магазинах

Экскурсия колхозников сельхозартели «Огородный гигант» (Московской области) в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Фото Георгия Зельма

Цена 3 руб.